СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Алекс КАМЕНЕВ

АЛХИМИК

Никто не позаботится о тебе лучше тебя самого...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Средневековье… терпкий глоток изысканного вина, хмельной аромат свежего эля, прекрасные дамы, рыцарские турниры, поединки чести… Нет… озлобленные крестьяне, кровожадные дезертиры, жестокие маги, беспощадные аристократы… жажда обретения запретного могущества… выживание…И посреди всего этого ты – изнеженный горожанин двадцать первого века Земли. Ничего не умеющий, выросший в тепличных условиях комфортного мегаполиса. Единственное твое преимущество – сознание подростка, в которого ты попал. Уличный сирота, с младых лет понявший простую истину – никто не позаботится о тебе лучше тебя самого…

- Алекс Каменев
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24

Алекс Каменев
Алхимик

© Алекс Каменев, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Глава 1

Над головой шумела листва. Густые кроны величественно раскачивались на ветру. В отдалении перекрикивались говорливые птицы. Стволы деревьев ровными шеренгами уходили в массивы зеленого моря сверху, где редкими проблесками мелькали обрывки ярко-голубого бездонного неба.

Что за?..

Это что, лес? Какого… я тут делаю?

Осознал себя лежащим на траве. Вокруг никого. Только звуки дикой природы. Той самой, что уже давно привык видеть исключительно на сверхчеткой картинке телевизора. Даже на шашлыки давно уже выезжаем на специально подготовленные площадки, где лес и не лес вовсе, а аккуратно подстриженный и вычищенный парк.

Ерунда какая-то…

Сел. Точнее, попытался. Стоило туловищу принять вертикальное положение, как перед глазами помутнело, а затылок отозвался острой болью.

Блин… Рука автоматически метнулась к проблемному месту. И тут же нащупала мокрые спутавшиеся волосы. Прикосновение вызвало еще одну порцию болевых ощущений.

На голове рана, – подумал как-то меланхолично, будто каждый день пробивают черепушку чем-то тяжелым.

Чем это меня так? И кто?

Напали, огрели дубинкой, ограбили и выбросили в темный закуток? Типичная история для полицейских хроник крупных городов. Особенно если гулять по опасным районам в темное время суток.

Проблема в том, что за мной никогда не водилось столь дебильных привычек. И потом, при чем тут лес? Вывезли за город, после того как обчистили карманы? Бред. Зачем возиться? Проще оставить на месте и спокойно уйти, дав дворникам утром повод набрать номер полиции.

Может, хотели убить? Избавиться от трупа в лесном массиве, уже выглядело не столь бредово. Правда, закопать забыли, имелся шанс, что заядлый грибник или экотурист найдут труп.

Да и с самим убийством не сраслось. За что меня убивать? Не такая важная фигура. Никаких явных или неявных врагов, способных организовать нечто подобное, попросту нет.

Чушь полная. Какие, в задницу, враги? Недоброжелатели разве что. С работы. Конкуренты по карабканью по пресловутой карьерной лестнице. От них если дождешься чего, то мелкой

пакости, но уж точно не покушения на убийство. Это же не кино, в самом деле.

Значит, что-то еще.

Я напряг память, пытаясь вспомнить последнее событие. Вроде была суббота. Приезжал Димка из отпуска и по старой доброй традиции позвал отметить возвращение. Засели у него, человек пять или семь. Близкие друзья, знавшие друг друга с незапамятных времен.

Отравление исключалось. Как и шутки с вывозом в лес. Не школьники уже давно заниматься такой ерундой.

Что потом?

Выпили, закусили, болтали о том о сем. Затем Димка достал какую-то старинную безделушку. Он любил покупать всякий древний хлам. Вещица напоминала расческу, типа гребенки-заколки, не знаю, как называются штуки, чем девицы расчесывали волосы в стародавние времена.

Точно! Я этой хреновиной укололся. Вертел в руках, мысленно удивляясь человеческим привычкам к коллекционированию всякой ерундовины, что вряд ли пригодится в жизни современного человека, а затем на кончике пальца выступила капелька крови.

И всё. Дальше как отрезало. Темнота и беспамятство. Очнулся здесь.

– Бред какой-то, – вслух пробормотал я.

И пораженно замолк. Голос не мой! Какого хрена?! Занятый размышлениями о причинах появления в незнакомом месте, я до этого мгновения ни на что больше не обращал внимания. И только сейчас додумался посмотреть на руки.

Не мои! Руки, мать их перемать, не мои!

Слишком маленькие. Узкие запястья, вытянутые кисти, тонкие пальцы. ДЕТСКИЕ РУКИ!!!

О господи! Я принялся судорожно ощупывать себя и с каждой дальнейшей секундой приходил во все больший ужас. Забыл о боли. Забыл об окружающем лесе. Забыл обо всем. Потому что тело принадлежало не мне.

Тело не мое! Как такое может быть?

Первая мысль – галлюцинации. Точно, укололся древней железякой, схватил столбняк, привезли в больницу, накачали лекарствами. Теперь лежу под капельницей, ловлю приходы.

Или хуже. Подхватил какую-нибудь гадость от долбаной расчески. И тоже сейчас валяюсь в палате под тоннами мощнейших антибиотиков. А вокруг – результат воспаленного воображения ослабленного экзотической болезнью организма.

Дерьмо! Паршивец Диман подставил своей неумной жаждой

к собирательству архаичного барахла. Ну я это ему еще припомню…

Я принялся с ожесточением щипать себя, пытаясь проснуться. Нахождение в одиночестве в лесу вызывало неприятное чувство беспокойства. Того и гляди из-за деревьев выскочит волк или иная живность с намерением полакомиться беззащитной человечинкой.

Оно мне надо, такие кошмары? Лучше прийти в себя, и плевать, насколько пробуждение окажется болезненным…

Но, к сожалению, щипки почему-то отказывались помогать. Только кожа покраснела и усилилась боль от раны на голове.

Вот еще одна странность. Можно ли во сне ощущать боль? И довольно приличную.

Хороший вопрос. И без ответа с моей стороны. Я в подобных делах совершенно не разбирался. Работа в офисе не предполагала подобных знаний.

С трудом встал, едва не грохнувшись снова на землю. Голова закружилась, перед глазами поплыли круги. Черт! Как бы не сотрясение. Тошнота подступила к горлу, но пустой желудок не изверг ничего.

Постоял, привыкая к изменившемуся восприятию мира. Тело слушалось плохо, шатало из стороны в сторону, едва не завалился опять, стоило сделать небольшой шаг вперед.

Медленно и чрезвычайно осторожно огляделся. Оказалось, лежал у подножья склона с крутым наклоном. По следам на траве и окровавленному камню под ногами удалось восстановить приблизительную картину событий.

Подросток, в чьем теле я очутился, если это не сон и все происходило на самом деле, шел наверху, споткнулся, зацепился за что-то, упал и покатился вниз. Тут шарахнулся головой о булыжник и вырубился.

– Разрази меня гром, – пробормотал я под нос.

И второй раз поразился, насколько неправильно и непривычно звучит чужой голос. Ломкий, тонкий, совершенно не похожий на обычный мужской, принадлежащий взрослому человеку.

– Попал, – медленно протянул я.

И опять вслух. Звучание незнакомого голоса убеждало в реальности происходящего.

В голове сами собой возникли два вопроса, имеющих чуть ли не сакральный характер для любой русской души.

Кто виноват? И что делать?

На первый однозначного ответа здесь вряд ли дождешься. Если только вдруг с небес не прогремит глубокий бас и не

объяснит, какого, собственно, лешего тут происходит.

Подождал, осторожно покосился наверх. Понял, что пришествия седого мудреца в белых одеждах, восседающего на троне из облаков, ждать не стоит, и принялся обдумывать второй вопрос.

Что дальше? Оставаться на месте, надеясь, что заблудившегося мальчишку ищут? Начать орать во всю глотку?

Почему-то возникло стойкое ощущение, что ждать и кричать бесполезно. Лес выглядел по-настоящему диким. В том смысле, что воплями вполне реально привлечь всякую хищную живность.

И будет потом, как в анекдоте про медведя и завтрак туриста…

В способность защитить себя я верил слабо. Хилое телосложение подростка, отсутствие какого-либо оружия и простая одежда никак не могли помочь в противостоянии с острыми когтями и зубами истинных хозяев леса.

Кстати об одежде. Это что за лохмотья? Свободные штаны и рубаха выглядели так, словно их шил косорукий, бухой в доску портной, использовавший вместо ниток полоски кожи, а дырки протыкал не иголкой, а шилом. Ткань грубая, похожа на мешковину.

На ногах вообще странная обувь. Не кроссовки, не туфли. И не сапоги. То ли чересчур закрытые сандалии, то ли здорово прохудившиеся галоши.

Материал странный… Не резина, однако и не кожа, и уж точно не ткань. Я бы поставил на бересту, но разве из нее делают обувь?

Погодите-ка, береста?..

Понадобилась целая секунда, чтобы сообразить – да ведь это же лапти! Или какой-то близкий аналог.

Господи, да что тут происходит? Какие лапти в начале двадцать первого столетия? Их разве не в тематическом развлекательном парке только встретишь? Куда всякие любители истории шляются, типа аутентичность, натуральный быт и другая похожая дичь.

Я взглянул на измазанные грязью ладони, пальцы медленно подрагивали. Попал так попал…

Так, ладно, пока лучше не задумываться: что да как и почему. Будем действовать в порядке возникновения проблем. Для начала необходимо выбраться из леса. Непонятно, сколько сейчас времени и как скоро наступит ночь. Шарахаться по лесу в темноте будет еще хуже, чем днем.

Как там определять сторону света? По солнцу?

Я задрал голову, пытаясь рассмотреть сияющее светило. К

сожалению, густая листва мешала точно определить его расположение.

Что еще? Мох? Он вроде растет с северной стороны у корней деревьев… или с южной? Блин, стоило больше смотреть каналов о натуральной природе. Стой теперь, гадай.

И башка не думает утихать. Приложило неслабо. Кровь идти перестала, но головокружение сохранялось, как и тошнота.

Плюнув и положившись на удачу, я медленно побрел вдоль кромки окончания склона. В любом случае залезть обратно явно не смогу, а идти в противоположную сторону не хотелось.

Рассуждал так: если пацан грохнулся оттуда, то, может, наверху какая-нибудь тропинка или дорожка. Шанс слабый, понятно, но хоть что-то. Больше ничего путного не придумал. Выживальщик из меня тот еще. Запросто заблужусь в трех соснах.

Шел медленно, ноги то и дело подкашивались, штормило будь здоров. Пару раз опускался на колени, пытаясь перевести дух. Ворох листвы, засохшие ветки и неровность почвы еще больше затрудняли движение.

Примерно через полчаса (больше? меньше?) на-ткнулся на бурелом из трех поваленных крест-накрест деревьев. Пришлось обходить слева, держа по правую руку склон.

Наверху все так же шумела листва, не долетавший вниз ветер качал пышные кроны, изредка доносилось пение птиц.

Шок от пробуждения в чужом теле постепенно заглох, вместо него наступило какое-то отупение. Я брел с единственным желанием – куда-нибудь дойти. Не грохнуться, не потерять сознание. Интуиция подсказывала – упаду, то обратно не поднимусь и, вообще, останусь здесь навсегда. Вырублюсь и не проснусь. Схарчат «санитары леса» неподвижную тушку за милую душу и спасибо не скажут.

Страх оказаться съеденным волками или медведем подстегивал, заставляя делать следующий шаг. А за ним следующий, и еще один, и еще.

Мысль, что тебя сожрут дикие звери и твое тело так никто и никогда не найдет, выступала мощным мотиватором, чтобы двигаться дальше.

Не знаю, как кому, но лично мне такая смерть казалась довольно паршивой. Хотя чего это я, любая смерть паршива, независимо от обстоятельств. А умирать я не хотел.

Потому и шел, спотыкаясь, шатаясь, кривясь от головной боли, но не останавливаясь.

В конце концов мое упорство оказалось награждено. Посчастливилось наткнуться на небольшой родник в корнях особо огромного дуба. Струйка воды текла по узкой ложбинке и

заканчивалась в маленькой заводи.

С хриплым всхлипом радости (думал, и впрямь сдохну где-нибудь по дороге) я опустился на край бережка. Зачерпнул воду в ладошках и первым делом сделал глоток. Зубы заломило от холода. Студеная. Хорошо. То, что надо. И чистая. Мелкие листики, лениво плавающие по поверхности, не в счет.

Очень осторожно побрызгал на затылок, стараясь не задевать горящую огнем рану. Промыть бы, да придется с головой нырять в пруд, самому не видать и рук сзади нет. Неудобно.

Слипшиеся от крови волосы мешали толком определить, насколько на затылке все плохо. А если череп пробит? И посмотреть толком нельзя.

Наклоняясь в очередной раз к воде, я случайно взглянул на гладкую поверхность водного зеркала. Взглянул и замер, не в силах пошевелиться.

Я рассматривал свое изображение в водном зеркале, на меня оттуда смотрело незнакомое лицо подростка. Лет четырнадцати-пятнадцати. Вряд ли старше. Черты резкие, злые. Скулы острые, как бритва. Худощавый. Породистый нос с легкой горбинкой. Волосы прямые, цвета начищенного золота. Губы – тонкие, сомкнуты в прямую линию. Глаза глубоко запавшие, светло-зеленые, с легким синим оттенком. Взгляд серьезный, не по годам. Кончики ушей заостренные. Шея узкая, цыплячья.

Именно в этот момент в голове что-то щелкнуло. Словно шлюзы открыли – и полился водопад совершенно чужой памяти.

Образы, незнакомые места и лица, чуждые определения и понятия, непонятный язык – обрывки воспоминаний полноводной рекой вливались в мозг, захлестывая и сливаясь в единую массу со старой памятью.

Трудно сказать, сколько это продлилось и как долго я так простоял, уставившись в воду, коленками на грязной земле. Завис и не мог пошевелиться, переваривая невесть откуда навалившееся знание.

Я четко знал, что я – это я, Аркадий Касаткин, тридцати одного года от роду, проживающий в белокаменной с самого рождения, работающий в одной из преуспевающих фирм на должности менеджера среднего звена.

И в то же время, непонятно с чего, я ощущал себя неким пацаном по имени Эри. Сиротой, выкупленным у труппы бродячих артистов старым чародеем-алхимиком по имени Пауль Гренвир, известным также как Старец из башни.

Эри мало помнил о своей прошлой жизни до того, как появился здесь. Воспоминания носили обрывочный характер. Зато хорошо помнил, что случилось после. Старик заставлял

заниматься сбором трав, ягод, других ингредиентов. Тяжелый физический труд, ведение хозяйства, уборка помещений, таскание воды, колка дров – все это входило в перечень его обязанностей.

И хотя официально считалось, что пацан находился на положении ученика или подмастерья, фактически старый хмырь использовал мальчишку в роли слуги.

– Фарх его побери, мешок потерял, – совершенно неожиданно воскликнул я.

В следующую секунду пораженно замолк. Вдруг понял, что использовал не русский язык. И что самое поразительное, сделал это привычно, не напрягаясь.

Более того, знал, что Фарх – это не просто какое-то непонятное слово, оно обозначало имя демона и носило ярко ругательный оттенок. Как «черт тебя побери» – или нечто подобное.

А мешок, о котором речь – не что иное, как сегодняшняя добыча от прогулки по лесу. Пауль Гренвир имел весьма скверный нрав и запросто мог осерчать за потерю дневного сбора нужных для зелий травок.

Я, а точнее, Эри знал, что за потерю ингредиентов его не похвалят. Скорее наоборот, опять появлялся риск остаться без ужина. А то и без завтрака на следующий день.

Возвращаться? К счастью, благодаря памяти парнишки я теперь имел представление, куда идти. Где находилась башня, тоже известно. С учетом прошедшего времени, вполне реально найти потерянный баул и успеть обратно затемно.

Пацан и впрямь случайно споткнулся о корягу и грохнулся наземь, покатившись на дно широкого оврага, где благополучно и остановился, ударившись о кусок камня, неведомо какими путями попавшего в самый центр лесного массива.

В принципе, можно забить и пойти домой. Отговорка есть – ссадина на затылке. Проблема в том, что злобному старикашке на это абсолютно плевать. Хоть весь в крови приползи, но проклятые травки притащи обязательно.

Думая о сложившейся ситуации, я с удивлением осознал, что принял факт вселения в чужое тело невероятно легко. Не было ни истерики, ни психологического шока, ничего такого, чего можно ожидать в подобных условиях. Я не спятил и не сошел с ума, хохоча, как безумец.

А слияние памяти? Тоже что-то невообразимое. Но и тут все прошло удивительно гладко. Две личности будто слились, формируя совершенно иного человека, отличного от первоначальных заготовок, послуживших базой для нового «я».

С одной стороны, легкость восприятия совершенно невозможных в обычной жизни вещей радовала. Поехать крышей и слететь с катушек как-то совершенно не улыбалось.

С другой, выглядело это невероятно подозрительно. Почему нет последствий? Разве так должно быть? И как вообще должно быть? Если уж на то пошло.

И опять куча вопросов без внятных ответов.

В конечном итоге решил пока не ломать голову над этим, здраво рассудив, что не имею сейчас возможности разгадать причины случившегося. Надо сосредоточиться на более насущных проблемах. Например, пойти и отыскать дурацкий мешок и принести его в башню.

Для меня прежнего это выглядело полным безумием. Тащиться обратно, с дыркой в голове, рискуя потерять сознание и потом не проснуться, да еще по лесу – кто бы предложил, молча покрутил пальцем у виска и послал куда подальше.

Но Эри знал, что в таком случае можно не только не дождаться еды, но и оказание первой помощи ставилось под большой вопрос.

То есть «сволочь из башни» запросто мог не вылечить рану и отправить пацана спать не только без жратвы, но и с пробитым затылком. А уж очнется ли тот поутру, старика волновало мало.

И никакая отмазка там не сработает, набрехать с три короба не получится. Нет травок – нет ужина и, соответственно, нет ничего остального. Тратить драгоценную микстуру для лечения «мелкого тунеядца» старик ни за что не будет.

Вот такие жестокие нравы. О гуманизме и общечеловеческих ценностях тут и слышать не слышали.

Имелся, правда, небольшой шанс, что чародей все же побоится потерять удобного «помощника», стоящего на положение служки. Но опять же, чего-то конкретного ожидать не стоило. Пятьдесят на пятьдесят. Может, пожалеет и вылечит, потому что не захочет лишний раз напрягаться и искать замену. А может, плюнет и не станет ничего делать. Слишком много факторов, могущих повлиять на окончательное решение. Вплоть до настроения у старика сегодня.

Чуть раздражен – склеишь ласты. Благодушен – спасет. С учетом того, что обычно Гренвир тот еще по жизни брюзга и вечно ворчащий урод, ждать от него чего-то хорошего не приходилось.

Пацан твердо знал об этом, поэтому никогда не рисковал. И основываясь на его старом опыте, я решил поступить схожим образом.

Короче, двинул обратно.

Пользуясь знаниями о лесе от «реципиента», в чью тушку подсадили мое сознание, найти дорогу оказалось гораздо легче. Для начала не стал возвращаться назад по старым следам. Вместо этого двинулся от родника на север, нашел более пологий склон и забрался на вершину, откуда так неудачно скатился. Дальше проще, пошел вдоль края обрыва.

Потерянный мешок нашелся на месте падения. К счастью, он не упал вниз вслед за хозяином и остался наверху.

– Ладно еще старый хрыч не заставил сегодня искать корешки, – пробормотал я, поднимая котомку из плотной холстины. – Запарился бы тащить.

Сказал и опять подумал, что слияние разумов прошло удивительно гладко. Чуть ли не буднично. Никаких тебе противоречий, раздвоений личности или еще какого похожего дерьма с нарушением психики.

Это действительно радовало. Сойти с ума, попав в другой мир – однозначно не то, что нужно невольному путешественнику.

Я вдруг споткнулся и остановился. Господи, а ведь точно, выходит, что я в другом мире! И Земля осталась непонятно где.

Как вернуться? И возможно ли это сделать? А если да, то как потом попасть снова в свое тело? И есть ли оно вообще? На меня накатила тоска. Понимание факта, что, возможно, где-то там далеко я умер, вызывало депрессию.

Пришлось брать себя в руки. Встряхнуться и постараться не думать о худшем. Главное сейчас не поддаваться унынию. Здесь и сейчас я жив, а это уже немало, учитывая всю дикость случившегося безумия.

Я брел, лес вокруг неохотно менялся. Появилось больше просветов наверху, деревья не стояли неприступной стеной, кустарника стало поменьше, буреломы и вовсе исчезли.

Вскоре вышел на опушку, заливной луг высокой травы уходил за бескрайний горизонт, солнце уже перевалило зенит.

Ноги Эри сами повернули на запад и уверенно зашагали по едва видневшейся тропинке с края нескошенного поля. Память мальчика услужливо подсказала, что где-то там должна находиться деревня. Но мне не туда, там помощи ждать бесполезнее, чем в башне. Селяне крайне настороженно относились к чародею и его подмастерью, хотя при случае не чурались брать звонкое серебро за продукты.

Шел тяжело, несмотря на то что голова болеть перестала, общая слабость никуда не исчезла, тошнота лишь слегка отступила. Жутко хотелось прилечь, ни о чем не думать и просто заснуть.

А еще проклятый мешок. Пусть внутри и не коренья, а

травки, все равно камнем висел на спине, оттягивая измученные руки.

Обитель волшебника появилась не сразу, неторопливо вырастала с каждым пройденным шагом. Сначала крыша с остроконечным шпилем, выложенная крупной черепицей. За ней серые стены, грубой каменной кладки. Потом проступило узкое окно, похожее на бойницу. И только после выступил край деревянного частокола, окружавшего пузатую башню по периметру.

Последние силы ушли на то, чтобы доковылять до калитки, бросить мешок на землю и медленно завалиться на бок. Дальше темнота и потеря сознания.

Глава 2

Наутро проснулся поразительно бодрым. Первая мысль: приснится же такое. Блуждание по лесу с каким-то дурацким мешком, вселение в чужое тело…

Тут же остановился, замер. Воспоминания Эри никуда не исчезли, как, в общем-то, и измененная личность. Я четко осознавал, что я – это уже и не я вовсе, а некто другой.

Проклятье! Это был не сон, все происходит на самом деле.

Рука сама потянулась к затылку. Есть небольшой рубец, волосы острижены, пальцы нащупали гладкую кожу вокруг заштопанной раны. Что любопытно, никакой повязки нет. Рана такая, будто ей уже не одна неделя.

Поразительно! Куда там современной медицине.

Или все прозаичнее? И я просто провалялся в кровати несколько дней кряду? Это могло объяснить необычно быстрое заживление.

Нет, – циничная часть личности пацана не верила в милосердие старика. Пауль Гренвир ни за что не позволил бы ему (теперь «нам») валяться бессознательной тушкой так долго. Обозвал бы малолетним бездельником и выпнул из кровати, заставив идти в лес собирать свои драгоценные травки-муравки. Сочувствия от него не дождешься.

Выходит, вылечил? Нашел во дворе, намазал какой-нибудь чудодейственной мазью иль напоил лечебной микстурой.

Эри однажды собственными глазами видел, как старик поставил раненого дворянина на ноги буквально за вечер. А того привезли после обеда едва дышащего, с проткнутым брюхом. Свита считала, что – господину конец, а уже в сумерках тот сам взбирался в седло. Выглядел бледновато, но ведь двигался!

Видать, и впрямь лень искать нового слугу. Плюс сыграло роль наличие мешка, раз расщедрился выделить одно из своих зелий на «несносного мальчишку».

Я открыл глаза. Взгляд уперся в низкий потолок, плохо обструганные доски имели следы копоти. Результат применения огня в качестве источника света, – подсказало сознание пацана.

Ну да, электричества здесь ждать бесполезно. Хотя вроде у старца наверху есть магические светильники, дающие ровный и сильный свет без применения пламени. Точнее, магическими их называл Эри, вполне может быть, что они и не магические вовсе. Необразованный мальчишка в действительности плохо разбирался во всех этих делах.

Покопавшись в куцей памяти парня, я с трудом выделил

детали о волшебнике. В основном воспоминания носили ярко выраженный негативный характер. Проще говоря, он его ненавидел.

Причем, на мой взгляд, довольно забавно, что у пацана хватало мозгов не пытаться сбежать куда глаза глядят. Планы на побег он строил, но делал это основательно, подойдя к идее ухода из башни довольно разумно для своего возраста.

Очень интересно. При всей своей нелюбви Эри отлично понимал, что просто так отправиться в бега не получится. И ничем хорошим это потом не закончится. Шансы выжить у бродяжки-подростка в одиночку весьма невелики. И он это знал, потому и терпел сволочной нрав старика.

Ха, а парнишка-та отличался здравомыслием. Это хорошо. Умение трезво оценивать собственные силы и возможности полезно в любом из миров.

Я сел, оглядел комнату, где обычно ночевал мой невольный соратник по несчастью. Пожалуй, определение комната слишком громко сказано для данной каморки. В чем-то похожем обычно складывают всякие швабры, ведра и другой моющий инструмент уборщики. Подсобка, короче, два на три метра.

Старый хрен и впрямь не баловал «подмастерье». Это же надо засунуть в такую дыру. Кроме грубой сколоченной кровати в клетушке находился маленький сундучок, выполнявший также роль тумбочки. На нем стояла толстая свеча в поцарапанной подставке из латуни. Чуть выше из стены торчал ржавый держатель с обгорелым огрызком дурно пахнущего факела. Под самым потолком тускло светилось узкое окошко, затянутое бычьим пузырем.

Вот, собственно, и вся обстановка. Никаких вешалок, комодов и шкафов. Все аскетично, по-спартански.

Удобства (умывание, сортир) на улице. Вместо матраса на кровати утрамбованная солома, одеяло – кусок непонятной ткани, вроде нечто похожее называют дерюгой. Хотя могу ошибаться.

Короче, полная жесть. Иные заключенные живут лучше. Конечно, это я сейчас про Землю. В здешних реалиях темницы могли быть гораздо неприятней. Там и палачи, и дыба, и отмороженные тюремщики. Насколько известно, в средневековье они в порядке вещей.

Опять же, крестьяне тоже жили – не дай бог. Нищие в городах могли ночевать рядом с помоями, а то и прямо в них.

До голливудских стандартов с красивой картинкой тут далеко. Грязь, отсутствие комфорта, антисанитария, дикие для людей двадцать первого века привычки и порядки в

существующем обществе.

В целом, по мнению пацана, он устроился не так уж и плохо. Еще бы старик не вел себя так по-скотски, вообще бы «жизнь удалась».

Это в сравнении с тем, что ему пришлось пережить в прошлом. О ранних годах ученик чародея мало что помнил конкретно, разве что постоянное чувство голода и холода. Тут по крайней мере кормили, и жил он в тепле. Если только не портачил со сбором ингредиентов.

А еще старик его не колотил, в отличие от времен с бродячей труппой трубадуров-артистов. Тогда «мелкому щеглу», как называли его все кому не лень, довольно часто перепадало. Причем зачастую били не за какой-то проступок, а просто так. Не вовремя оказался не в том месте, не в то время, подвернулся под руку, попался на залитые бражкой глаза – получи с десяток увесистых ударов. И никто не возражал, считалось в порядке вещей.

В этом волшебник, конечно, отличался от своих предшественников. Но во всем остальном смело мог дать фору. Относился к ученику хуже, чем к иному животному.

– Видимо, пора вставать, пока старый хрен не заявился по мою душу, – пробормотал я.

Мысль сделать ноги посетила, но была отложена в сторону до лучших времен. Эри мало что знал о внешнем мире, и бросаться туда сломя голову, ничего не разведав заранее, будет ужасной ошибкой.

Натянув на худые ноги лапти-сандалии, я поднялся и подошел к двери. Массивная, деревянная, обитая редкими полосами железа, она легко поддалась под слабым нажимом. Едва заметно скрипнули петли, в образовавшуюся щель скользнул ветерок сквозняка.

Снаружи комнаты меня встретил коридор, полутьма и неровный пол с каменными стенами. Подчиняясь памяти парня, повернул направо, разболтанная обувь зашлепала по кривым плитам, то и дело норовя слететь с ног.

Что представляешь, думая о башне волшебника? Нечто величественное, монументальное, упирающееся в небеса. Стела невообразимой высоты, а на самой вершине обязательно крупный кристалл, сияющий мощным светом накопленной магии. Грандиозное сооружение, вызывающее трепет и небывалый восторг.

В реальности все оказалось куда прозаичнее. Если не сказать хуже – банальнее и скучнее.

Начнем с того, что башня не слишком высокая, назвать

огромной язык не поворачивался. Особенно для человека из двадцать первого века. Четыре этажа, в каждом примерно два с половиной метра, плюс перекрытие где-то в полметра. Прибавить конусообразную кровлю – и станет понятно, что общая высота дома Гренвира не превышала двенадцати-тринадцати метров. Меньше средней пятиэтажки в современной России.

Может, для местных здание и казалось огромным, но лично на меня оно не произвело какого-то особенного впечатления.

Да, на фоне деревенских халуп вроде неплохо. Но спорю на что угодно, в крупных городах водились постройки побольше. Какие-нибудь церкви с куполами, королевские дворцы или что там еще строили в средние века?

Общий диаметр тоже не впечатлял, пока шел до винтовой лестницы, насчитал девять шагов. Так как каморка Эри не примыкала вплотную к внешней стене, то получалось, что основание имело радиус около восьми-девяти метров.

Не зря мне вчера эта штука напомнила пузатую бочку. Поставь ее на попа, получишь макет обители чародея.

Кстати, любопытный момент. Эри всегда называл учителя волшебником или чародеем, но по факту тот не являлся ни тем, ни другим (если между ними вообще имелась разница, я в этих нюансах не спец). В действительности Пауль Гренвир был алхимиком и к магии относился постольку-поскольку.

Мнение субъективное, основанное на том, что знал сам пацан. При нем старик никогда не демонстрировал ничего, что хотя бы отдаленно напоминало волшебство. Зато часто пользовал всякие мази, настойки и другие подобные «средневековые медика-менты».

К тому же вспомнить ежедневные сборы всяких травок, камешков и корешков. Вот и решил, что парнишка немного ошибся, в силу детского восприятия.

Ладно, черт с ним. Классификацию старика оставим на потом. Для начала закончим с башней.

Первый этаж занимали кладовые, подвал-погреб и комнаты со всякими клетушками по хозчасти, на втором располагалась лаборатория (там же – находился закуток Эри, среди двух подсобок с инвентарем), третий занимали библиотека и личные покои старика, четвертый тоже лаборатория, но какая-то особенная, туда старик мальчишку никогда не пускал.

Башня была очень старая. И за время своего существования серьезно обветшала. Периодически приходилось латать. Делал ремонт, понятно, самый бесполезный обитатель чародейской обители.

Происходило это следующим образом. Старик готовил какую-

то жутко воняющую жижу, переливал в маленькое ведерко, давал кисточку и отправлял к самым проблемным местам. Где трещины расходятся, камни крошатся, а то и вовсе возникают открытые щели.

Сам, разумеется, никуда не лазил. Мол, не хозяйское дело заниматься такой ерундой.

Внутри еще ничего, помазал, побрызгал, не труднее, чем красить. Снаружи уже намного сложней. Лестница плохая, приходилось подстраховываться веревкой, переброшенной из ближайшего окна. Стоял, балансировал, в одной руке «банка с краской», в другой кисть. Зачастую выделывал те еще чудеса эквилибристики, стараясь не расплескать вонючую жижу и сделать работу нормально.

Густая жидкость ни разу не походила на строительный раствор. Пахла просто ужасно: тухлыми яйцами, травами и еще каким-то невообразимым дерьмом.

После нанесения некоторое время оставалась антрацитово-черной, по мере высыхания становилась серой и полностью сливалась с кладкой. Камень после такой обработки делался прочным, ни кусочка не отколупать. Отдельный кусок стены словно превращался в единый монолит.

Этой штукой всю бы башню покрасить, да готовилась она долго и в малых количествах. Старый алхимик делал ее только в экстренных случаях, когда видно, что без очередного латания не обойтись.

Как ни странно, подобный наплевательский подход не подводил. Жижа неплохо справлялась с поддержанием постройки в относительном порядке. Обвалов и разрушений до сих пор не случалось.

Что, на мой критический взгляд, было настоящим чудом.

– Ах вот ты где! – Сойдя с последней ступеньки и вглядываясь в полумрак в поисках выхода на улицу, я не заметил, как сзади на лестнице появился учитель.

Пауль Гренвир собственной персоной. Худощавый старик, облаченный в синюю мантию, расшитую серебряными замысловатыми рунами, выглядел донельзя солидно. Редкая бороденка торчала колышком. Длинные седые волосы зачесаны назад. Щеки впалые, худые. Глаза глубоко запавшие. Крючковатый нос заметно выдвигалась вперед. На узком кожаном поясе слева болтался тряпичный мешочек, справа компактная сумочка из упругой кожи.

Блин. И впрямь похож на волшебника. Образ просто классический. Хоть сейчас на постер с рекламой фэнтезийного фильма.

– Доброе утро, мастер Гренвир, – подчиняясь рефлексу Эри, я склонился в глубоком поклоне.

– Доброе, доброе, – как-то неопределенно протянул алхимик.

Цепкий взгляд изучал лицо подмастерья с внимательностью патологоанатома.

Черт! Чего он так уставился? Будто микроб разглядывает под микроскопом. У меня по спине пробежали мурашки. Почему-то возникло подозрение, что старый хрен в курсе появления непрошеного духа в разуме ученика.

– Ну, расскажешь, где ты вчера разбил голову? – нарушил кратковременное молчание Гренвир.

Спотыкаясь и опуская ненужные подробности (особенно свое вселение в тело носителя и последующее объединение двух личностей в одно), я лаконично поведал о вчерашних злоключениях.

Как случайно споткнулся, как грохнулся вниз, о сволочном камне не забыл упомянуть. Особо подчеркнул, что не забыл про мешок и вернулся за собранной травкой.

На этом месте волшебник благосклонно кивнул. Сообразительность малолетнего бездельника пришлась ему по душе.

– Молодец, что не оставил там. Иначе мог не возвращаться, – правый глаз старика опасно сверкнул.

Я неосознанно поежился. Хрен старый, действительно мог бросить подыхать раненого. Прав Эри, та еще сволочь в хламиде.

– В следующий раз смотри под ноги, тратить «Слезы зари» на тебя я больше не буду. – Повисла тяжелая пауза, и еще более тяжелый взгляд буквально пригвоздил меня к полу. – Ты хоть знаешь, сколько стоит одна мера этого зелья?

Вопрос явно риторический и ответа не требовал. Однако я на всякий случай закачал всклокоченной головой. По подсказке Эри, руководствуясь принципом – не помешает.

Слегка помогло. Испепеляющий взгляд стал чуть мягче. Волшебнику понравилось, что сопляк понимал ценность собственной жизни. Точнее, почти полное отсутствие оной.

Еще немного помолчав и убедившись, что подопечный полностью раскаивается в проступке (я в этот момент смотрел в пол, не смея поднимать глаза на строгого старика), Пауль Гренвир скомандовал:

– Отправляйся во двор. Сегодня мне нужно десять ведер колодезной воды. И наруби дров вдоволь. Поленница уже опустела.

Я знал, что под навесом еще оставалось приличное количество расколотых чурок, но возразить не рискнул. Черт с

ним.

– Из-за своей неуклюжести сегодня на завтрак обойдешься кружкой воды и краюхой хлеба. Всё, иди, работай, – не дожидаясь ответной реакции, алхимик развернулся и удивительно резво для своего солидного возраста принялся подниматься по лестнице.

Прыткий старикан. Скачет прямо козликом. И откуда только силы берутся? Интересно, сколько лет вредному хрычу? Несмотря на седые волосы, выглядит довольно живо. Морщины по всей морде, но не сутулится, двигается легко.

Мысленно пожелав старому пердуну благополучно навернуться с лестницы и свернуть себе шею, я отправился на кухню, чью роль играла одна из комнаток на первом этаже.

На небрежно сколоченном деревянном столике обнаружился кувшин, наполовину заполненный все той же колодезной водой, и краюха зачерствевшего ржаного каравая.

Проглотил – сам не заметил. Буквально за секунду сжевал. Воду вылакал до последней капли.

Странное чувство – ощущать голод. И не просто голод в качестве неприятного недомогания, когда знаешь, что разыгравшийся аппетит лишь сделает следующее поглощение пищи приятнее. А голод жгучий, острый, выедающий изнутри, горящий в животе жадным пожаром.

За редким исключением на Земле в нынешние времена в более или менее развитых странах невозможно умереть от банального недоедания. Даже самые бедные слои населения могли себе позволить закупать достаточно продуктов.

Да, еда могла быть паршивого качества. Да, каждый день рассчитывать на свежее мясо малообеспеченные тоже не могли. Но взять какие-нибудь макароны и банку тушенки мог любой без всякого исключения.

Умирали от многих причин. Но от голода? Нет, такого уже давно не случалось. За исключением разве что африканских стран. Но там совершенно другая история.

– Вот и позавтракал, – буркнул я, с недовольством оглядываясь на микроскопической кухонке.

Эри был в курсе, что искать другие продукты бесполезно. Все под замком. Старец из башни держал единственного подмастерья в ежовых рукавицах и впроголодь.

Ладно, надо топать во двор и приниматься за дело. Начну медлить, урод еще и обеда лишит.

Вышел на улицу. Рука сама прыгнула к глазам, прикрывая козырьком от слепящего солнца. Пустое брюхо заурчало, недовольное столь малым количеством полученного топлива.

На автомате сквозь зубы ругнулся. Этого любителя кракозябр

на мантии самого бы посадить на диету. Недельки так на четыре. Под замок и на заплесневелый хлеб и застоявшуюся воду.

Проклятье! Сожри Фарх его харю и испражнись на зловонный труп мертвеца!

Башню окружал забор из воткнутых в землю заостренных кольев. В отличие от основного сооружения, ограда выглядела достаточно новой.

Его построили мужики из деревни около года назад за пять серебряных марок, – подсказка-воспоминание всплыла, стоило об этом подумать.

Чуть в стороне обнаружился ветхий сарай, там по воспоминаниям Эри давно уже ничего не хранилось. На мой взгляд – абсолютно правильно. По виду, редкая развалина. Подует чуть более сильный ветерок, и само обвалится.

Справа от сарая стоял навес, под ним находилась наполовину опустошенная поленница. Рядом обнаружился крепкий чурбачок и воткнутый в него колун. Спиленные деревья беспорядочной грудой валялись неподалеку. Их тоже привезли деревенские. На этот раз вроде не за серебро, а за снадобье повитухе. У старосты жена никак родить не могла, мучилась. Знахарка ничего толком не придумала, поэтому обратились к Гренвиру.

Так, по крайней мере, выглядела ситуация с точки зрения Эри.

Колодец нашелся чуть дальше, для этого пришлось зайти башне в тыл. Бревенчатая коробка почерневшего дерева, веревка, толстое деревянное ведро. Всё. Никакого барабана крутить или палки с противовесом. Ручками, ручками. Опускаешь и вытягиваешь исключительно своими силами.

Я запарился таскать воду на второй этаж. Бадья, что потребовал наполнить Гренвир, никак не желала наполняться.

Сначала я даже подумал, что гад собирается принять ванну, настолько емкость оказалась большой и вместительной. А меня, значит, использовал в качестве живого насоса – тягловой силы. Но быстро вспомнил, что старик ни разу за время пребывания в башне Эри не мылся столь экстравагантным для здешних мест способом.

Бочка нужна для какого-то варева. Или эксперимента, черт ногу сломит. Алхимик, конечно, и не подумал посвятить меня в задуманное действо.

Плевать.

Следующая очередь наступила за дровами. И так измученный, я принялся кромсать срубленные ранее деревья.

Получалось плохо. Прямо скажем, хреново. Эри, может, и умел делать аккуратные чурки с поленьями (отсеченные ветки

шли отдельной строкой на растопку), но лично у меня выходило не очень.

Короче, намучился по самое горло. Пару раз чуть не попал себе по ноге. Колун тяжелый, зараза, и неудобный.

Вскоре пришло время обеда. Тут уж я думал, что оторвусь по полной. Бывало, за хорошую работу старик расщедривался и кормил вдоволь.

Но не сегодня. Кусок хлеба, головка твердого сыра, пара яблок, две полоски сушеного мяса и напиток, похожий на сидр, – весь обед.

– Гадство, – пробурчал я.

Тем не менее все схрумкал до последней крошки. Ничего не оставил. Как говорится – голод не тетка.

Остаток дня прошел в повторном таскании воды на второй этаж. Что он с ней делал? Выпивал? Спятить можно.

Наконец, незаметно подкрался вечер. Чуток похолодало, медленно начало смеркаться. Я, наивная душа, полагал, что рабочий день закончен. Сейчас поужинаем и на боковую. До самого утра. Мышцы ныли, усталость как будто поселилась в каждой клеточке тела, ноги подкашивались – того и гляди опять упаду.

Однако у Пауля Гренвира насчет моего дальнейшего времяпрепровождения имелось собственное мнение.

– Возьмешь мешок и лопату, – принялся он инструктировать меня, к полному моему изумлению.

Я вытаращился на старикана, не зная, что думать. Он что, издевается? Куда-то еще идти? Не видит, я с трудом стою на ногах?

– Пойдешь на восток, – не обращая внимания на ошарашенное молчание со стороны подмастерья, продолжил алхимик. – Перейдешь рощу и выйдешь на равнину. Там холмы. Помнишь их?

Я тупо кивнул, потому что и правда вспомнил, о чем речь. Эри уже бывал в тех краях. И путешествие то ему совершенно не понравилось. Хотя дело и происходило днем. А тут ночь на носу.

– Подойдет любой. Начнешь копать, пока не на-ткнешься на пустоту. Расширишь лаз и влезешь внутрь. Свод крепкий, выдержит. Обвала можешь не бояться. Ценности оттуда уже давно унесли, но кости остались. Вот их-то и принесешь.

У меня по спине пробежали мурашки. Этот псих требовал от меня ни много ни мало стать расхитителем гробниц. Холмы, о которых он говорил, являлись курганами древних захоронений.

– Я бы послал тебя на деревенское кладбище, да боюсь, местные поднимут бучу, – рассеянно обронил чародей и

презрительно добавил: – Суеверный сброд, не понимают, что ради великой цели можно пойти и на жертвы. Тем более что они не такие уж и большие. Подумаешь, сгнившие мертвяки.

Я гулко сглотнул. Он точно издевается. Идти ночью непонятно куда, раскапывать могилы, собирать человеческие кости в мешок, чтобы этот отморозок потом смог их бросить в свое варево?

Совсем спятил?

Нет, определенно, надо отсюда валить и подальше, на такое я не подписывался.

Глава 3

Грохот тяжелых сапог нарастал, эхом отражаясь от стен широкого коридора, влетая внутрь как предвестник плохих новостей.

– Ваша милость, мы его упустили, – сообщил стражник, появляясь в дверном проеме.

Свет горящего факела отблесками падал на встревоженное лицо коренастого воина. Дурные известия, что он принес, не могли обрадовать господина. В замке каждый знал, насколько тяжел его нрав. От последнего конюха до кастеляна – все опасались навлечь гнев хозяина.

Граф молчал. Бездумный взгляд уставился в черный провал широко распахнутых окон. Оттуда доносился гул гарнизона, поднятого по тревоге. Солдаты носились, проверяли закоулки, но уже бесполезно. Вор пришел, забрал что хотел и ушел, оставив с носом три сотни хорошо вооруженных воинов.

– Часовых дозорных башен на допрос в пыточную, – не оборачиваясь бросил граф. – Стоящих на посту у дверей сокровищницы тоже.

Стражник гулко бухнул сжатым кулаком по груди. Закованная в сталь перчатка с глухим звоном ударилась о стальной нагрудник.

– Да, ваша милость, – солдат развернулся и резво бросился обратно, мысленно вознося молитву всем богам за то, что ушел из кабинета господина целым и невредимым.

Второй человек, находящийся в комнате, шевельнулся, небрежно поправляя широкие рукава изящного камзола бурого цвета, вышитого золотыми нитями.

– Сомневаюсь, что охрану подкупили, – лениво процедил он. – Лазутчик действовал весьма ловко. Обошел ловушки…

Его светлость граф Карзани порывисто обернулся, уставившись на единокровного младшего брата с откровенной ненавистью.

– Думаешь, я об этом не знаю? – зло прошипел хозяин замка. – Я должен проверить все варианты.

Помедлил, не отводя от родственника горящего взора, и очень медленно добавил:

– В том числе предательство среди близких.

Графский голос, ставший похожим на змеиное шипение, заставил второго мужчину нервно поерзать на стуле. Как и рядовым обывателям, ему тоже было известно, на что способен титулованный родич. В случае необходимости колебаться не

будет, и плевать, кого и какие связывали кровные узы.

– Ты же понимаешь, что я тут ни при чем, – суетливо произнес Рауль, неосознанно делая попытку отодвинуться вместе со стулом подальше.

Еще целую секунду, показавшуюся невероятно долгой, граф смотрел на брата.

– Понимаю, – сказал он, выпрямляясь.

Плечи Рауля расслабленно опустились, на лбу выступили мелкие, почти незаметные, бисеринки пота. Раздался нервный смешок.

– К тому же если вора не поймают, то меня тоже ждет незавидная участь. Король вряд ли пожалеет нашу семью.

Граф Карзани еще сильнее нахмурился. Упоминание сюзерена снова вызвало злость. На себя, на безмозглую стражу, на криворуких инженеров, клятвенно заверявших про неприступность сокровищницы.

И что? Стража ничего не заметила, ни одна ловушка не сработала, а стальная дверь играючи взломана.

– Свиток похищен, и этого не изменить, – тяжело роняя слова, изрек граф.

– В погоню отправили двадцать человек, – напомнил Рауль. – А затем еще двадцать. Может, они его…

– Нет, – хозяин замка и окрестных земель рубанул рукой в воздухе. – Я не собираюсь полагаться на призрачные надежды.

Он порывисто прошелся по комнате, полы камзола, менее кричащего, чем у брата, зато лучше пошитого, из самой дорогой ткани, распахнулись, задевая стоящие вокруг стола стулья.

– Ты прав, король придет в ярость, когда узнает о похищении свитка. И ни за что не простит пропажу. Наш дед поклялся своей жизнью и жизнью потомков, что наша семья сохранит его, не позволив заключенным в нем знаниям вырваться наружу.

В воздухе повисло гнетущее молчание. Нарушение клятвы равнялось измене короне, а за это всегда следовало лишь одно наказание.

Смерть.

И зачастую на эшафот отправлялся не только виновный, но и все его ближайшие родственники. На всякий случай, как потенциальные сообщники преступника.

А если и нет, то обязательно находились шакалы, готовые наброситься и добить благородный род, на чью голову упала тень королевской немилости.

– Надо действовать на опережение, – отчеканил граф спустя небольшую паузу.

– Это как? – Рауль заинтересованно вскинулся.

Карзани взял с полки сверток желтой бумаги, подошел к столу, с шелестом расстелил.

– Будем думать, куда вор направился, – процедил граф. – На случай неудачи с погоней.

Второй мужчина кивнул.

– Умно. Попробуем перехватить похитителя на половине пути.

– Или у пункта назначения, – поправил граф.

Оба одновременно склонились над развернутой картой, едва не соприкасаясь головами. К горящему подсвечнику на столешнице присоединился еще один.

– Куда он мог отправиться в первую очередь?

– Печать со свитка может снять только обладающий Истинным Даром, – рассудительно заметил младший из родственников. – Таких людей в мире немного.

– И все они, как правило, чрезвычайно опасны, – сказал граф то, что брат предпочел опустить.

Рауль невозмутимо кивнул. Связываться с одним из Истинных чародеев будет только безумец. Или тот, кому уже и так терять нечего. Вроде их двоих. Фактически приговоренных к казни.

– Какая разница? Мы же не будем с ними драться. Перехватим вора и заберем свое. Куда он мог кинуться?

Карзани пожал плечами.

– Мест много.

– Парящий город? – неуверенно предположил брат.

Лицо графа прочертила гримаса недоверия.

– К Блистательным? Есть более легкие способы покончить с собой, – помолчал и добавил: – Если они только сами этого вора не наняли. Что, как понимаешь, маловероятно.

Младший согласно хмыкнул. Спесивые гордецы из небесной твердыни не опускались так низко. Подсылать воришку? Не в их духе. Захотят – сами придут и возьмут.

– Хорс?

Упоминание городов вольных торговцев вынудило титулованного аристократа пожать плечами. С купцами всегда все неясно. Могли послать наемника, чтобы выкрасть что-нибудь ценное? Возможно. Но зачем? Корыстолюбивые дельцы не могли не понимать, что когда правда вскроется, то на их головы обрушится ярость слишком многих. И тогда Хорсу наступит конец.

– Нет. Сомневаюсь, что негоцианты осмелятся на такое. Даже их алчности есть предел, – рассудительно заметил граф.

Рауль неторопливо потер подбородок, украшенный мелкой

щетиной.

– Тогда остается Дуэгар. Но я не представляю, чем надо думать, чтобы соваться туда. Великие семьи еще хуже Блистательных. Пообещают помочь, возьмут свиток, а гонца бросят в темницу, чтобы использовать потом для своих извращенных экспериментов.

Пока брат говорил, Карзани неторопливо водил пальцем по карте, останавливаясь то в одном месте, отмеченном значком, то в другом с текстом названия.

– Если вор успеет добраться до побережья и взять лодку, то он пересечет Длинный пролив. Дальше может двинуться в любом направлении, – резким тоном произнес граф. – Но самая ближайшая дорога идет строго с юга на север. Там и безопаснее, и лошадь можно при случае поменять. Таверны стоят у каждого перекрестка.

Налетевший ветерок из открытого окна заставил затрепетать пламя свечей, причудливые тени заскакали по расстеленному пергаменту.

– И куда в конце концов приведет вора эта дорога? – спросил хозяин замка.

Рауль послушно проследил взглядом за указательным пальцем старшего родственника.

– В Заррию, – ответил он, прочитав название королевства. – Ну и что? Там же нет чародеев с Истинным даром. Какой толк бежать туда? Разве что прятаться и пережидать до лучших времен.

Граф покачал головой.

– Добыча слишком горяча, чтобы прятаться. Вор это понимает. Его не оставят в покое, пока не найдут. Если не мы, то уж его величество точно. И отправит он не двадцать-сорок охотников, а целую армию.

– Это так, – не стал спорить брат. – Тогда зачем ему в эту дыру?

Его милость презрительно скривил губы.

– Ты всегда предпочитал проводить время в борделях и кабаках вместо библиотек, – с усмешкой сказал он.

– Не было нужды. Тебя же прочили на правление, – парировал младший.

– Вот, здесь, – тонкий палец ткнулся в точку на карте, крепкий ноготь оставил на бумаге заметную вмятину. – Башня Пауля Гренвира.

Лоб Рауля пошел морщинами.

– Пауль Гренвир? – неуверенно протянул он и тут же удивленно воскликнул: – Этот старый злобный ублюдок до сих

пор жив?

– Жив, куда же он денется.

– Я помню, нам про него рассказывали, когда мы были еще детьми. И уже тогда он считался невероятно старым. Говорят, ему лет двести.

– И умирать все не хочет, – граф хищно оскалился. – А главное, он единственный, кто плевать хотел на всех королей, вместе взятых. И если ему заплатить, то запросто согласится сломать печать на свитке.

– У старца из башни Истинный дар алхимика, не уверен, что его хватит взломать Печать крови, – возразил младший брат.

Карзани выпрямился, длинные руки скрестились на груди, ворот камзола помялся, протестуя против неподобающей для вельможи позы.

– Эта тварь достаточно прожил на свете, чтобы научиться всяким фокусам. Уверен, он найдет способ обойти запрет, не использовав напрямую силу.

Граф упругой походкой зверя, почуявшего добычу, прошелся вдоль края стола.

– Эй! Кто там! – крикнул он повелительно.

Скрипнула дверь, в приоткрывающуюся щель опасливо заглянул стражник, один из двух, дежуривших на часах у кабинета господина.

– Да, ваша милость? – воин старался не смотреть в глаза хозяину.

– Немедля передай командиру, чтобы собирал отряд. Полсотни конных латников. И пусть приготовят обоз на пять дней пути. Выступаем ранним утром.

Рауль удивленно приподнял брови.

– Ты собираешься ехать сам?

Граф пренебрежительно покосился на младшего родственника.

– Если не верну свиток, я покойник. Король не простит. Доверять возвращение кому-то еще, значит, отдавать свою жизнь в чужие руки.

Он не сказал вслух, что будь хоть малейшая возможность как-то избежать опасной поездки, то без раздумий сделал бы это. Но выхода действительно не оставалось.

Еще древние правильно говорили: если что-то хочешь сделать хорошо – делай это сам. Доверять судьбу благородного графа Карзани каким-то бестолочам из простонародья? Или даже… аристократ покосился на сидящего за столом родственника… единокровному младшему брату? Нет, он не глупец, чтобы так поступать.

Отправится лично. Через Длинный пролив на корабле, прямиком в Заррию.

* * *

Получив благожелательное напутствие на дорожку: не разбей опять черепушку и не вздумай мешок потерять, я отправился в путь.

До ночи еще оставалось часов шесть-семь, на улице достаточно светло. С учетом времени на дорогу пришлось выходить прямо сейчас.

В отличие от вчерашнего дня, на этот раз старик меня немного экипировал для экспедиции. Дал лопату, переносной фонарь на масле (вонял ужасно, сгнившие лягушки, наверно, не испускали такие ароматы, как эта поганая жидкость, казалось пропитавшая квадратную бандуру из дерева и железа насквозь), чтобы работать в темное время суток, огниво и кресало вместо спичек (до них тут еще долго не додумаются), и упомянутый выше колючий мешок.

Отдельно, небрежно завернутый в тряпицу, лежал мой сегодняшний ужин. Тот самый, что я так и не успел оприходовать. Как и прошедший обед, без особых изысков: засохшая головка сыра, ржаной хлеб, твердый, как кирпич, одна помидорина, чересчур мягкая, нечищеная луковица и пригоршня фасолин.

На этот раз без единого куска мяса. Полный отстой! Никогда не понимал всякого рода веганов, а тут прямо загоняют в ряды любителей растительной пищи. Кошмар.

Сам небось жрет в три горла жареную курицу, индейку и черт знает что еще, а мне остатки спихивает, что не доел.

Гадство.

После получения жратвы в дорогу мысль о побеге из-под опеки старого хмыря заиграла свежими красками. Отсюда надо валить. Не знаю куда, но оставаться дольше значило рисковать протянуть ноги от банального истощения.

Тяжелый физический труд, помноженный на сильное недоедание, равнялся гарантированной смерти. Выжить в таких условиях будет почти нереально. Не желаю загибаться на службе у сумасшедшего хмыря, считающего в порядке вещей держать своего подмастерья в столь скотском состоянии.

Оно мне надо? Пусть сам шарахается по лесу и собирает свои идиотские травы. Хватит. Пора и честь знать.

Может, прямо сегодня и рвануть? Небольшой запас еды есть, лопату можно продать в какой-нибудь деревне за пару медяков.

Невесть какой инструмент, зато крепкий. И сама из железа, а не из дерева (за исключением черенка, разумеется). Железо сейчас не так распространено. Любой кузнец с руками оторвет, чтобы переделать потом в соху или еще что.

Старик в свое время заморочился, сделал не стандартную лопату. Обычно обходились полностью деревянными или делали из крупных костей. Видать, уже давно могилы копает, старый хрыч…

Блин, опять отвлекся. Какая разница, откуда лопата, главное она сейчас у меня есть, и это несомненный плюс.

Куда идти? Тупо наугад, куда глаза глядят? Не особенно мудро, но чем не вариант? Только переться не через лес, а выйти на большую дорогу.

Угу, а потом молиться каждую секунду, чтобы не нарваться на группу «веселых товарищей». То бишь разбойников. Даже думать не хочется, что они могут сделать с одиноким беспризорником-сиротой.

М-да, та еще задачка.

Я шел, опустив голову, позволил подсознанию Эри управлять ногами, а сам усиленно продумывал планы о способах убраться от старика. Какая только чушь не приходила на ум, одна тупее другой.

Не заметил, как пришел к небольшой речке. Ожидаемое препятствие. Где-то выше по течению должен находиться мостик.

Так, стоп, а чего я, собственно говоря, делаю? Иду дальше к курганам? Только что размышлял о побеге, а теперь сам же думаю, как побыстрее сократить путь, чтобы побыстрее добраться до древнего погоста…

– Эй, ты! – сбоку кто-то окликнул.

Голос не взрослый, мальчишеский, – отметил автоматически. Притормозил, разворачиваясь.

Ха, неслабо задумался, не заметил компанию ребят на берегу. Чего они тут? Купаются? Рыбачат? Деревенские собрались, все примерно возраста Эри, плюс-минус несколько месяцев. Малышню сюда не отпускают, а постарше заняты другими делами.

– Ты чего тут ходишь? – впереди маленькой группы шел здоровый парнишка.

Звали его Робби (или Бобби, Эри точно не помнил), и был он сыном мельника. Говорили, его отец странствующий рыцарь, который однажды случайно забрел в деревню на ночь и приказал прислать ему пригожую девку согреть постель. Отправили одну из сельских молодух погрудастее, после ночи та понесла, а позже ее взял в жены мельник.

Здесь такое воспринималось в порядке вещей и не порицалось. Наоборот, ребенок от благородного считался удачей.

Логика простая, основанная на интуитивном понимании законов естественного отбора. Выживает сильнейший, умнейший и самый здоровый. От дворянина, что питается хорошо, образован (по сравнению с крестьянами), умело обращается с мечом, потомство получится хорошим. Перспективным.

– Ты чего тут ходишь? – повторил крепыш, опасно надвигаясь.

Рослый, широкоплечий, небольшая голова плотно сидела на маленькой шее, волосы черные, сальные. Одежда лучше моей. Домотканые портки и рубаха навыпуск, подпоясана тонкой бечевкой. Ноги тоже в лаптях, но сплетенных недавно. Руки толстые, большие, на кулаках сбиты костяшки. Сразу видно – драчун.

Справа и слева за его спиной двигалась четверка ребят поменьше. Глазки блестят, рот приоткрыт, в ожидании представления.

Ага, бить собрались. Сейчас этот амбал (на фоне моих габаритов целая гора) будет до меня докапываться, а затем бросится в атаку.

Зачем? А хрен его знает. Доказать собственное превосходство. Или на фига еще там подростки дерутся? Не помню уже.

А Эри раньше никогда толком не дрался. Его колотили, а он нет. И не потому, что боялся, а потому что взрослому дядьке, который раздает тебе оплеухи, не очень-то дашь сдачи. Еще больше озвереет и вовсе насмерть забьет.

– Мимо иду, – ответил я, постаравшись придать голосу как можно больше миролюбия.

И сразу понял свою ошибку. Взгляд задиры вспыхнул торжеством. Почуял слабость, нежелание драться.

– Нельзя тебе здесь ходить, – и с выдохом ненависти: – Выкормыш чернокнижника!

Он ударил с правой. Резко, быстро, не давая опомниться. Моя голова качнулась назад, перед глазами вспыхнули звездочки, а нос взорвался острой болью.

Видимо, после первого удара жертвы отшатывались назад, пытаясь закрыться руками, а то и вовсе взять ноги в руки. Крепыш хотел скакнуть вперед, пытаясь мне помешать совершить данный маневр.

Но дело в том, что бежать я не собирался. В тот миг, как он врезал, у меня внутри вспыхнула дикая ярость.

Эри никогда не отличался особой храбростью, это правда. Зато злобы у него хватало на десятерых. И часто бывает так, что

она перекрывает все остальное. Чувство страха, самосохранения, боязни боли – все испарилось в мгновение ока. Осталось лишь испепеляющее желание отомстить.

Достать врага, повалить наземь и бить, бить, бить, пока хватит сил.

Лоск цивилизованного человека, избегающего насилия и склонного к компромиссам, испарился. Его смыло неудержимой волной первобытной ненависти к обидчику.

Не успел я опомниться, как тело само прыгнуло вперед, навстречу задире. Инерция, помноженная на силу, помогли одержать верх. Глазом никто моргнуть не успел, как крепыш завалился на спину, а верхом на него уселся я.

Дальше сделал такое, чего сам от себя не ожидал.

Наклонился и вцепился зубами в правое ухо поверженного врага. С силой сжал зубы и потащил на себя.

Робби завизжал раненой свиньей. Его приятели в шоке застыли, глаза пацанов стали похожи на огромные блюдца.

Никто не ожидал от меня ничего подобного. Проклятье! Да я сам не думал, что способен сотворить такое.

– Еще раз ко мне подойдешь, я тебе лицо обглодаю, – прошипел я рассерженной змеей в лицо крепышу.

По моему подбородку стекала кровь. Я сплюнул, откушенный кусок уха влетел прямо в раззявленный рот сына мельника.

– А-а-ааа! – заорал он, каким-то чудом вывернулся из-под меня и прямо с земли рванул бегом.

Следом припустили дружки, оглашая окрестности испуганными воплями.

Я медленно поднялся на ноги. Задумчиво поковырял в зубах, доставая слизь из крови и частичек хряща.

– Чего тут хожу, чего тут хожу, – проворчал я. – Живу я тут, жирная свинья!

Постоял, приходя в себя. Взгляд случайно скользнул по рукаву рубахи, темные пятна крови выделялись даже на мешковине. Дерьмо! Помыть бы надо.

Мысль скользнула лениво. Думать о произошедшем, осмысливая проявленную жестокость с собственной стороны, не хотелось. Догадывался, что где-то в глубине затаился червячок стыда и вины. Не хватало еще переживать за урода, хотевшего меня избить.

– Нечего было лезть, – пробормотал я, пытаясь предотвратить появление моральных терзаний.

Мы же люди цивилизованные, не приемлем насилия. А тут зубами в ухо и давай яростно отдирать. Неудобно получилось.

Я еще постоял, вдыхая воздух раннего вечера. Глаза случайно

зацепились за место на берегу, откуда пришли деревенские. Что там? Угли тлеют? Что они тут все-таки делали?

Уже догадываясь, что увижу, подошел ближе. Ну точно, костер. Огня уже нет, но угли горят тускло красным. Рядом лукошко из бересты, а внутри…

– Это я удачно зашел, – пробормотал я, наклоняясь.

Только тут заметил, что мешок и лопата так и валяются на тропинке. Блин, вот стоило чем припугнуть забияк. Замахнуться лопатой и… Не-е, вряд ли бы помогло. Толпой бы задавили, крысеныши. А так шок, страх и бежать. Когда тебе улыбается окровавленным ртом мальчик в лохмотьях… тут и взрослый отложит гору кирпичей. Мелюзга и подавно.

А если родителей позовут? Я настороженно прислушался, не слыхать ли возмущенных криков со стороны деревни.

Вроде нет. Наверное, побоялись рассказывать. Разбежались по углам и сидят.

– Да и хрен с ними, – под нос пробурчал я и принялся доставать рыбу из садка.

Разного размера, пять штук, она еще вяло шевелилась. Просто отлично. Сейчас мы это дело грамотно оформим. Поджарим на костерке. Но сначала рот хорошенько прополоскать.

Знаю, мне бы бежать отсюда куда глаза глядят, подальше от гнева разозленных селян, да искушение оказалось слишком велико. Живот прилип к позвоночнику, и ни о чем, кроме как что-нибудь сожрать, больше не думалось. Тем более, если что, услышу заранее, успею свалить, избежав встречи с родителями тех обалдуев.

Победа в короткой стычке придала уверенности, вселила веру в собственные силы. Не обязательно бежать, чтобы остаться в живых. Иногда можно и сражаться. Простая, в общем-то, мысль пришла неожиданно, дала возможность взглянуть на ситуацию с ученичеством у жестокого алхимика с другой стороны.

Кто сказал, что выход один? Итог со смертью от истощения вовсе не обязателен. Есть множество вариантов дальнейшего развития событий. В том числе судьба самого чародея.

Решено. Не буду уходить. Придумаю что-нибудь другое. Обязательно переживу вредного старика и еще станцую мамбу на его могиле.

Глава 4

Торопиться особо не стал. Куда спешить? Раскапывать древние могилы каких-то бедолаг, чьи останки и так, по словам алхимика, уже тревожили не раз и не два? Ну его нафиг.

– Поганый старикашка, – я проворчал сквозь зубы, – неймется же ему.

Когда Гренвир вручал мне упомянутое снаряжение, экипируя в поход фонарем, лопатой, мешком и средством для розжига, я в кои-то веки рискнул спросить, зачем идти ночью и почему не сделать все днем? Мол, неужели так обязательно? Или это просто прихоть старого колдуна?

Ха, последний вопрос, конечно, не задал. В последний миг частица сознания, доставшаяся от Эри, взбрыкнула, требуя не нарываться на неприятности.

Подчинился, положившись на мнение пацана. Злить костлявого хмыря в дурацкой хламиде за здорово живешь категорически не рекомендовалось. Очень уж скверный нрав у чародея-отшельника.

И все же старик удивил. В кои-то веки снизошел до объяснений. И ответ огорошил. Почему не днем? В чем разница? Потому что выкапывать будешь под лучами солнца. Они первыми коснутся костей после сырой могильной земли. А надо, чтобы был свет двух сестер-лун.

И да, в здешнем мире на орбите планеты болтался не один спутник, а сразу два.

Непременное условие для начальной подготовки. Типа в противном случае кости изменят первоначальные свойства.

Каково? Этот гад отправлял подростка на кладбище копать могилы ночью, потому что боялся, что скелет получит дозу ультрафиолета! Совсем с катушек съехал, старый хрен.

Об этом я ему, разумеется, тоже не сказал. Зато наградил красноречивым взглядом. При этом так и хотелось покрутить пальцем у виска и дать совет обратиться за квалифицированной помощью к опытному психиатру.

Алхимик в ответ на меня как-то странно взглянул. Показалось, или в глубине его глаз мелькнула искра удивления? Эри такого себе не позволял. И чего уж греха таить, он и вопросы-то задавал очень редко. И то по большей части касающиеся работы. Ради облегчения оной.

– Сволочь старая, – еще раз ругнулся я, вспомнив изучающий взгляд глубоко запавших глаз.

Чего уж там, испугал он меня в тот момент. Наверное, так

ученые смотрят на подопытных кроликов, перед тем как решить, какую очередную гадость им ввести в подбрюшье.

Стоило подумать о кролике, как мысли вновь вернулись к еде. К черту старикана с его закидонами. Сейчас надо думать о жратве. Точнее, о том, как ее приготовить. В качестве трофеев мне достался садок с недавно выловленной рыбой, будет глупо упустить шанс вволю пожрать.

Нечасто, ох нечасто Эри удавалось насытиться вдоволь. Обычно жил впроголодь. Что мальцом в труппе бродячих артистов, что в качестве подмастерья (а правильнее, обычного слуги) у нелюдимого алхимика.

– Так, и как вас готовить прикажете? – я задумчиво уставился в лукошко с вяло трепыхающимися рыбинами.

Рука сама потянулась к затылку в желании помочь простимулировать мыслительный процесс.

Надо понимать, что раньше морскую живность мне приходилось употреблять в совершенно иных видах. Суши, роллы, всякие хондаши с креветками. Заказывать на дом еду далеко не то же самое, что готовить ее самостоятельно. А повар из меня, чего уж скрывать, тот еще. Сделать яичницу, сварить пельмени, тосты с маслом и джемом на завтрак – вполне удавалось. Но ничего более сложного.

– Вроде ее надо выпотрошить? – пробормотал я, не забыв поднять голову и в очередной раз прислушаться к звукам медленно надвигающегося вечера.

Не бегут ли разгневанные деревенские разобраться с обидчиком их ненаглядных чад? Вроде нет. Видимо, пацанва нехило перетрусила и побоялась рассказывать взрослым о стычке. Разве что толстяк мог расколоться, когда увидят его рваное ухо, но и то не факт. Мог что-нибудь наплести, чтобы не выглядеть слабаком. Забияки обычно стараются не афишировать своих поражений. Кажется…

– Все равно ножа нет, пойдет и так, – философски пожав плечами, я склонился и поднял с земли тонкий и длинный прутик.

Процесс насаживания слегка затянулся. Живая рыба никак не хотела умирать и трепыхалась изо всех сил в руках.

– Да угомонись ты!

Блестящая чешуя блестела в лучах заходящего солнца, мокрая и скользкая до невозможности, норовя выпасть из рук. Сообразив, что так дело не пойдет, я взялся за хвост рыбы и от души шарахнул ее головой об землю.

– Я тебя все равно сожру, – пообещал я, прикладывая непокорную добычу об утоптанный вокруг костра грунт.

Приглушенный шлепок был мне ответом. А за ним еще один и еще, пока рыбина наконец окончательно не затихла. Дальше начались мучения с протыканием и установкой прутика над лениво дымящейся кучкой красных углей.

С трудом, с матом-перематом сквозь зубы, но я справился. Первая тушка рыбы оказалась над костром. Следом наступила очередь остальных. Худо-бедно на прутики оказался насажен весь улов деревенских рыбаков.

Поворошил угли, красные отблески опасно сверкнули в ответ на беспокойство. Дым повалил более густо, жадно обволакивая висящие рыбины.

– Отлично, не зажарим, так закоптим, – довольно пробурчал я.

Блин. А это разве не дольше? Или, наоборот, быстрее? Да, вот уж где не хватает сковородки или микроволновки.

Подумав о способах приготовления, понял, что открытый огонь все-таки способствует более быстрому приготовлению. Температура выше, следовательно, скорость прожарки шустрее. Логично? Логично.

Значит, надо добавить дровишек. Рассиживать долго нельзя. Как ни посмотри, а тащиться на проклятый погост придется.

Сказано – сделано. В костер полетели подобранные на берегу ветки. Благо последних хватало с избытком. Пламя с удовольствием лизнуло сухое дерево, распробовало на вкус и принялось поглощать с веселым потрескиванием.

– Другое дело, – я уселся на корточки, протянув руки к огню.

Есть в огне какая-то первобытная притягательность. Что в этом мире, что на Земле, видишь его – и обязательно возникает желание оказаться поближе. Должно быть, отголоски генетической памяти пращуров, что жили в пещерах и носили вместо одежды шкуры убитых животных.

Рыбья чешуя очень быстро перестала блестеть и принялась покрываться хрустящей поджаристой корочкой. От костра потянуло одуряющим ароматом еды. И тут же, откликаясь на его появление, жалобно заурчал живот.

Пришлось приложить усилия, чтобы не схватить ближайший прутик прямо сейчас. Наполовину сырая рыба вряд ли хорошо переварится. Надо запечь до конца. А пока не мешало посмотреть, что там еще осталось в мешке.

На свет появилась засохшая головка сыра, кусок ржаного хлеба, твердого, как кирпич, помидорина не первой свежести, луковица и пригоршня фасолин. Последние сразу отправились в рот. Что-то сделать с ними не представлялось возможным. А вот лук не помешает тоже поджарить. На манер шашлыков.

Сыр и помидорину схрумкал так. Запил колодезной водой из потрепанной кожаной фляжки. Хлеб жевал долго, упорно перемалывая каждый кусочек. Параллельно пялился на костер (не забывая периодически привставать и проверять на слух возможное появление разозленных селян), следя за прожаркой рыбы и лука.

А еще усиленно морщил лоб, думая о дальнейших действиях. Ну допустим, выкопаю сегодня эти дурацкие кости, при свете двух лун, и вернусь до рассвета, как полагается.

Что дальше? Старания будут как-то отмечены со стороны старика? Его отношение ко мне радикально изменится? Сомневаюсь. И сильно. Плевать долговязый хрен хотел на демонстрацию проявленного усердия. Он считает оное со стороны «ученика» само собой разумеющимся и не требующим какой-либо дополнительной награды.

Значит, надо самому ее себе придумать и взять. Раз уж никто не дает. Правильно? Правильно! Будем раскулачивать гада.

Первая мысль – кладовые на первых этажах башни. Получить туда доступ всегда было мечтой Эри. А уж погреб-подвал… м-м-м… там хранилась самая вкуснятина. Колбасы, окорока, круги мягкого сыра, печеночные паштеты, вяленые листы мяса, приправленные душистыми травами. Для бывшего беспризорника просто рай.

Но я ведь не он. Хорошая еда дело нужное, кто спорит. Вон, как желудок скрутило, ни о чем думать толком не получается и сил почти нет. Однако все это ежеминутные потребности. Надо смотреть шире, попытаться охватить картину целиком и действовать на перспективу. Желательно как можно далекую.

Поэтому кладовые пока оставим. Пусть их. Есть цель более многообещающая. Оттуда можно извлечь куда больше пользы, чем от набитого живота.

Библиотека.

Выгода изучения книг очевидна. Здесь и полезная информация об окружающей обстановке в мире и сведения по алхимическому зельеварению.

Надо прямо сказать, знания Эри о том, что вокруг происходит, носили не просто отрывочный характер, по сути, их не было вовсе. Ближайшие страны, их расположение, не говоря уж об истории – всего этого парнишка не знал.

Дико звучит для человека Земли двадцать первого века. Но таковы реалии средневековых времен. Обычный люд, тем более бродяжка-сирота, в основной массе понятия не имел, что происходит за ближайшей округой. Да и не слишком жаждал этого знать, если уж на то пошло.

Другое дело благородные, священнослужители, мистики, жители крупных городов. Здесь уровень осведомленности повышался, сообразно полученному образованию и жизненной необходимости в занятой сфере деятельности.

Самыми знающими, естественно, выступали аристократы. Высокородная знать вообще стояла на отдельной ступеньке. Этих целенаправленно готовили с самого детства, прививая не только умение ловко махать шпагой (или чем они там делали дырки в своих оппонентах на дуэлях?), но и разбираться во многих других вещах.

Хм-м… А вот это занимательная идея. Спорю на что угодно, в здешних реалиях жить благородным намного проще и легче, нежели в тушке «грязного простолюдина». А уж если особа титулованная, то и вовсе лафа.

Тут тебе и замок, и целый штат слуг, что и обед сготовят, и постель застелют, и воды натаскают и подогреют для мытья. А в опочивальне в кровати всегда будет ждать грудастая красотка, податливая и уступчивая, готовая выполнить любую прихоть своего господина.

Половинка Эри аж причмокнула от удовольствия, стоило представить огромную кровать под балдахином, а на ней в раскованной позе вольготно расположилась соблазнительная красотка, абсолютно голая, а на лице играет призывная улыбка с намеком – не стесняйся, делай с ней что угодно.

Я громко хмыкнул.

– Ага, размечтался, дон-барон санчо-панчинский, – с усмешкой произнес я себе под нос. – Ждет тебя милашка, в замке пустом. Покладистая, хозяйственная да умелая в койке.

Я покачал головой. Стоило завязывать с фантазиями и думать о чем-то более практичном. Хотя идея насчет получения в дальнейшем благородного звания не так уж и плоха, может пригодиться в будущем, надо обязательно отложить в дальний закуток сознания.

Так, ладно, побаловались – и хватит. Пора приниматься за дело. Сначала пожрать, потом топать на дурацкое кладбище. Вопрос с библиотекой отложим на потом. Еще вернуться надо.

К этому времени все пять рыбин уже окончательно покрылись тонкой хрустящей корочкой от хвоста до головы. Приятный золотистый оттенок и умопомрачительный запах говорили, что «блюдо» полностью готово к употреблению. И лук прожарился на ура.

– Черт, соли нет, – в последний миг вспомнил я.

Понял, что ничего не сделать, и молча махнул рукой. Плевать, так пойдет. Жалкие крохи, что съел до этого, уже

позабылись, желудок настойчиво требовал добавки.

Сочные ломти белых кусочков исходили паром, едва слюной не захлебнулся, пока разделывал первую рыбешку. Поджаристую чешую снимать и выкидывать не стал, съел разом. Немного помучился, удаляя мелкие косточки. А в целом остался очень даже доволен.

Никогда не думал, что буду с таким наслаждением есть прожаренную на костре рыбу, недавно выловленную из реки за спиной. В прошлую жизнь скорее поморщился бы и отвернулся, а сейчас ничего, схрумкал за милую душу, едва не повизгивая от счастья.

– Как же вкусно, блин, как же вкусно, – третью доедал уже неторопливо, растягивая удовольствие.

Четвертую и пятую смаковал. Когда последний кусочек исчез, с грустью оглянулся на пустой туесок, надеясь увидеть внутри еще одну завалявшуюся частичку улова незадачливых драчунов-рыбаков.

Пусто. Корзинка, сплетенная из бересты, показывала мокрое дно. Удовольствие кончилось, пора отправляться в путь. Бросив прощальный взгляд на костер, я поворошил угли, раскидывая тлеющие веточки в разные стороны.

Топтать, гася окончательно, не рискнул. На ногах лапти, прожженные дырки на подошве мне ни к чему. И так сойдет, потухнут. Неотвратимо смеркалось, а следом холодало, вряд ли начнется пожар. Да и чему тут особо гореть? Справа река, слева густая зелень травы, сзади и спереди тоже. Не в лесу, не займется.

Вскинув лопату на плечо и подхватив рукой мешок с лежащим внутри фонарем, бодро затопал вдоль берега. Деревенские так на разборку и не пришли, в теле ощущается приятная сытость, настроение боевое, того и гляди запою чего-нибудь во весь голос.

Это, конечно, реакция половинки Эри. Пацан искренне радовался удачному времени. Нечасто удавалось так приятно провести вечерок. Навешал люлей обидчикам, хорошо пожрал. Что еще для счастья надо?

Вторая половинка, что принадлежала пришельцу из другого мира, не реагировала так остро. Хотя тоже наполнилась определенным оптимизмом насчет дальнейшего бытия.

Примерные наметки на ближайшее будущее есть. Постараться изучить библиотеку вредного старикана. Почерпнуть из книг как можно больше полезного.

В первую очередь, конечно, остро необходима информация об окружающих государствах. Что, где, как, кто, с кем и почему? Очень важно понимать, куда конкретно меня занесло. Особенно

касательно земель, где находилась башня Пауля Гренвира.

А то соберусь бежать, выйду за околицу и окажусь с рабским ошейником на невольничьем рынке, не успев пройти и пары лиг. Кто его знает, что творилось в ближайших окрестностях. Познания Эри на этот счет, мягко говоря, не изобиловали подробностями.

Еще один немаловажный момент – знания по алхимии. Не буду лукавить, способ, которым старик меня излечил от довольно серьезной раны, произвел сильное впечатление. Насколько понимаю, на такие фокусы не способна ни одна современная медицина. Заживить пробитый череп за одну ночь! Тот еще трюк.

Печенкой чую, подобные снадобья в большой цене среди местных жителей. Будет чрезвычайно полезно научиться готовить лечебные зелья. При таких умениях срубить деньжат не должно составить особых проблем.

Будем думать на перспективу. Сбежать еще мало, надо суметь прилично устроиться, чтобы не побираться на улице. А уже после чесать затылок на предмет возвращения домой. Если это вообще осуществимо на практике.

Мостик остался позади, как и речка, полная такой вкусной рыбы (надо обязательно сделать заметку на память и обзавестись собственной удочкой, жуть какие вкусные караси, или как там те рыбешки прозывались?), впереди неохотно вырастала стена деревьев небольшой рощи.

Похолодало, солнце едва-едва скрылось за край, далекий горизонт алел огромным пожаром. Тропинка убегала влево, к деревенскому кладбищу, огороженному покосившейся оградой из трухлявых кольев.

Мне прямо, в неуютную тень стылых объятий невеликого клочка леса. Здесь дикие животные не водятся, лесорубы и грибники из деревни давно отвадили. Широкая просека отсекала рощу от основной чащи с востока, люди шаг за шагом отвоевывали себе пространство у дикой природы, но силы все еще оставались неравны, поэтому действовали осторожно, отрезая кусок за кусочком, расширяя ареал проживания с каждым последующим поколением.

Лесок за речкой проскочил быстро. Тут не глушь, где очнулся вчера. Идти куда проще. И тем не менее шаг неосознанно прибавил, а лопату держал наготове, очень уже давешний страх повстречать медведя или волка укоренился в сознании.

Шурша листвой под ногами, то и дело настороженно оглядываясь и прислушиваясь к звукам шумящих над головой пышных крон, пробкой из бутылки шампанского выскочил на другой стороне.

Опушка с противоположного конца рощи ничем не отличалась от своей сестрицы-близняшки. Та же высокая сочная трава, доходящая до колен, так же резко заканчивались деревья. Только вместо мелкой россыпи огоньков далекой деревни, едва видимой за чередой пригорков, – вольготно раскинулась равнина.

И на этом бесконечном полотне темно-зеленого моря то тут, то там острыми бугорками выделялись возвышенности. Заросшие бурьяном, с покатыми – боками, холмики располагались хаотично, без какого-либо видимого порядка.

Забавно, а сюда лес почему-то не хочет идти. В сторону деревни пожалуйста, да так, что каждый год приходится деревья рубить и корчевать, а здесь не рискует пересекать невидимую линию.

Древние курганы.

Видать, остатки старой магии все еще пытались защитить постояльцев. И если не смогли отвадить борзых грабителей из числа людей, то уж от настойчивой растительности защититься сумели.

Правда, хрен знает, насколько им хватит еще сил и не окажутся ли погребения однажды под сенью огромного леса.

– Ну и холодрыга, – я передернул плечами, налетевший с равнины ветер принес с собой холод наступающей ночи.

Мудрить особо не стал, двинулся к ближайшему кургану. Солнце окончательно зашло, край горизонта уже не отливал багрово-красным, а окончательно потемнел. На бездонном небосводе темного неба потихоньку зажигались маленькие искры чужих созвездий. И прямо посреди звездного полотна застыли серыми глыбами две луны – Сестры, как их здесь называли.

– Время, похоже, пришло, – пробубнил себе под нос.

В первую очередь полез в мешок за огнивом и кресалом, зажечь воняющую лампу. Несмотря на приличное освещение звезд, не помешает иметь более сильный источник освещения. Тем более еще лезть внутрь, под землю.

То и дело поминая жадного старика, не давшего в качестве средства добычи огня какую-нибудь магическую зажигалку, я долгих пятнадцать минут мучился, пытаясь выбить искру и зажечь проклятую лампу.

Отбил себе два пальца, припомнил все известные ругательства, как земные, так и здешнего разлива, но в конечном итоге добился своего – огонек в примитивной масляной лампе все-таки замерцал.

– Сволочи, когда спички изобретете?

Вторым, что сделал, обошел выбранный холм кругом, внимательно разглядывая. Если есть свежие следы, то, наверное,

лучше пойти к другому, мало ли вместе с драгоценностями утащили и скелет. А мне потом что, рыть еще одну нору?

Алхимик упомянул, что деревенские к курганам старались не подходить. Опасались проклятий и всякого рода другой мистической чуши. И судя по нетронутой земле с густой травой, оказался прав. К холму давно уже никто не приближался, не то чтобы что-то копать.

– Ну ладно, поехали, – поплевав на руки, я вонзил лопату в пригорок с одной из сторон.

Почва оказалась неожиданно жесткая. Словно промерзлая в стылую осеннюю ночь. Хорошо еще, инструмент подходящий, из металла, с деревянной лопатой даже подумать страшно, сколько бы провозился. А так ничего, туго, но процесс продвигался.

Сопел, пыхтел, упрямо вгрызаясь в неподатливый грунт. По ходу согрелся, о холоде почти подзабыл. На глубине около полуметра возникло первое серьезное препятствие – туго переплетенные корни. Толщиной с запястье взрослого человека, похожие на жесткие лианы, они здорово мешали, став преградой для попадания внутрь пологого холмика.

Ничего не остается, надо долбить. И опять на ум пришла предусмотрительность старика. Благодаря тому, что лопата железная, раскопки получилось продолжить. Туго, но все же. Будь инструмент более примитивен или менее прочен, то, скорее всего, пришлось бы отступить. А так ничего. Запарился в край, однако потихоньку пробивался.

Нет, старый хмырь точно уже не раз и не два грабил похожие могилы. Иначе не стал бы раскошеливаться на металлическую лопату.

Пока рыл, чувствовал себя черным археологом. Не скажу, что слишком приятное ощущение.

А вот страха как такового почему-то не было. В смысле всяких призраков и проклятий. Точнее, доставшаяся от Эри частичка чего-то там шевелилась, вяло пытаясь воззвать к хоть какому-то подобию осторожности, а циничная сволочь обывателя двадцать первого века, ни в грош не ставившего всю эту сверхъестественную муть, позволяла оставаться спокойным.

Пробить лаз удалось где-то через час упорного труда. Намаялся просто ужас. Перед тем как лезть внутрь, слегка передохнул.

Блин, зря воды не захватил побольше. Небольшая кожаная фляжка опустела очень уж быстро.

– Ну-с, господа покойнички, кто там хочет поделиться своими косточками? – проронил я, засовывая внутрь дыры руку с горящим фонарем.

Так, не забыть, перед тем как складывать в мешок, кости надо разложить на траве и подержать под светом двух лун. Не знаю точно, сможет ли проклятый старик распознать, что они действительно первым делом после могильной земли «вкусили сияние Сестер», но рисковать, проверяя проницательность вредного алхимика, не хотелось. А ну как погонит сюда еще раз. Со старой сволочи станется.

Додумать мысль не получилось, внезапно земля под руками стала рыхлой и мягкой. И удивиться толком не успел, как вдруг почва начала проваливаться, утягивая меня за собой в глубокий провал.

Проклятье! Так и знал, обязательно будет подлянка.

Глава 5

Первая реакция паническая. Сейчас как навернусь с огромной высоты в глубокий провал, костей не соберешь.

Как следствие, последовали судорожные попытки уцепиться хоть за что-то. Загребал руками как мог, нащупывая устойчивую поверхность.

Бесполезно, грунт рассыпался, рыхлой массой затягивая вниз. В какой-то миг под ладонями оказалась пустота. И наступил момент свободного падения.

– Вашу ма-а-аа!.. – не выдержав, я заорал.

И почти в ту же секунду ощутил, как тело, вместо того чтобы рухнуть в бездонную яму, вдруг совершенно неожиданно снова очутилось на чем-то относительно твердом. Не удержалось на месте и заскользило в густую темноту.

Спуск длился буквально пару мгновений и закончился мягким толчком. Пальцы нащупали впереди камень неправильной формы. Обломок?

Где-то сбоку остался фонарь, неведомым чудом не перевернувшись и не погаснув. Скатился, как и я, вниз, но в отличие от меня остался в стоячем положении. Повезло. Лишиться света, очутившись под землей, не самая хорошая перспектива.

Сквозь зубы изрыгая проклятья, в основном направленные на собственную неуклюжесть за испытанный страх, поднялся на ноги.

Вот дерьмо! Стоило оглядеться, как стало понятно, что произошло. Прорубив дыру в стенке кургана, я почему-то думал, что его внутреннее «помещение» находится на уровне земли снаружи. Но очевидно, за долгие годы «пол» здесь и «пол» там давно уже разошлись. И довольно серьезно.

Короче говоря, я скатился по наклонному пригорку вниз, попав под небольшой обвал. Стоило не тупить и сразу рыть под углом, тогда идиотского падения можно было избежать.

– Чуть не обосрался, блин, – с чувством выдохнул я.

Нет, правда, когда думаешь, что падаешь куда-то, и не понимаешь куда, а дна не видать и вокруг темнота, очень легко наложить в штаны, будь ты самым распоследним храбрецом на свете. Только дурак ничего не боится.

– Посмотрим, что здесь у нас, – почему-то говорить вслух помогало сохранять спокойствие, приходя в себя после всплеска паники.

Взял в руки горящий фонарь. Классная штука, не погасла в

самый критичный момент. А то, что воняет, так это ерунда. Технические характеристики перекрывали любой дискомфорт использования. Лезть обратно в темноте, ориентируясь на маленький кусочек звездного неба, нащупывать потерянную лампу, потом искать огниво и по новой зажигать… Ну его нафиг, такие приключения.

Приподняв свой единственный источник света повыше, осторожно двинулся в путь. Перед каждым шагом внимательно оглядывал перед собой землю, стараясь хорошенько рассмотреть, куда ступаю. Не хватало еще раз куда-нибудь свалиться. Вот уж точно, будет отличным завершением дня.

Обойти внутреннее пространство пологого холма получилось за несколько минут. Ничего особенного. Большая комната, сводчатый потолок, пол выложен камнем, стены представляли собой густо переплетенную вязь толстых корневых отростков.

Гораздо интереснее то, что находилось в центре. На небольшом постаменте возвышался гроб. Натуральный саркофаг, целиком из камня, здоровенный такой, солидный, с толстой крышкой поверх.

– Вот это бандура! – я уважительно прицокнул языком.

Саркофаг и впрямь впечатлял. Не красивостью, не мастерством обработки, а размерами.

– Туда великана, что ли, запихнули? – внутри шевельнулся червячок беспокойства.

А ну как все эти сказки правдивы? Сейчас как выскочит оттуда какой-нибудь мертвяк под три метра ростом, и что с ним прикажете делать? Или еще что похуже, типа проснувшегося архилича, чей сон по дурости я потревожил.

Я с опаской покосился на гроб. Воображение живо нарисовало могучего сдохшего некроманта, поднятого древней магией. Одно дело быть снаружи и видеть просто заросший холм, не воспринимая его чьей-то гробницей. И совершенно другое – увидеть зримое подтверждение предназначения кургана. Тут хочешь не хочешь, а разум начнет играть с фантазией, подпитывая ее скрытыми страхами.

И что делать? Как-то резко расхотелось открывать эту большую фиговину. Ну вот совершенно не упало лезть под крышку. Я думал, надо будет просто поскрести немного земли, поднять парочку старых костей и принести их в мешке. А тут…

– Насчет страшных гробов мы не договаривались, – помянув недобрым словом Гренвира, буркнул я.

Постоял, оценивая ситуацию. Язычок огня в фонаре медленно трепетал, тени на стенах причудливо изгибались в такт беспокойного пламени. Спертый воздух мешал свободно дышать,

а сухой запах чего-то непонятного постоянно сбивал с мысли, заставляя переживать об отравлении.

Свалить? И что потом? Вернуться не получится. Старый хрыч обязательно отправит обратно, не в его привычках спускать с рук невыполнение приказа. Еще и «оздоровительный курс» голодания устроит. А как же.

Попробовать другой холм? Даже не знаю. Инстинкт подсказывал, что там нечто похожее. С высокой долей вероятности наткнусь на такой же гроб. И ситуация вернется на круги своя. Опять встану перед дилеммой, только на этот раз гораздо более уставший, заодно потеряв полтора часа времени.

А ночь не резиновая. М-да, дурацкие луны не будут висеть в небе вечно. По инструкции светила нужны для обработки костей.

– Ну старик, ну гад, небось знал, какая хрень тут внутри, – проворчал я. – И не подумал предупредить.

Дерьмо! Ладно, надо действовать. В самом деле, я что, маленькая девочка, чтобы бояться старых побасенок? Надо просто взять и открыть саркофаг, никаких оживших зомби в нем нет.

А личи… какой дурак, обладая силой могучего некроманта, повелителя мертвых, будет валяться на задворках мира в старой заброшенной яме? Уверен, ему было бы чем заняться, если бы он реально существовал. Но уж точно не прохлаждался в этой дыре.

Успокаивая себя таким образом, я приступил к вскрытию саркофага. Кончик лопаты вонзился в узкий зазор между крышкой и основной тушкой гроба. Приглушенно звякнул металл, следом послышался скрежет.

Напряг мышцы, надавил. Черенок лопаты протестующе хрустнул. Однако усилия не пропали даром, каменная плита слегка шевельнулась. Незаметно, почти на грани ощущения, но все же шевельнулась.

– Тяжелая гадина, – вслух пробормотал я.

И снова взялся за свой единственный инструмент. Тут бы ломик не помешал, а еще лучше механический кран на электроприводе, да придется обойтись тем, что имелось в наличии.

Ковырялся долго, не меньше часа. Пробовал делать заходы с разных сторон, крышка никак не хотела сдаваться. В конечном итоге человеческое упрямство оказалось сильней и перебороло наглую каменюку.

Бум! – с шумом плита упала на пол ребром и осталась стоять прислоненной к внешней стенке саркофага.

Перехватив лопату на манер биты, я настороженно подошел к открывшемуся проему и с опаской заглянул внутрь.

Трудно сказать, что конкретно ожидал лицезреть. Может,

необычное существо с нечеловеческим черепом, может, могучего богатыря в полном боевом облачении с мечом на груди, может, злосчастного лича-некроманта в черных лохмотьях со зловещим посохом под рукой.

Однако реальность оказалась куда прозаичнее.

– И всё? – Мое лицо разочарованно вытянулось.

На плоской гранитной поверхности лежал самый что ни на есть обыкновенный скелет. Совершенно без ничего. Ни одежды, ни каких-либо предметов рядом. Просто кучка костей, выложенных в человеческую фигуру.

М-да уж, разочарование. Думал, будет что-нибудь… эм-м… этакое… необычное. А тут просто давно сдохший мертвец. Даже немного обидно. Столько стараний, а на выходе ерунда.

Хотя стоп. Почему ерунда? Я ведь сюда и пришел за костями. Чего тебе еще надо? Было бы лучше, чтобы оттуда высунулся оживший лич? Ну его нафиг.

Сползал наверх, притащил мешок. Насвистывая веселый мотивчик (сейчас быстренько соберу эту гадость и обратно домой, еще и поспать немного успею), принялся разворачивать ворот баула, чтобы сподручнее было складывать найденные останки.

Облегченно разогнул спину и… дико заорал:

– А-а-ааа!

Скелет сидел в саркофаге, а вокруг него струилась голубая дымка.

Что за дерьмо?! От неожиданности и подчиняясь рефлексам, вскинул лопату. Широкий замах, свист воздуха и удар. Следом глухой перестук. Черепушка с поднявшегося скелета слетела и весело покатилась, подпрыгивая по полу.

– Какого хрена?!

Лишившись головы, остальное туловище и не думало падать. Так же преспокойно сидело в гробу, выпрямив спину.

Срань господня! Это что еще за ожившие мертвецы? И почему кости светятся?

Никогда не был особо верующим, а тут вдруг остро захотелось перекреститься, да вдобавок молитву прочесть вслух и погромче.

Так бы, пожалуй, и сделал, если бы не понимал рассудком, что ритуальными плясками и песнопениями делу не поможешь. Поэтому выбрал иной путь – снова шарахнул со всей дури лопатой сверху-вниз по беспокойному покойнику. Затем еще разок, и еще, пока скелет окончательно не превратился в груду костей.

Рот сам растянулся в довольной ухмылке. Противник повержен, победа, чтоб ее.

– Ну и жуть, – устало вытер пот с мокрого лба.

Пальцы до сих пор подрагивали от нервного возбуждения. Оживший скелет… кхе… рассказать кому – не поверят.

И тут же холодным ушатом напоминание. Это там, на Земле не поверят. А здесь такое в порядке вещей. Магия – это вам не шутки. Особенно та, что в древних могилах.

На этом месте я вспомнил про необычное свечение, именно оно держало костяк скелета в вертикальном положении, переливаясь темно-синим неоном в зазорах между костями. Интересно, куда эта фосфоресцирующая дрянь делась? Надеюсь, не растворилась в воздухе и не заразила окружающее пространство какой-нибудь разновидностью колдовской радиации?

Я боязливо заглянул уже во второй раз внутрь саркофага. Каменный ящик встретил меня кучкой белесых костей. Ничего, никакого свечения.

Из груди вырвался вздох облегчения. Пакость исчезла. И воздух вроде не спешил необычно светиться. Та же темень (сейчас уже казавшаяся едва ли не родной), тот же затхлый запах спертой атмосферы.

Фух. Вроде пронесло. Я без сил облокотился на бортик гроба. Надо заканчивать и валить отсюда подальше. Хватит с меня на сегодня старых гробниц. Сердце бухало в груди как сумасшедшее, разум никак не хотел верить в реальность происходящего.

Звякнул фонарь, установленный на край гроба. Свет полностью осветил внутренности саркофага. Ну точно, ничего нет. Пусто, только останки скелета.

Шарящий взгляд случайно наткнулся на странные углубления в боковой стенке. Что это? Выдолбленная в камне надпись? Не похоже на обычные буквы. Значки больше походили на руны.

А, плевать, что там и чего намалевали в старину. Меня это не касается.

Соблюдая осторожность и используя край мешка в роли перчаток, быстренько набрал с десяток белеющих костей. Пока работал, в голове промелькнула мысль о грамотности Эри, а точнее, о ее полном отсутствии. Читать-писать пацан совсем не умел. А я еще собрался лезть в библиотеку. Ради чего? Картинки разглядывать? Да уж, не продумал план до конца. Видать, придется найти какой-нибудь учебник, прежде чем приступать к изучению книг.

Так, стоп. А если язык не один? Или столь сложен, что на его изучение придется потратить уйму времени? В свете этих событий затея с самостоятельным изучением магических

фолиантов выглядела уже не столь легкой. Неужели придется обращаться к алхимику?

Одни проблемы.

Выбраться из норы получилось ловчее, чем туда попасть. Подержал пару минуток злополучные останки под светом Сестер и засобирался обратно.

Не оглядываясь, устремился быстрее смыться из неприятного места. Внутри кургана, может, и пусто, и там давно уже ничего из материального нет, но как показала практика, потусторонней мути на древнем погосте хватало с лихвой.

Не стоило забывать, это на Земле экстрасенсы и маги – кучка шарлатанов, вытягивающих из доверчивых простаков деньги, а в этом мире все куда как серьезнее. И скептицизм не сможет выступить в качестве щита, если вдруг что случится.

До башни добрался значительно быстрее, чем шел первый раз. Иногда не выдерживал, переходил на бег, постоянно оглядываясь. Внутри все потряхивало, перед глазами то и дело возникал оживший скелет.

Ночная прохлада понемногу проясняла мозги. Очень скоро я вдруг сообразил, что изначальным первоисточником необычного поведения останков являлись вовсе не кости бедолаги, умершего прорву лет назад, а та самая светящаяся дымка. Это она подняла мертвеца из могилы, а вовсе не он вдруг захотел и принял сидячее положение.

Магия.

Я впервые столкнулся с ее проявлением. Что это было? Какое-то защитное заклинание? Чары, наложенные на саркофаг и сработавшие, стоило его потревожить? Предположений много, и неизвестно, какое именно верно.

Ясно одно, мне жутко повезло, что «дымка» всего лишь заставила двигаться безобидный скелет, а не плюнула, скажем, каким-нибудь ядом.

Лежал бы сейчас, загибался от медленной смерти магического отравления. Бр-рр… незавидная участь. Хотя и вполне справедливая для расхитителей гробниц. Чего уж скрывать.

– Проклятый старикашка, – процедил я сквозь зубы. – Разграбили, ничего опасного нет, копай не хочу. Старый ублюдок наверняка знал, что там такая подстава. Вот и не пошел сам, а послал кого не жалко.

В голове возникали картины мщения одна красочнее другой. Как разбиваю черепушку алхимика его же лопатой, как обхватываю костлявую шею руками и принимаюсь душить, как из тонкого рта вываливается распухший язык, когда мертвое тело

безвольной куклой падает на пол первого этажа башни.

Сволочь, прикончить бы засранца.

Жаль, что это всего лишь мечты. Я отлично понимал, что не смогу сам что-нибудь сделать волшебнику в плане нанесения урона. У долговязого хмыря наверняка в рукаве спрятано немало тузов. И это не говоря еще о физическом превосходстве. Несмотря на приличный возраст, двигался он довольно бодро. Прямая осанка, жилистые руки, крепкие плечи – на развалину старик не походил. Уверен, он и деревенским силачам даст фору, со своим сложением поджарого аскета-борца. А скрутить хилого подростка и вовсе раз плюнуть.

Нет, пытаться просто напасть значило тупо подставить голову под сокрушительный удар. И еще непонятно, чем врежет, просто кулаком или применит магию.

Несмотря на позднюю ночь (или раннее утро, краешек горизонта уже потихоньку светлел), волшебник встретил меня на пороге башни.

– Принес? – с ходу осведомился он, не потрудившись выяснить, все ли прошло удачно и как там вообще дела.

– Угу, – буркнул я, кидая мешок на землю.

Худющий, как длинная палка, старик легко наклонился. Пару секунд изучал содержимое представленного баула. Загадочные символы на синей мантии опасно блеснули в свете отблеска звезд.

Я переступил с ноги на ногу, оценивающе разглядывая затылок алхимика. Сейчас бы как дать ему по башке лопатой, сразу вырубится с одного удара, а потом и добить можно.

Странное чувство, обдумывать убийство. Да еще с таким удовольствием. Эри действительно его не слишком любил. К тому же сыграло роль отношение к умерщвлению себе подобных в местном обществе. Человеческая жизнь в эти времена стоила довольно недорого, потому и относились к убийству легко.

– Хорошо, думаю, этого хватит, – Пауль Гренвир выпрямился.

Равнодушный взгляд скользнул по моему лицу и переместился на распахнутые настежь ворота ограды.

– Закрой за собой и входи. Не забудь задвинуть засов, – сказал он, разворачиваясь, с явным намерением проследовать в лабораторию.

– Меня там чуть не убили! – запальчиво выкрикнул я.

Алхимик неспешно обернулся, правая бровь задумчиво приподнялась.

Торопливо, глотая окончания слов, я рассказал, что случилось в проклятом кургане. И про ожившего мертвяка, чья плоть давно уже истлела, и про странный свет, давший вторую

жизнь мертвяку.

Впрочем, история не произвела особого впечатления на волшебника. Судя по равнодушной физиономии, его произошедшее мало заинтересовало.

– Остаточное проявление старой магии, – махнул он рукой с безразличием. – Ничего страшного.

Я насупился, легко ему говорить. Побывал бы там, может, сам бы портки обмочил.

– Они могли меня убить, – возразил я, немного покривив душой.

Колдун равнодушно пожал плечами.

– Ну так не убили же, – бесстрастно откликнулся Гренвир, вновь разворачиваясь ко входу в башню. Намылился, значит, побыстрее поскакать в свою любимую лабораторию.

Понимая, что другого шанса может не подвернуться, я отчаянно крикнул вдогонку:

– Я хочу научиться читать и писать!

Крикнул и затаил дыхание, потому что не знал толком, какой реакции ожидать. Раньше Эри не позволял себе ничего подобного.

Алхимик медленно развернулся, правый глаз прищурен, на лице выражение искреннего недоумения. Не ожидал, старый хмырь. Помедлил, рассеянно разглядывая меня с ног до головы, словно увидел первый раз. Затянутые в ткань балахона цвета морской волны плечи едва заметно дернулись, реагируя на молчаливо принятое решение.

Взмах руки. Не отталкивающий, приглашающий. И быстрый шаг к лестнице, ведущей наверх.

Я облегченно выдохнул. Получилось.

И опрометью бросился за быстро шагающим алхимиком. Сначала по короткому коридору, затем прыгая через ступеньку, поднимаясь наверх, прямиком на третий этаж, в библиотеку.

Сюда Эри нечасто заходил. Обычно ограничивался вторым этажом, где располагалась рабочая лаборатория. Эти помещения, как и личные покои волшебника, запирали массивные двери, обитые толстыми листами железа.

– Держи. Порвешь или испачкаешь, будешь целый месяц травой питаться, – мне в руки сунули тонкую книжицу, почти тетрадку, но с удивительно жесткой обложкой.

Я даже толком осмотреться не успел, заметил лишь ряды стеллажей, упирающихся в потолок, из темного дерева. На полках книг – видимо-невидимо.

Не дав ничего сказать, Гренвир буквально вытолкал меня обратно на короткий лестничный пролет. Дальше последовал ощутимый толчок в спину, недву-смысленно намекающий

нахальному постреленку побыстрее проваливать.

Бережно прижимая к груди полученное сокровище, я послушно отправился вниз. Спускаясь, автоматически отметил, что старик не отправился следом, а значит, либо остался в библиотеке, либо поднялся выше, в закрытую от посторонних глаз лабораторию.

Видать, кости нужны не для повседневных дел. Для чего-то особенного.

На следующий день первым делом потянулся к полученной вчера книжице. Вечером уже сил не оставалось на ее изучение, аккуратно положил на сундук и моментально заснул. Очень уж поход на древнее кладбище оказалось утомительным.

– Очень надеюсь, что это не какая-нибудь шутка, – проворчал я, перед тем как перелистнуть первую страницу.

Дело в том, что на обложке ничего не было. Прямо совсем. Ни одной надписи, просто коричневая дубленая кожа.

А вот под ней… Что это? Букварь? Мои глаза впились в увиденный текст. Точнее, текст как таковой там отсутствовал напрочь. Зато в изобилии имелись картинки. Напротив каждой – значок.

Ясно. Алфавит. Хм-м, у нас вроде тоже использовали нечто подобное для обучения детей начальной грамоте. По крайней мере, до широкого распространения мобильных устройств с их разнообразными приложениями на любой случай жизни.

«Ну, это не должно быть трудно», – самоуверенно подумал я, перед тем как приступить к чтению.

Довольно самонадеянно, надо отметить. Прошло почти три часа, прежде чем у меня получилось прочитать простейшее слово из трех слогов.

К этому времени уже пообедал (сегодня Гренвир расщедрился и оставил половину своей похлебки, кусок колбасы и краюху нормального хлеба), так как никаких заданий не поступало, с комфортом устроился во дворе, притащив вместо сиденья чурбачок от поленницы дров.

Солнышко приятно пригревает, я сытый, довольный, вдоволь выспавшийся, на коленках устроилась полезная книжка – мой потенциальный билет в более счастливое будущее. Красота.

Не скажу, что учеба давалась легко, но и каких-то непроходимых трудностей не возникало. Процесс обучения двигался, разбирать простейшие обрывки текста становилось с каждым разом все проще.

И хотя до чтения влет еще далеко, в принципе прогресс уже налицо. Уверен, за пару минут смогу разобрать заглавие какой-нибудь книги. Это чтоб не тыкаться наугад, ища нужные тома на

обширных полках библиотеки. Книг там хватало с избытком.

Интересно, сколько займет времени, чтобы прочитать каждую? Что-то подсказывало, что и за пару-тройку лет не справишься. Сколько там? Тысяча? Помещение выглядело забитым под завязку.

Бум-бум-бум, – ворота вдруг затряслись от гулких ударов.

Кто-то усиленно барабанил в ворота ограды, напрочь игнорируя узкую калитку в них же. Энергично так, створки ходили ходуном, а засов после каждого удара подпрыгивал, едва не вываливаясь из паза.

– Чего надо?! – рявкнул я, раздосадованный прерванным обучением.

Наступила тишина. Кажется, с другой стороны не ожидали такого резкого окрика.

– Эм-м… а мастер дома? – наконец раздалось из-за забора.

Мужской бас. Деревенский? Зачем приперся? Из-за вчерашней стычки? Ну погоди, жирный хряк, теперь ты у меня одним покусанным ухом не отделаешься.

– Занят он! – крикнул я, постаравшись придать голосу солидности. – Позже приходи!

И опять пауза. А за ней негромкие шепотки. Их там что, несколько?

– Срочное дело, – прогудели из-за створок ворот. – Поговорить надо. Беда у нас.

Догадываясь, как отреагирует Пауль Гренвир, если без спросу прерву его работу, я позволил себе уточнить:

– Какая беда?

Не хватало еще лишиться ужина из-за нежданных гостей. Может, у них там корова не может отелиться, а я голодай?

– Дык разбойники в деревню пожаловали, просим помощи, значит, – с деревенской основательностью объяснил неизвестный селянин.

Блин. Похоже, все-таки придется помешать старику. Разбойники – это серьезно. Делать нечего.

Ругнувшись вполголоса, я крикнул:

– Сейчас позову! Ждите!

Заботливо отряхнул открытый на середине букварь от соринок, аккуратно закрыл и лишь после этого направился в башню.

Глава 6

– …три десятка куриц, двенадцать овец, восемь гусей, хлеба вдоволь, тридцать кувшинов с добрым вином… – перечисление длилось уже довольно долго, лицо старосты мрачнело с каждой указанной вещью.

Ройс глядел на кряжистого мужика с высоты седла, на его лице гуляла глумливая улыбка. Он видел, что, несмотря на злость, крестьянин думал не о сопротивлении, а о том, как собрать требуемое, постаравшись полегче отделаться.

Овцы будут худые, курицы самые заморенные, вино кислым, а хлеб черствым. О прочем и говорить не надо. Постараются подсунуть самое худшее.

– …и трех девок пригожих, не старше семнадцати зим, – самое сладкое Ройс оставил напоследок.

Сказал и впился колючим взглядом в покорно стоящего крестьянина, пытаясь понять, не настал ли момент, когда желание избежать неприятностей перевесит все прочее.

Тупой мужлан мог и взбрыкнуть, отказаться отдавать соплеменников добровольно.

На мгновение глаза ковырятеля земли вспыхнули злостью, всаднику показалось, что тот не выдержит и все-таки пойдет наперекор здравому смыслу, рискуя пожертвовать всей деревней.

Но это длилось лишь миг. В следующую секунду голова старосты покорно склонилась. Принимал условия, соглашаясь отдать трех молодух.

Конечно, скорее всего, это будут дочери или жены каких-нибудь отщепенцев, кого сами местные недолюбливали. И вряд ли стоило ждать миловидных красавиц. Но для развлечения в дороге пойдет. А в конце пути девок продадут в одном из портов, надо же оплатить билеты на корабль. Даже за изрядно потасканных баб можно получить пригоршню звонких монет.

– Времени вам… – Ройс поднял голову к небу. – Как только солнце перейдет зенит на пять пальцев.

Долго задерживаться не стоит. Как раз перекусить и чуток отдохнуть.

– И не вздумайте бежать, – воин свесился с седла, его губы растянулись в кровожадной усмешке. – Все дома сожжем, – помолчал и зло пообещал: – И на поля пустим красного петуха.

Очень серьезная угроза для поселения. Не будет урожая, до следующего лета многие не доживут. Сдохнут от голода.

А еще есть живность, запасы и просто добро. Как и сами дома. Наступят холода, негде будет укрыться. Поставить новые

избы не успеют. Останется рыть землянки. Только они не спасут от особенно лютых морозов. В условиях голода и холода первыми вы-мрут дети, за ними женщины, и следующую весну будет встречать уже половина деревни. При самых лучших раскладах.

Староста, лобастый мужик с кустистыми бровями, не дурак. Глядел исподлобья, понимая, на какую судьбу обрекут его земляков пришлые, если вдруг вздумают осуществить озвученную угрозу.

Не станут бежать, понял Ройс. Бросать дома, скрываться в лесах… не станут.

– Вот и правильно, – прочитав покорность во взгляде крестьянина, всадник снова выпрямился в седле.

Сжимавшая поводья рука сделала отмашку. Выстроившиеся позади клином конные воины, числом одиннадцать, неторопливо двинулись вперед. Селянин настороженно наблюдал за их телодвижениями.

Лица жесткие, обветренные, глаза холодные, как сталь. У каждого нагрудник из кожи, усыпанный металлическими бляшками. Плечи укрывали дорожные плащи. На поясе болтались боевые топорики, у кого обычные двусторонние, у кого в форме острого клюва. Деревянные щиты имели серую окантовку, по центру непонятный рисунок, смазанный долгими дождями и придорожной пылью.

– А пока принеси нам пожрать и пусть позаботятся о лошадях, – повелительно распорядился Ройс, получив молчаливое согласие от старосты с удовлетворением выдвинутых требований.

Мужик ничего не сказал, развернулся и отправился к ближайшему дому. Отряд остался посреди деревни, только чуть сместился к одному из заборов, на случай если местные вдруг все же осмелятся на какую-нибудь глупость.

– И зачем с ними разговаривать? Взяли бы сами все что хотим, – лениво растягивая слова, произнес Галли. – И девок бы нахватали, каких хотим, и по кладовым полазили вволю. Чего с ними церемонимся?

Ройс покосился на помощника, занимающего позицию заместителя. После того, как «серых всадников» разбили в Грохочущем ущелье и они подались в дезертиры, особо выбирать из людей не приходилось. В прошлые времена такой болван никогда бы не встал рядом с ним. А теперь приходилось терпеть.

– Потому что сожженная деревня вынудит дьюка, владеющего этими землями, отправиться за нами в погоню, – объяснил он, его лицо прорезала гримаса раздражения. – Хочешь опять ползать по лесам, прячась от поисковых отрядов?

Голос вожака налился неприкрытой злостью. В последний раз из-за глупой несдержанности Галли, проломившего череп хозяину постоялого двора, им пришлось долго скрываться. Тогда отряд уменьшился с полусотни до нынешней десятки.

И ведь с самого начала было ясно, чем дело закончится. Трахай служанок, никто и слова не скажет, даже если девки начнут протестующе пищать. Так нет, идиота потянуло на дочку трактирщика. Пере-гнулся, вытянул ее из-за стойки и прямо на столе разложил.

На крик прибежал папаша и закономерно попытался заступиться за дочурку. За это получил топориком между глаз. Ройс как раз успел спуститься со второго этажа, чтобы увидеть, как тот падает с торчащей из башки рукоятью клевца.

Виновный в суматохе кретин даже не вздумал останавливаться, знай себе елозил по девке дальше, пока та орала как оглашенная. Пришлось его буквально стаскивать с нее.

Заметая следы, постоялый двор спалили, всех внутри перебили. Только не помогло. Сеньор, кто владел землей, а значит, и всем что на ней находилось, каким-то образом проведал об истинных виновниках случившегося и отправил сильную погоню.

Умелая дружина выследила убийц и устроила бойню. Спастись удалось немногим.

– Ну? – Ройс требовательно уставился на Галли.

Однако последний не спешил сдаваться, чувствуя за спиной поддержку пары-тройки прихлебателей.

– Так все равно заберем добро и баб, и дьюку донесут, – запальчиво возразил он.

Спорить с командиром – неслыханное дело для армии. Щека Ройса дернулась в раздражении. Приходилось мириться с вызывающим поведением подчиненных. То, что в регулярных войсках каралось ударами плетью, в шайке дезертиров считалось нормальным поведением.

– Пойми ты, дурная башка, они сами нам все отдадут, без насилия, – принялся втолковывать вожак. – Спалим деревушку – у дьюка не останется выбора, как пуститься следом. А из-за тройки крестьянских девок и парочки овец никто поднимать большой шум не станет. Ясно тебе? Или ты сдохнуть скорее торопишься?

Ройс обвел сосредоточенным взглядом остальных бойцов и спустя небольшую паузу спросил:

– Может, кто-то хочет присоединиться к погибшим товарищам? Помните их? Тех самых, что две седмицы назад скакали рядом с вами.

Они помнили, хмурые лица и напряженные взгляды явились

ему ответом. Кто-то отводил глаза в сторону, чувствуя вину. Это те, кто встал за Галли, сразу после сожженного постоялого двора, когда Ройс хотел прикончить засранца. Приятели не дали, заступились, а устраивать междоусобицу ему тогда показалось невместно.

– Вот и я так думаю, – вожак удовлетворенно качнул головой. – Подождем до полудня. Заберем девок и жратву и спокойно уедем.

* * *

Событие для нынешней эпохи банальное. В деревушку приехал вооруженный люд и потребовал часть имущества. В обмен оную деревушку не будут жечь, жителей убивать и вообще устраивать всякие непотребства.

Ах да, еще необходимо поделиться женским полом. Немного, всего три штуки, возрастом помоложе. Путникам тоже необходимо развлечение в дороге. Скучно ехать в мужской компании. А с грудастыми крестьянками путешествие пойдет веселей и пролетит незаметно.

Потом пользованных девок продадут, скорее всего в какой-нибудь бордель в большом городе. И о них можно смело забыть, из таких заведений обратно уже не возвращались.

Таковы суровые реалии средневековья.

Странно еще, что поселение сразу не разграбили. Мужиков в расход, бабам подолы на голову и тешить плоть, погреба опустошить, а после в дома и амбары пустить красного петуха. И вот уже залетный отряд мародеров уезжает в закат, оставляя позади пепелище.

Для военного времени прямо-таки каноническая картина. Земли противника разоряли будь здоров, не щадя никого и ничего. И это творили официальные армии, на службе законных монархов. Отребью типа безродных бандитов сам бог велел первым делом устроить резню.

– Прямо так и потребовали, на словах? – Пауль Гренвир скептично изогнул брови.

Не мне одному необычное поведение разбойников показалось подозрительным.

Предводитель крестьян пожал крутыми плечами.

– А как же дьюк Харальд? – продолжил расспросы алхимик. – Послали к нему весточку?

Я навострил уши. А это еще кто?

– До замка день пути пешим ходом и обратно столько же, –

прогудел волосатый мужик. – Не поспеет его милость.

На губах волшебника заиграла презрительная улыбка.

– А мне что до вас? Деревня его, вот пусть и защищает свое добро, – бросил он, не пытаясь скрыть пренебрежение.

О как, а у деревеньки-то, похоже, имелся хозяин. А я и не знал. Эри об этом ни сном ни духом. Столько лет прожил под боком, а разузнать подробности о соседях не удосужился. Вот что значит сознание необразованного пацана. Простые запросы: набить брюхо покрепче да всласть поспать в теплой койке, давали о себе знать иногда таким вот причудливым образом.

– Так заберут баб, окаянные, и овец загонят, – косноязычно выразился староста.

На физиономии старика в синей мантии продолжала блуждать брезгливая усмешка. Судя по всему, неприятности селян чародея мало волновали.

– А мне-то какое дело? – повторил Пауль Гренвир.

Крестьяне дружно переступили с ноги на ногу. Делегацию из пяти жителей села чародей принимал прямо во дворе башни, не потрудившись никого пускать внутрь. Сам встал на пороге и рассматривал просителей свысока.

Какой «приветливый» и «дружелюбный» у меня учитель, просто слов нет. Неудивительно, что предпочитает жить в глуши, с таким-то поведением.

– Дык помощи просим, – староста помялся и добавил: – Готовы это… значит… как водится… отблагодарим, не забудем…

И оглянулся назад в поисках поддержки. Остальные четверо мужиков одобрительно заворчали, подтверждая готовность заплатить за поддержку вредного чернокнижника.

Гренвир прищурился, оценивающе разглядывая гостей. Думал старик красиво, напоказ, демонстрируя, как нелегко дается ему решение. Лоб пошел складочками, взгляд упал в пустоту, кончики губ скорбно опустились.

– Так и быть, будет вам защита от лиходеев, – наконец вынес вердикт алхимик спустя две минуты пантомимы на тему: «могучий чародей снизошел до надоедливых смертных букашек». – А взамен вы…

Возникла длинная пауза, крестьяне затаили дыхание, коренастые шеи вытянулись, в глазах заплясали искры надежды на халяву.

Ну-ну, неужели думают, что старый хрен их за так будет спасать? Или ограничится какой-нибудь мелочью, типа корзинки пирогов? Очень сильно сомневаюсь.

И правильно.

– Взамен вы построите мне новую ограду, – сказал Гренвир,

помедлил и уточнил: – Каменную. В полтора человеческих роста.

Староста охнул, остальные что-то протестующе замычали. Вся делегация выглядела ошарашенной неподъемными требованиями спятившего волшебника.

Отлично их понимаю. Тут частокол из заостренных бревен пока соберешь, семь потов сойдет. И не с пары-тройки мужичков, а с целой артели. Лес под боком, материала вдоволь – работай не хочу. А тут камни. Где их столько взять? Тащить издалека придется.

Почти невыполнимая задача. Я понял, что старик намеренно поставил столь сложные условия. Цена нереальна. Пахать придется всей деревней лет эдак пять. Если не больше.

Для селян будет проще отдать девок и груженную жрачкой телегу, чем потом так горбатиться, отрабатывая долг.

– Не-е, мастер, – предводитель землепашцев замотал кудлатой головой. – Дорого просишь.

Пауль Гренвир пожал плечами, рот чародея кривился в усмешке, в глубоко посаженных глазах застыл лед.

– Ваше право. Но выходить против конных и оружных за меньшее я не согласен, – заявил алхимик и принялся разворачиваться.

Намек поняли правильно и поспешили продолжить торги.

– Дрова будем возить целый год, – предложил мужик, стоящий за левым плечом старосты. – Не деревьями целыми, а сразу полешками рублеными.

Я оживился. Вот это уже интересно. Если полноценной заготовкой займутся деревенские, мне больше не придется мучиться с тяжеленным колуном.

– Не пойдет, – вредный старикашка мотнул головой. – У меня есть кому заниматься дровами. – И указал угловатым подбородком на меня. Засранец такой.

Мужики послушно посмотрели в мою сторону, хмыкнули в густые бороды, но спорить не стали, указывая на разницу между колкой уже срубленного дерева во дворе и доставкой оного из леса. Да не одного, а нескольких штук. Да к тому же без телеги, без лошади, одному, хилому подростку. Быстрее сдохну, чем заготовлю необходимый объем на всю зиму.

– Что еще? – Гренвир вопросительно уставился на гостей.

– Сарай поправим, – голос подал другой мужик, на этот раз стоящий за правым плечом старосты.

Алхимик мазнул взглядом по дышащей на ладан постройке, видневшейся отсюда лишь краешком. Где-то дальше должен стоять навес со злополучной поленницей.

– Не актуально, – обронил он.

Крестьянин наморщил лоб, пышные брови неторопливо съехали к переносице, выдавая усиленную работу мыслей.

– А? – селянин не понял заковыристого словечка чернокнижника.

– Не пользуюсь давно, – пояснил старик в синей хламиде, расписанной таинственными письменами. – Что еще?

Короче, торговались они минут сорок. В конечном итоге договорились. Основной платой выступило продовольствие. Ну а что еще? Живых денег у селян сроду не водилось. По-моему, хитрый старикан выторговал у них едва ли не столько же еды, сколько требовала залетная шайка дезертиров. Разве что баб не просил присылать в башню согреть койку холодными вечерами.

Я слушал и мотал на ус. Алхимик показывал любопытные таланты. Надо же, умеет извлекать выгоду не хуже заправского купца. Полезное умение в любом из миров.

Гости откланялись и отправились восвояси, получив заверения, что до поставленного разбойниками срока волшебник придет и разберется с негодяями.

Стоило воротам закрыться, как Гренвир повернулся ко мне.

– Поднимешься в библиотеку, найдешь трактат «Введение в Алхимию. Общие положения». Первый стеллаж от двери, пятая полка снизу, обложка с металлическими вставками на корешке.

Я с готовностью повернулся, бежать выполнять поручение. Любопытно, что старик приготовит для разбойников.

– Стой! – повелительный окрик заставил затормозить. – Я еще не закончил.

Ладно, подождем, чего там дальше. Может, собрался привлечь к работе более плотно? Раньше Эри не удостаивался подобной чести. Максимум принеси травок, натаскай воды, а затем – пошел вон, не путайся под ногами.

– Найдешь в трактате рецепты двух зелий: «пьянящий дурман» и «лисья сноровка». Они должны быть где-то в середине, если мне не изменяет память. Зелья простые, ничего сложного, справишься сам.

У меня отвисла челюсть от удивления. Я не ослышался? Он мне только что предложил самостоятельно сварить алхимические зелья? Да еще два разных?! Меньше чем за час?!

– Будь очень внимателен, – не замечая ошарашенного состояния ученика, наставлял Пауль Гренвир. – Пропорции соблюдай правильно, не отклоняйся от рецепта ни на шаг. Обязательно пользуйся мерной ложкой и весами. Это очень важно.

Я застыл, не зная, что сказать. Огорошил старый хрен, ничего не скажешь. Сегодня утром едва взял в руки букварь, а теперь

самому вставай у лабораторного верстака. Ничего себе заявление.

– Будешь все делать правильно, успеешь как раз к нужному времени.

Тут уж я не выдержал:

– А если ошибусь?

Губы старика разошлись в ядовитой улыбке.

– Очень не советую, – бросил он. – Ведь от качества зелий будет зависеть твоя жизнь.

Я недоуменно нахмурился. Это он сейчас о чем вообще?

– В смысле? – не спросить я не мог. Загадками говорил старый хмырь.

Алхимик еще сильнее растянул рот, так что улыбка стала напоминать хищный оскал.

– В прямом, – сказал он, помедлил: – Ты же не думал, что я стану тратить время на такую ерунду?

Я пожал плечами. А на фига тогда, спрашивается, договаривался? На меня спихнуть? Нормально так. Иди, перебей десяток вооруженных до зубов взрослых головорезов.

– «Дурман» ослабит врага, вызовет дезориентацию, реакция будет замедлена, – как ни в чем не бывало продолжил Гренвир. – Только не промажь. Склянку разбей под ногами бандитов и смотри, чтобы облаком накрыло как можно больше за раз.

Пошли рекомендации к предстоящей схватке. И несмотря на все мое возмущение, я обратился в слух. Понимал, что это не шутки, волшебник и впрямь собирался отправить меня одного разбираться с проблемой в лице пришлой банды.

Бесполезно пытаться втолковать, что это безумие и вообще какой-то бред, посылать безусого молокососа против шайки здоровенных отморозков. Знал, что ничего не выйдет.

Оставалось два выхода: либо бежать без оглядки, либо выполнить поручение. Пока что выбрал второй вариант. Интуиция подсказывала – алхимик не станет посылать на откровенное самоубийство. Шанс будет и хороший. При правильном применении обозначенных зелий.

Кто-то мог подумать, что подобное поведение попахивало сумасшествием, но альтернатива в форме бродяжничества с неясными целями тоже выглядела как-то не очень.

– На кухне возьмешь нож, – сухо говорил алхимик, словно диктовал список травок для очередного сбора. – В сердце не бей. Слабоват еще, грудину не пробьешь. Режь сухожилия. Вот здесь.

Гренвир быстро наклонился, костлявый палец чиркнул по моей ноге в районе колена с обратной стороны.

– Там проще всего добраться до вены. Дави сильнее, разрез делай глубокий и длинный. Попадаешь куда надо, человек быстро

истечет кровью. Испугаться не успеешь. Понял?

Я обалдело кивнул. Ничего себе. Во дает. Ускоренный курс по умерщвлению, блин. За кого он меня принимает?

– Шея тоже сгодится. Но там надо смотреть. Есть защитная вставка на воротнике или нет. Обычно бывает. Воины стараются прикрывать это место.

Ну-у, дела. Старик открывался с совершенно другой стороны. Волшебник-исследователь… ага, блин. Наверное, сам немало глоток перерезал по молодости. Вот и я, думает, справлюсь.

И вдруг осознал, что выбора, по сути, нет. Либо я сейчас делаю, что говорит этот неприятный старик, и получаю шанс на дальнейшее выживание в незнакомом и суровом мире. Либо бегу без оглядки куда глаза глядят и в конечном итоге заканчиваю жизнь в грязной канаве. Третьего не дано.

Раз попал в жестокие времена средневековья, то будь добр играть по местным правилам. Гуманистам и пацифистам тут не выжить. Такова печальная правда жизни.

– Обязательно дождись, пока все спешатся и окажутся на земле. Только тогда атакуй. «Лисья сноровка» наделит тебя нечеловеческой быстротой, но догнать верхового ты все же не сможешь.

А вот это уже круто. Настоящий волшебный эликсир, повышающий скорость реакции.

– Сколько он действует? – спросил я.

– Времени хватит, – туманно ответил алхимик, не вдаваясь в подробности.

Черт! Ну ладно. Вряд ли эффект продлится меньше минуты, а если все правда и я действительно ускорюсь, то больше и не потребуется. Тем более, начнется явление обратного восприятия. Секунда врагов для меня растянется многократно.

Неплохое преимущество перед боем.

– Почему вы раньше меня ничему не учили? – внезапно осведомился я.

Волшебник сразу догадался, о чем идет речь. Не об умении резать заезжих головорезов, правильным хватом держа нож. Вопрос касался положения Эри как ученика и подмастерья.

– Потому что до сегодняшнего утра ты ни разу не изъявлял желания обучаться, – невозмутимо ответил Гренвир.

Взглянул мне прямо в глаза и проникновенно добавил:

– Не в моих привычках учить того, кто не хочет учиться. Получится посредственность. А я не готовлю посредственности.

Я медленно кивнул. Ясно, Эри не делал попыток чему-то научиться, и старик не стал себя утруждать, заставляя строптивого пацана. Махнул рукой и использовал в качестве

служки.

Вот так вот все просто. Ему и сейчас плевать, что с мальчишкой будет дальше. Как метод агрессивного обучения, бросил в воду и глядит, выплывет или нет, с безразличием наблюдая за результатом. Потому и отправлял одного против шайки дезертиров, желая проверить, насколько пацан перспективен.

Хладнокровный сукин сын. Хотя стоило признать, определенная логика в его действиях все же присутствовала.

– Я постараюсь, – буркнул я, подразумевая сразу и обучение, и устранение угрозы от разбойников.

Пауль Гренвир покачал головой.

– Ты либо делаешь, либо нет. Стараются пусть другие, – старый алхимик выразительно на меня посмотрел. – Понял?

Я хмуро кивнул и направился в башню.

Глава 7

– …щепотка ашуанского порошка, две унции толченых ягод Кхари, две меры кипяченой воды, три капли вытяжки трав Видрана, – то и дело запинаясь, обращаясь к раскрытому букварю, я читал вслух рецепт «пьянящего дурмана».

К счастью, лаборатория алхимика представляла собой образец педантичности и порядка. Все баночки подписаны, все выстроены строго в ряд по алфавиту на специальных полочках.

Искать долго ингредиенты не пришлось, достаточно внимательно читать, что написано на таре. Каждая емкость, вне зависимости от размера, имела бумажку с поясняющей надписью. И можно не сомневаться, если нацарапано: «соль», то внутри будет именно соль, а не сахар.

Пауль Гренвир аккуратист каких поискать, не терпел хаоса на рабочем месте. Ему могло быть наплевать, что во дворе башни почти развалился сарай или покосилась ограда, но в святая святых – лаборатории, все должно быть идеально.

– Надеюсь, здесь нет опечаток, – пробурчал я сквозь зубы, уже в который раз обращаясь к трактату «Введения».

Указанные зелья имели по два абзаца описания. Первый – необходимые компоненты, второй – способ приготовления.

Если абстрагироваться от нюансов с волшебными свойствами, то в принципе ничего сложного нет. Сварить приличный суп с мясом и овощами иной раз труднее. Главное не отступать от написанного и делать все строго по указанному рецепту.

Одна сложность, чтение не давалось легко, и постоянно требовался букварь для помощи в разбирании написанного.

А так ничего, знай себе сверяйся с записями, находи нужный ингредиент и клади в большую емкость, соблюдая пропорции.

Необходимый инструмент в лаборатории тоже присутствовал. Вообще, чего здесь только не было. Пробирки, колбы, перегонный куб (или как эта хреновина называется? два бачка, соединенных – между собой системой металлических трубочек), ступка и пестик для дробления, измельчения и перемалывания веществ, щипцы, сосуды разного размера, плошки и мисочки, всякого рода керамическая и стеклянная посуда, какие-то реторты и мензурки, бронзовые треноги и даже, мать ее, настоящая миниатюрная печь с возможностью регулировки интенсивности нагревания при помощи небольших мехов.

И как венец всего данного буйства технической мысли средневековья – хронометр, выполненный сразу в двух вариантах: песочных часов и водяной клепсидры.

Да, не спорю, на взгляд выходца с Земли, все это «оборудование» выглядело донельзя примитивно. Однако оно работало и более чем сносно выполняло свое назначение. Как тот вонючий фонарь, ароматы он испускал просто невообразимые, но ведь светил и светил довольно прилично.

Так и здесь, примитивные механизмы работали на твердую пятерку, позволяя не отклоняться от рецептов зелий ни на йоту и следовать инструкциям вплоть до последней запятой.

Надо лишь быть внимательным и не зевать, остальное приложится. Особенно хорошо помогала мысль, что от этого зависит твоя собственная жизнь. Подстегивало отлично.

Естественно, меня неслабо потряхивало. Осознание, что придется идти и убивать целую кучу народа (вооруженного до зубов и настроенного крайне негативно к моей скромной персоне), действовало угнетающе.

Цивилизованному человеку, привыкшему к компромиссам, претила сама идея хладнокровного убийства. Мне ведь раньше не приходилось бороться за выживание, находясь на грани жизни и смерти.

Страшно? До дрожи в коленках.

И вместе с тем имелось четкое понимание, что по-другому нельзя. Тут вовсю работал старый, как сама вселенная, принцип: или ты, или тебя. Соскочить не удастся, перевести конфликт в стадию разговора не получится. Банда головорезов не станет слушать доводы разума, избегая насилия. Наоборот, с удовольствием ему предастся, порезав твою тушку на лоскуты, потому что этого требует их поведение, повадки, привычки.

Если селяне не отдадут требуемое, деревню вырежут подчистую. Дома сожгут, мужчин перебьют, женщин изнасилуют и тоже убьют. Несколько, самых юных и миловидных, прихватят с собой. И спокойно поедут дальше, оставляя за спиной уничтоженное поселение.

Страшная картина для человека, родившегося в двадцать первом столетии на Земле. И совершенно обыденная для обитателей этого мира.

В отличие от меня, Эри не воспринимал случившееся катастрофой вселенского масштаба. Малолетний пацан на своем недолгом веку успел повидать всякого, в том числе нехорошего. Через многое ему пришлось пройти лично. Что в конечном итоге повлияло на формирование характера мальчишки.

Обдумывая этот момент, я вдруг понял, что уже чувствую не страх, а скорее угрюмую сосредоточенность.

Симбиоз двух сознаний породил совершенно новую личность. Где внутренний стержень, твердость и жестокость перешли от

беспризорного бродяжки, вынужденного с малых лет заботиться о себе. А интеллект, сообразительность и общее понимание вещей достались уже от меня самого.

Мы прекрасно дополняли друг друга, беря от своих прошлых половинок только лучшее. И это позволяло надеяться, что стычка с бандитами все же не закончится моей гибелью, а станет предвестником чего-то большего.

Да, я это про взаимоотношения с проклятым алхимиком. Надеюсь, после того как мне удастся перебить тех кровожадных ублюдков, жадных до халявной жрачки и обожающих насиловать молодых крестьянок, Пауль Гренвир переменит отношение к собственному ученику и наконец соизволит начать полноценное обучение.

Ха, я подумал об убийстве подонков уже без всякого отвращения и внутреннего протеста. Скорее, как о противной, но необходимой работе, которую придется выполнить.

Из разряда: неохота, да куда деваться. Как выбросить мусор.

Можно ли назвать это прогрессом в сознании? Не знаю, наверное, да. Умирать мне тоже не хотелось. А уж если вспомнить о том, что звери на двух ногах натворят, если не дать им укорот, то и вовсе начинаешь воспринимать себя благородным героем, рыцарем в блестящих доспехах, защищающим обиженных и обездоленных.

Я покосился на свои потрепанные шмотки из грубой мешковины. Да уж, в «блестящих доспехах», прямо «сияющих».

– Ну? – от дверей раздался голос. – Сделал?

Волшебник стоял в проеме, позади него тонула в полумраке лестничная площадка со ступенями, уходящими спиралью на третий этаж.

– Еще немного, – отозвался я.

Дав задание приготовить зелья, Гренвир преспокойно испарился, не делая ни малейших попыток чем-то помочь.

С одной стороны, это радовало, стоящий над душой старик, с его колкими репликами насчет «криворукости» подмастерья и физиономией, скривленной гримасой презрения, скорее мешал бы, чем оказывал поддержку.

С другой, никаких подсказок по поводу возможных ошибок тоже не последовало. А ведь я варил зелья первый раз в жизни.

Хотя какой там варил. Тут и требовалось, что засыпать всякого разного в подходящую емкость, соблюдая нужный объем, залить водой, перемешать, пару минут подержать на среднем огне и дать отстояться. Затем пропустить через мелкое ситечко, избавляясь от лишних примесей. Довольно несложно, если делать все правильно.

Ах да, еще плотно закупорить склянку и подержать, пока цвет готовых эликсиров не изменится. Потом снова дать «подышать» и уже окончательно закрыть.

Плевое дело.

– Вот, готово, – я продемонстрировал две одинаковых бутылочки. В каждой около ста граммов жидкости. Только одна погуще, цвета ольхи, вторая полупрозрачная, отливающая серебром.

Алхимик внимательно посмотрел на представленный результат трудов «любимого» ученика. Цепкий взгляд обшарил склянки не хуже продвинутого рентгена. Однако в руки брать не спешил и вообще каким-либо другим способом проверять «кошерность» полученных коктейлей.

– Уверен, что все сделал правильно? – для проформы осведомился старик.

Я замялся. А что тут ответишь? Странный вопрос. Откуда я мог знать, не напортачил ли где? Да хрен его знает.

– Делал, как написано, – я пожал плечами.

Взгляд волшебника переместился на стол, отметил легкий беспорядок и лениво скользнул по открытой книге трактата «Введение в Алхимию. Общие положения».

– Не забудь прибраться перед уходом, – бросил Гренвир, спокойно развернулся и ушел.

Звук шелестящего по лестнице расписанного письменами балахона еще несколько секунд доносился из темноты, показывая, что вредный волшебник направился на четвертый этаж.

Неплохо пообщались.

– И нож не забудь! – донеслось эхом приглушенного рыка из коридора.

Я моргнул. Ну блин, дает! Вот это понимаю, методы воспитания. Суровые времена, суровые нравы. Эх, и почему меня не занесло в эпоху Ренессанса, в тело знатного вельможи? А еще лучше сразу короля. Трахал бы себе фрейлин по очереди, жрал в три пуза и развлекался охотой. Красота!

– Тум-тудум, – пробубнил я и принялся за уборку.

После отправился вниз, правая ладонь крепко сжимала две маленькие бутылочки с узким горлышком.

Спустился на кухню, искомый нож нашелся на разделочной доске, лежал небрежно, храня на лезвии крошки недавно отрезанного хлеба. Забавно, здесь такой чистоты, как в лаборатории, никогда не бывало. Приоритет отношения волшебника. Для сухопарого гада жратва всегда стояла на втором, а то и третьем месте. Что не мешало ему периодически устраивать для ученика вынужденные голодовки.

– Не бить, не колоть, а резать, – задумчиво повторил я наставления чародея.

Хм, оружие, блин. Обычный столовый нож, ничего особенного. Таким точно не пробьешь броню. И не только металлическую, кожаную тоже вряд ли возьмет.

Я представил, как буду резать застывших бандитов. В подробностях, досконально, постаравшись вообразить, как схватка будет выглядеть на самом деле.

Получится победить? Сработают зелья, как надо? Не прикончат ли меня самого?

Одни вопросы, и опять никаких ответов. Вместо них мандраж и желание бросить все, свалив куда подальше.

– Я смогу, – медленно произнес я вслух, глубоко вздохнул и повторил: – Я смогу.

На кону не только моя жизнь, но и судьба целой деревни. Сколько там жителей? Сто? Двести? Триста человек? В любом случае немало, включая женщин и детей.

Осознание факта, что от твоих действий зависят жизни стольких людей, как ни странно, помогло, придало сил, бодрости, вселило уверенность.

– Осталась сущая мелочь – не подохнуть в процессе, – тут же проявила себя циничная половинка и с чувством добавила: – Спаситель хренов.

Я хмыкнул. Да уж, это вам не по грибы сходить и не пенделей надавать деревенским забиякам. Дело серьезное и крайне опасное. Не время шутить. Правильно старик сказал: ты либо делаешь, либо нет, а стараются пусть другие.

Очень верное замечание. И романтические бредни с представлением себя в роли святого воина, храбро бьющегося против залетных негодяев, здесь не сработают. Буду дурить, мне самому отрежут башку. А жить хочется.

Вышел из башни, во дворе переминаясь с ноги на ногу, терпеливо дожидалась крестьянская делегация. Физиономии мужиков несли на себе печать неуверенности. Алхимик уже успел сообщить, что разрешением возникшей проблемы займется его ученик. Ясен пень, староста и присные этому не обрадовались. Думали, что на выручку придет «могучий чернокнижник», а получили «щегла, от горшка два вершка».

Все равно что заказать в эскорт-агентстве стройную красотку, берущую пару тысяч зеленых за ночь, а открыв дверь увидеть уродливую толстуху, на кого и Шрек побрезгует залезть.

– Пошли, – я махнул рукой в сторону ворот.

Мужики еще немного потоптались, с ожиданием посмотрели на башню, поняли, что волшебник не передумает, и послушно

повернули на выход.

– Значит, так, со мной в деревню входить не надо, – принялся инструктировать я. – Отстанете по дороге, дальше пойду один. Ясно?

В ответ качание косматыми головами. Спорить и пытаться лезть с советом к «молокососу» крестьяне не стали. Видать, плюнули и смирились с решением чародея, рассуждая в русле «авось получится» и «Старец из башни книжки умные читал, ему виднее».

Фаталисты хреновы.

Из-за пригорка показалась деревня. Избы из грубо сколоченных бревен, неказистые, приземистые. На крыше солома, маленькие окна забраны натянутым бычьим пузырем. Трубы скособочены, из некоторых лениво курится редкий дымок. Каждая хата вместе с приличным кусочком земли огорожена тыном – плетеной изгородью, высотой в рост взрослого человека. Улочка одна, дома стоят вдоль хорошо утоптанной дороги.

И разумеется, никаких признаков технологического развития в виде телевизионных антенн, спутниковых тарелок или электрических столбов с провисающими проводами.

На меня прямо дохнуло стариной, стоило увидеть эту пасторальную картину небольшой деревушки на фоне лугов.

Староста и его сопровождающие, как и договаривались, не пошли дальше, приотстали. Посмотрев в спину уходящим крестьянам, я глубоко вздохнул, покосился на зажатые в ладони склянки и вслух произнес:

– Ну что, посмотрим, на что годится алхимическая фармацевтика.

* * *

Солнце понемногу переваливало зенит. До назначенного срока оставалось немного. Галли рыл копытом землю, порываясь пошуровать в закромах упрямых селян, не дожидаясь установленного времени. Парочка его прихлебателей не отставали от приятеля и уже ныли насчет того, чтобы прогуляться по деревеньке.

Но Ройс понимал, отпустить их сейчас одних значило сразу же начать грабеж. Разойдутся, не остановишь, другие тоже захотят присоединиться, и пойдет-покатится, пока от села не останутся одни головешки.

С тем же умыслом не разрешил встать на постой в один из домов. Зайдут внутрь – гарантированно останутся до утра.

Что приведет к задержке как минимум в день, а то и больше. Дальше дойдет до местного дьюка, и опять придется уносить ноги, скрываясь от разозленных дружинников.

Терять людей и так поредевшего отряда совсем не хотелось. Глядишь, до моря он и вовсе доберется в гордом одиночестве. Если вообще повезет уйти от погони.

Рисковать ради нетерпеливого ублюдка, жаждущего засунуть свой конец между ног крестьянской девки? Нет уж, не ради этого дерьма они прорубались сквозь шеренги медноголовых в Грохочущем ущелье, спасаясь от надвигающейся смерти.

Так что, когда в следующий раз Галли снова принялся бурчать по поводу добра, что так и просится в руки, надо лишь сделать небольшое усилие, Ройс, глядя ему прямо в глаза, клятвенно пообещал срубить его тупую головенку, как спелую тыкву, если тот сейчас же не заткнется.

Подействовало. Прочитав во взгляде командира холодное бешенство, склочный боец не рискнул бросать вызов.

А время между тем истекало, старосту не видать, деревня словно вымерла, лишь лай собак разносится по округе.

Вожак со злостью сжал челюсть, не хотят по-хорошему, придется по-плохому. Они давали им шанс, всего-то и надо, отдать чуток продовольствия и парочку девок, от которых и так толку никакого. Так нет, уперлись непонятно с чего. Они просто не оставляли им выбора.

Послышался протяжный заливистый свист.

Ройс замер. Сигнал одного из дозорных, предусмотрительно посланных в разные концы деревеньки. Не потому, что дезертиры действительно верили, что ковырятели земли осмелятся пойти против чужаков, а скорее по давней привычке, оставшейся с покинутой службы.

Встаешь на постой, хоть и на короткий срок, будь добр расставляй часовых. Чтобы никто не смог подобраться и застать тебя со спущенными штанами в самый неудобный момент.

– С запада кто-то идет по дороге. Один, – прочитал подаваемые знаки дозорного один из бойцов.

– Держаться наготове, – приказал Ройс, поворачиваясь в указанную сторону.

Галли не мог остаться в стороне, не забыв командиру, как тот его недавно осадил.

– Да что нам может сделать один человек? – презрительно бросил он, с превосходством глядя на вожака. Мол, совсем слаб стал, уже боится всего одного путника. Скоро заставит бегать от собственной тени. Прямо ничего не сказал, однако намек получился достаточно явный, чтобы остальные перестали

поправлять оружие и не пошли к стреноженным коням.

В самом деле, читалось в их взглядах, из-за чего шум поднимать? Из-за одного человека? Небось один из крестьян возвращается домой. Тут его и встретим.

Ройс скрипнул зубами, но настаивать не стал. Тоже понимал ситуацию. Будет упорствовать, Галли моментально воспользуется случаем и укрепит свои позиции внутри небольшого отряда. А там и до смены лидера недалеко.

Многим не нравилось, что Ройс до сих пор пытался поддерживать между бойцами подобие воинской дисциплины. Хотя теперь-то что, после бегства с поля боя. У них заслуженный статус мародеров и дезертиров, и этого не прикрыть никаким притворством.

– Я сам им займусь, – Галли с ухмылкой выхватил топорик из-за пояса, ловко крутанул. Заточенное лезвие тускло блеснуло в лучах летнего солнца.

Не дожидаясь ответа, строптивый солдат широким шагом двинулся по улочке, держась середины. И коня не взял, махнув рукой прихлебателям остаться позади.

Проявленное самоуправство осталось без ответа со стороны командира. Не время и не место устраивать свару между своими. Тем более что народ, в общем-то, прав, один прохожий ничего не сделает десятку всадников. К тому же хорошо вооруженных и знающих, с какого конца держаться за меч.

В самом деле, может, он и впрямь зря беспокоится?

Неторопливой походкой Галли дошел до последнего дома, как раз тогда, когда на границе деревни появился пришелец. Разглядев маленькую фигурку щуплого паренька, Ройс широко ухмыльнулся.

Галли выставил себя идиотом, отправившись воевать с мелким щенком, видимо возвращающимся откуда-то из леса или с реки. Должно быть, ребенок кого-то из местных селян.

– Ха, да это же мальчишка, – сказал кто-то.

Бойцы окончательно расслабились, щиты вновь очутились на траве, топорики нырнули рукоятками в петли на поясе. Раздались смешки, кто-то крикнул Галли с издевкой:

– Руби его, пока он нас всех не перебил!

Грохнул взрыв хохота. Проявленная «отвага» теперь выглядела жалкой потугой показать себя. Даже ближайшие приятели Галли широко улыбались, не сдержав веселья.

Поняв, что будет выглядеть полным идиотом, строптивый засранец не стал ничего делать. Дал несколько затрещин щенку и погнал мелкого к отряду, придавая тому ускорение тычками и добрыми пинками.

– Ты поймал настоящего монстра!

– Смотри, как бы он тебя не сожрал!

– Парни, нам срочно нужна защита, это же настоящий великан!

Народ вовсю веселился, потешаясь над проявленной «храбростью» Галли. Последний выглядел злым и срывал досаду на сопляке, не сдерживаясь награждая того оплеухами. Пацан не сопротивлялся, мелкими шажками семенил впереди, не смея оглянуться на страшного разбойника.

Когда они подошли ближе, Ройс получил возможность рассмотреть нарушителя подробнее. Рассмотреть и насмешливо фыркнуть еще раз. Малец выглядел настолько неопасно, насколько это вообще возможно.

Худенький, щуплый, одетый в жалкие лохмотья, что и бездомные Шасцу-Насхара побрезгуют надевать, мальчишка производил самое жалкое впечатление. У командира даже где-то глубоко внутри слабо шевельнулась струнка сострадания. Которая, впрочем, мгновенно исчезла. Прошли те времена, когда он испытывал подобные чувства.

– Ты что здесь делаешь? Потерялся? – спросил Ройс.

Галли, дав щенку напоследок пинка, обогнул его и направился к остальным солдатам. Взгляд вожака неосознанно проследовал за вздорным подчиненным, мысленно прикидывая, как с ним в дальнейшем поступить.

Он буквально на мгновение выпустил из поля зрения мелкого щегла, но тому этого хватило с лихвой.

Почуяв какое-то движение, Ройс быстро повернул голову и успел заметить, как пацан что-то выхватил из-за пазухи и быстро метнул это под ноги стоящим воинам.

Командир мародеров не успел толком разглядеть, что это было, лишь отметил странный блеск, пока предмет летел по воздуху.

Что-то звякнуло, вверх взметнулось полупрозрачное облачко. А потом начался настоящий кошмар.

Щуплая фигурка буквально размазалась по воздуху, исчезая. Послышались дикие крики. Люди начали валиться на землю, зажимая непонятно откуда появившиеся раны. Повсюду хлестала кровь, раздавались вопли. И непонятно, чего в них было больше – страха или недоумения.

Вокруг творилось какое-то безумие. Никто ничего не понимал, половина бойцов шаталась, словно получила оглушающий удар невидимой дубиной, остальные слепо отмахивались оружием, пытаясь достать неуловимую тень.

А крови на пыльной дороге становилось все больше. Как и

валящихся на землю тел.

Галли взревел раненым буйволом и скакнул вперед, пытаясь вырваться из круга безумия, но почти сразу споткнулся и рухнул, изрыгая ругательства, его серые штанины окрасились красным в районе колен.

Ройс ловким движением подхватил брошенный кем-то щит и попытался встать в оборонительную позицию, но это ему не помогло. Через секунду что-то кольнуло внизу, и тело вдруг начало стремительно обретать небывалую тяжесть.

Последнее, что заметил Ройс – лицо мальца, что привел Галли. Совсем еще молодой, он глядел на умирающего главаря внимательным и сосредоточенным взглядом, словно только что проделал некую неприятную, но необходимую работу, а не перебил в одиночку отряд вооруженных бойцов.

Глава 8

Шок, изумление, восторг, упоение, эйфория – череда эмоций нахлынула и захлестнула волной, стоило склянке опустеть. «Лисья сноровка» подействовала мгновенно, тело обрело небывалую легкость, движения ускорились в несколько раз.

Окружающий мир замер и превратился в статичную картинку измененной реальности.

Это было невероятно и так необычно, что я несколько секунд просто приходил в себя, не веря, что подобное вообще возможно. Зелье сработало и сработало как надо. Невероятно!

Но слишком долго восторгаться необычными ощущениями не удалось. Холодная часть рассудка цинично напомнила, зачем я здесь и что мне предстоит делать. «Дурман» уже начал действовать, накрывая банду насильников и убийц. Кровожадные головорезы вот-вот должны превратиться в оглушенных болванов.

Перехват поудобнее кухонного ножа и быстрый шаг вперед. Мир вокруг скакнул навстречу, толпа дезертиров поменяла положение, в мгновение ока оказавшись вплотную.

Дальше началась резня. Отключив мозг и стараясь ни о чем не думать, я делал то, что необходимо, не обращая внимания на медленно плывущие по ставшему вязким воздуху брызги крови и падающие тела.

Трудно сказать, сколько это продлилось. Для бандитов, скорее всего, не больше десятка секунд. Для меня – значительно дольше. Я представил себя автоматом, которому необходимо исполнить программу и исполнить ее без помех, не отклоняясь от заранее заложенного алгоритма.

Когда последний враг рухнул на землю, сжимая в левой руке щит, а в правой меч, реальность рывком вернулась к привычному существованию. Мир вновь расцвел жизнью и привычной подвижностью.

На меня обрушился водопад звуков и запахов, мышцы заломило, во рту появилась сумасшедшая сухость.

Слабость, опустошенность, апатия, истощение, вялость – в мгновение ока пришли на смену ощущению всемогущества. Произошел откат после применения зелья. Я чувствовал себя изможденным, разбитым.

Это не стало сюрпризом, о негативных эффектах предупреждалось в трактате. Организм платил за дикий всплеск активности последующим спадом.

– Ничего, – хрипло выдохнул я. – Нормально.

В книге говорилось, что недомогание не продлится долго.

Надо лишь подождать, ничего не предпринимая. Силы вновь восстановятся, и станет полегче. Главное не пытаться что-либо делать, стоять не двигаясь и дышать полной грудью. Все пройдет очень быстро.

К счастью, «лисья сноровка» не относилась к числу зелий с продолжительным негативным эффектом. Вроде имелись такие, после которых надо приходить в себя чуть ли не целую неделю, отлеживаясь в ванне со специальным раствором.

– Все получилось, – я дышал полной грудью, закрыв глаза.

Откуда-то издалека прилетел звук топота копыт, заставив прервать отдых и тревожно оглядеться. Еще враги? Вот будет номер, если прискачет десяток амбалов с топорами наперевес. Меня сейчас и ребенок прибьет одной левой. Шатало здорово, едва не падал на землю.

Прислушавшись, понял, что шум удалялся. Кто-то скакал не ко мне, а от меня, если быть точным – из деревни. Куда-то на запад, если не подводит ориентация в пространстве.

Кто-то выжил? И поспешил удрать, увидев побоище.

Только сейчас я догадался пересчитать лежащие вповалку трупы. До этого как-то не приходило в голову, что разбойники здесь не все. Увидал большую группу и решил, что собралась вся банда. Очень уж меня трясло вначале, чтобы обращать внимание на мелочи.

Видимо, зря. В следующий раз стоит быть более хладнокровным и анализировать ситуацию досконально.

Топот удалялся, пока не растворился в полях.

– Да он же стоял на шухере, – догадался я спустя пару мгновений напряженных раздумий, кто бы это мог быть. Явно не крестьяне бросились бежать, когда все закончилось.

Часовой, чтоб его! Или дозорный. Взял ноги в руки и опрометью бросился бежать, пока не постигла участь подельников. Наверное, и не понял толком, что произошло. Но глаза есть, мертвых товарищей хорошо разглядел и логично посчитал, что делать ему тут нечего. Если уж десяток воинов не справился, то куда лезть одиночке.

Десяток? Я повернулся на месте, считая сраженных бандитов. Для надежности тыкал пальцем в каждого мертвеца.

– Один… два… три… четыре, – пересчет занял какое-то время. – …девять.

Черт! Девять! А староста говорил о двенадцати, включая главного душегуба. Итого недобор. Один удрал, девять готовы. Где еще двое?

Я тревожно заозирался. Рука нервно сжала нож, слегка приподнимая лезвием вперед.

Кстати о нем, поблизости имелось оружие получше кухонного ножа для резки хлеба. Вон сколько железного добра для убийства себе подобных валяется. Бери не хочу. Даже щиты есть.

Я осторожно присел и взял рукоять ближайшего топорика, чем-то похожего на кирку. Взвесил в ладони, перехватил поудобнее. Другое дело, такой штукой можно неплохо шарахнуть по башке супостату. Попадешь острием – так и шлем пробьешь. При удаче.

– Надо было три настойки бодяжить, – проворчал себе под нос.

Справедливое замечание. Сейчас бы не пришлось судорожно оглядываться, изображая из себя испуганного кролика. Без волшебного напитка матерые головорезы порежут мою бренную тушку на раз-два. С одного удара развалят напополам, от плеч и до паха.

Я стоял, вертел головой, напряженно прислушиваясь, боясь вновь услышать топот копыт. На этот раз приближающийся.

Куда-то бежать посчитал пустым, потому что… а куда тут бежать? Конные и так догонят. Разве что лезть через забор в крестьянскую хату. Да и там вряд ли спрячешься, найдут, вытащат и порубят в мелкую капусту.

К счастью, никаких звуков больше не прилетало. Лишь продолжали заливаться лаем собаки, и лениво курился дымок из скособоченных труб на крышах крестьянских домов.

– Ну и хорошо, – пробормотал я, с облегчением опуская боевую кирку.

Рукоять у нее хоть и удобная, отполированная, с выемками для крепкого хвата, но само оружие очень уж тяжелое, не для моих невеликих кондиций.

Разбойники не появились, зато на горизонте нарисовался староста с приятелями. Несмело подошли и уставились на лежащие вповалку тела.

– Видели еще кого-нибудь? – первым делом осведомился я. Очень уж меня напрягла проблема исчезновения неучтенных бандитов.

Крестьяне замотали лохматыми головами. Молча. Глядели исподлобья, с ощутимой опаской. Не ожидали засранцы, что «сопляк – от горшка два вершка» устроит настолько кровавое побоище.

– Где-то еще должно быть двое лиходеев, – объяснил я.

Один из мужиков робко махнул рукой куда-то за спину.

– Там слышали лошадей, – сказал он, подумал и пугливо добавил: – Может, они.

В указанном направлении находилась дорога, по которой я

пришел в деревню. Еще одни дозорные? Только с другой стороны. Там возвышенности, могли не скакать прямо, а взять левее и скрыться между холмами. Понятно, почему никто не заметил. Видимо, тоже удрали, увидев резню.

Ну и черт с ними. Мне же легче.

– Фарх с ними, – я махнул рукой. – Сгинули, и ладно.

Снова взял в руки нож и задумчиво поскреб лезвием кончик носа. Селяне стояли не шелохнувшись, боясь помешать размышлениям ученика чернокнижника. Выглядел он, может, и худосочным парнишкой, а вон на что, оказывается, способен, – так и читалось в опасливых взглядах.

Даже староста, бородатый мужик внушительной комплекции, стоял, терпеливо ожидая вердикта малолетнего пацана.

А я чесал затылок на предмет размышлений: что, собственно, делать дальше? Победа одержана, и что теперь? Как-то этот момент не продумал заранее. Больше волновала сама схватка, чем действия после нее.

Будем мыслить логически. Враг повержен, разбит, обращен в бегство – любой вариант годится для нашей ситуации. Поле боя осталось за победителями. Что после этого делали обычные солдаты?

Я с силой потер лоб. В голову почему-то лезли всякие глупости насчет наступления и преследования врага. Угу, уже бегу за теми двумя беглецами, делать мне больше нечего.

Внезапно перед глазами возникла картинка из виденного однажды фильма про рыцарей и королей. Там в одном эпизоде после жаркого сражения воины победившей стороны усиленно обшаривали карманы убитых противников.

Точно! Трофей! Чтоб им до конца света икалось! Они собирали трофеи!

Я окинул место своей виктории оценивающим взглядом, видя уже не просто трупы разбойничьего отребья, а источник потенциального дохода.

Хм-м… а что, недурно. По местным меркам мне досталась неплохая добыча. Снаряжение девяти добротно экипированных воинов. Не шик, конечно, рыцарскими доспехами здесь и не пахло, но и не полный хлам. Есть чем поживиться.

А еще в траве лежали горкой дорожные мешки с личными вещами. И, разумеется, кони, девять штук. И не полудохлые клячи, а довольно резвые рабочие лошадки.

Интересно, сколько все это стоит?

Подумал и тут же на ум пришел вредный волшебник из башни. Что, если старая кочерыжка захочет наложить лапу на трофеи? На те самые, что достались таким трудом?

Дерьмо! И ведь аргументы живо придумает, типа пользовался лабораторией, истратил ингредиенты, будь добр возместить расходы. Желательно побыстрей.

Так и представляю, как старикан сухим надтреснутым голосом перечисляет понесенные «убытки» и даже не подумает вспомнить, что защита от разбойников уже сполна оплачена деревенскими.

– Хрен ему на рыло, – с ожесточением пробурчал я. Доставшаяся от Эри половинка ощерилась, встала на дыбы, не желая расставаться с добром. Вот и правильно. Обойдется, скотина. Не он тут плясал, бегая вокруг вооруженных до зубов амбалов.

Чувство злости прибавило сил, слабость отступила, тело вновь налилось злой энергией.

Итак, надо быстро соображать, как поступить. Тащить все это в башню нельзя. Это понятно. Значит, что? Оставался только один выход – привлечь к операции по сбору добычи деревенских. Вон стоят, до сих пор затылки чешут и боязливо косятся на свежие трупы.

– Хей, – я махнул старосте, предлагая подойти ближе.

Плотно сбитый мужик помедлил, явно не желая ступать по земле, обильно орошенной пролитой кровью, но чуть подумав, все же сделал несколько шагов, тщательно обходя мертвецов.

– Чего? – пробубнил предводитель крестьянской общины.

Было видно, что ему неуютно находиться рядом со мной. Можно понять мужика, в его глазах я сейчас выглядел крайне опасным существом, только с виду похожим на юнца, а на самом деле черт знает что скрывалось за безобидной оболочкой. Обычные мальчишки не могли в одиночку перебить такую кучу народа.

Страх явственно читался в глазах селянина. А еще недоумение и опасение, потому что не знал, чего еще от меня ожидать.

– Что ты здесь видишь? – я повел рукой, показывая побоище.

Староста причмокнул губами, нахмурился, кустистые брови буквально наползли на глаза.

– Будто сам не знаешь, – прогудел он.

Я с досадой подумал, что выбрал неверный подход. Ты же не с хитрым дипломатом разговариваешь, следовало учитывать специфику собеседника. Надо не делать намеки, а говорить прямо, иначе мы тут до вечера простоим.

– Короче, трупы раздеть, все вещи собрать. Тела потом похороните где-нибудь на околице или просто в овраг выбросите, мне плевать. Коней уведите и спрячьте, – я принялся раздавать

распоряжения, нимало не сомневаясь в своем праве так поступать.

Чего мямлить, шевелиться надо. Староста почесал бороду, глаза землепашца уперлись в землю. Он так и не догонял, куда я клоню. Вот же блин, все им разжевывать надо.

– Потом все продадим и поделим. Десятая часть за хранение ваша. Идет? – я требовательно уставился на крестьянина. – Ярмарка где-нибудь в округе проходит?

Услышав конкретный вопрос, мужик оживился.

– А как же, – пробасил селянин. – Каждую четвертую седмицу бывает. Под стенами Хломдорга.

Хломдорга? Это еще что за зверь? Город, что ли? Гребаный Эри с его равнодушием ко всему, кроме набивания собственного брюха. Ну как можно прожить так долго и не узнать подробности об окрестных землях? Дурдом какой-то. А мне теперь расхлебывай.

– Это город? – напористо спросил я и, не дожидаясь ответа, зачастил уточняющими вопросами: – Где он? Сколько до него ехать? Добраться по дороге можно? Или придется идти через лес?

Сбитый с толку градом вопросов мужик замолк, глупо хлопая глазами. Чертова крестьянская неторопливость и обстоятельность. Сначала три раза тщательно все обдумают и лишь после этого открывают рот.

Нет, в определенных случаях очень полезное качество. Но иной раз совершенно излишнее. Чувствуешь себя, будто говоришь с умственно отсталым дебилом.

– Дык, город дьюка, чей же еще, – неожиданно подал голос один из приятелей старосты. – Тама и замок есть, и дома каменные. Стены высокие, как деревья в лесу. И таверн много, а внутри эль наливают. Душистый, мягкий, нигде такого не варят.

Словоохотливый крестьянин принялся с готовностью перечислять достопримечательности означенного поселения.

Ясно-понятно, городок местного феодала. Стоило догадаться. И туда раз в месяц съезжается народ со всей округи, чтобы поторговать. Очень хорошо. Просто прекрасно.

– Когда следующая ярмарка? – осведомился я, переводя взгляд на разговорившегося болтуна.

Поняв, что фокус внимания с него сместился, староста решил быстро вернуться в беседу и скороговоркой выдал:

– Меньше двух седмиц осталось, как раз купеческий караван вернется.

О как, там и профессиональные торговцы будут из других земель. Новости просто отличные. Может, получится подобрать и себе что-нибудь путное.

– Ладно, я понял, – я рубанул в воздухе рукой. – Короче, договариваемся так. Шмотки и оружие лиходеев храните пока у себя. Лошадей тоже. Потом вместе пойдем на ярмарку и продадим всё. Десятую часть получите вы. Идет?

Я протянул руку, староста заколебался, но в конечном итоге все же пожал ее. Вот и ладненько, значит, договорились. Старца из башни оставим за бортом. Жирновато ему будет еще и с этого взять долю. Обойдется.

Перед тем как разрешить селянам раздевать трупы, я быстро осмотрел их сам на предмет наличия ценных предметов и наличных денег. Мешочки, выполнявшие здесь роль кошельков у бывших дезертиров, оказались худые (хотя чего еще ожидать?).

Три десятка монет различного достоинства, разной формы и веса – вот и весь улов. Не хорошо, но и не плохо. Могло быть гораздо хуже.

Деньги взял себе. Как и найденный на поясе главаря кинжал из хорошей стали. Его меч (единственный, надо отметить, на всю шайку, остальные обходились топорами) бросил в общую кучу оружия. Пока что он мне без надобности. Драться не умею, зачем железяку без толку таскать.

Что еще? В вещевых мешках обнаружили много всякого барахла. Одежда, кухонная утварь, одеяла, какие-то мелочи повседневного обихода.

Из всего этого добра забрал себе: котелок, оловянную ложку, кожаную флягу, моток бечевки, огниво, катушку ниток.

Среди вещей одного мертвеца обнаружилась неплохая куртка из мягкой кожи, полотняные штаны и домотканая рубаха. Все небольшого размера, что странно, учитывая пропорции разбойников. Должно быть, сняли с кого-то или украли.

Подходящая обувь тоже нашлась, мягкие полусапожки с плоской подошвой. Не бог весть что, но однозначно лучше лаптей из бересты.

Вместо носков использовал кусок ткани на манер портянок. Получилось сносно.

Опоясавшись кожаным поясом с металлическими крючками и подвесив туда кинжал в ножнах, я почувствовал себя чуть ли не родившимся заново.

– Вот это я понимаю, – губы сами растянулись в довольную улыбку.

Отложенное добро полностью поместилось в котомку. Перебросив ее через плечо на манер походного рюкзака, я повернулся к старосте:

– Через две недели ждите в гости. Пойдем торговаться на ярмарку, – внимательно посмотрел прямо в глаза собеседника и с

угрозой предупредил: – Не стоит пытаться меня обмануть. Иначе окажетесь на их месте.

Последовал кивок в сторону трупов. С ними уже заканчивали другие мужики, освобождая от одежды и легких кожаных нагрудников.

– Не волнуйся, твое магичество, моему слову можно верить, – прогудел предводитель крестьянской общины. – По рукам ударили ведь.

Я медленно кивнул. Ну да, бесхитростные деревенские, скорее всего, и впрямь сдержат слово. Это с городскими ухарями надо держать ухо востро. А здесь пока привыкли верить рукопожатию.

Ну и ладненько.

Щурясь на приятное летнее солнышко, я бодро зашагал по дороге. Настроение отличное, меня не убили, зелья сработали на ура. Дурацкая авантюра Гренвира удалась, ученик не подвел и впрямь выстоял против шайки пришлых бандитов. Получилось разжиться полезным барахлом, обновить гардероб и заиметь небольшую сумму настоящих деньжат.

Подобный исход неоднозначного дня лично меня очень радовал. Умирать не хотелось, а убитые… а что убитые? Бандиты получили по заслугам, и горевать о подонках я совершенно точно не собирался.

– Тарам-пам-пам, – постояв на краю смерти, начинаешь по-другому чувствовать жизнь. Краски мира кажутся сочнее, а воздух сладким, чуть ли не осязаемым.

Добравшись до башни, первым делом направился в свою каморку, положить пожитки в сундук. Потом планировал подняться на третий этаж и с видом триумфатора встретиться с Гренвиром.

Угу, триумфатор, блин. Еще на первом лестничном пролете я столкнулся со стариком. Думаете, он как-то отреагировал на мое появление? Спросил, что случилось, поинтересовался о стычке с разбойниками?

Нет. Старый хрыч лишь окинул меня оценивающим взглядом, мельком отметил обновку и равнодушно бросил:

– Натаскай воды. Потом отправляйся в лес. Надо двенадцать пучков «Крозилус белла». Помнишь такую траву? С прямыми листьями, растет обычно под дубом и сосной.

Я тупо кивнул, память Эри мгновенно пришла на помощь, уточнив, о какой именно травке идет речь.

– Пошевеливайся. Нужно успеть до захода солнца, – проигнорировав мою ошарашенную физиономию, волшебник спокойно принялся спускаться дальше.

– Я их победил, – сказал я ему в спину. – Разбойников, я их всех победил.

Пауль Гренвир неторопливо развернулся, внимательно посмотрел мне прямо в глаза и бесстрастно обронил:

– Я вижу. Ты ведь вернулся живым.

От такой логики я охренел. Нет, в принципе, правильно, но блин… Мог и поздравить, сам же отправил против целой шайки дезертиров. А тут «ни здрасьте, ни до свидания», словно ничего и не произошло.

Алхимик постоял, подождал и невозмутимо продолжил свой путь.

Я остался стоять полностью обалдевший. Нет, ну старикан вообще охренел. Безразличный ублюдок, врезать бы по его флегматичной физиономии.

Мысленно проклиная всех и вся, я отправился в опротивевший двор, таскать дурацкую воду. А что еще оставалось делать? Вставать в позу и гордо заявлять, что «победитель банды дезертиров» не занимается подобной ерундой? Так сильно сомневаюсь, что демарш окажет особое влияние на вредного старикашку. Зыркнет мертвым взглядом голодной рептилии и оставит без обеда и ужина. С этого гада станется.

Нет, надо ждать, а потом и вправду валить куда подальше. Две недели до ярмарки, сбуду барахло, коней и умотаю куда-нибудь в более приятные края. С деньгами устроиться будет гораздо проще.

Остаток дня прошел в трудах праведных. Чтоб их никогда не видеть. Давешнюю бадью снова наполнил, сходил в лес, собрал в мешок необходимое количество нужной травы. Ничего сложного, делал похожее не раз и не два.

На обед получил миску наваристого куриного супа и два крупных куска ржаного хлеба. В этом отношении жаловаться не приходилось. Старик все же оценил результат похода в деревню и не стал зажимать жратву.

Ужин тоже прошел отлично. Жареные бобы с рублеными кусочками мяса, щедро сдобренные специями, половина каравая и полная кружка свежего кваса. Наелся от пуза.

– Значит, хочешь учиться? – спросил Гренвир, стоило ложке заскрести по дну деревянной тарелки.

К его чести, перед тем как лезть с разговорами, он дал мне нормально доесть. Когда старик появился на кухне, я к своему стыду не заметил, слишком занятый поглощением пищи. За окном смеркалось, только вернулся из леса, и единственным желанием оставалось пожрать да завалиться на боковую. Очень уж изматывающим оказался денек.

– Хочу, – я смело поднял глаза, привставая с грубо сколоченного табурета.

Из проема приоткрытой двери, ведущей на улицу, потянуло сквозняком. Огонек на подсвечнике затрепетал. С заходом солнца внутри башни царствовал полумрак.

Волшебник наклонил голову набок, изучая простоватое лицо подмастерья. Я упрямо сжал зубы и постарался выдержать холодный взгляд старого чародея.

– Ну хорошо, – наконец-то придя к каким-то выводам, сказал Гренвир. – Пойдем за мной.

Я двинулся по лестнице вслед за алхимиком. Первый этаж, второй. На третьем я неосознанно притормозил, думая, что мы направляемся в библиотеку, но старик удивил, двинувшись дальше. Прямиком на четвертый этаж, туда, где находилась закрытая лаборатория.

Глава 9

Толстый ключ со щелчком провернулся в массивном замке. Обитая коваными листами железа дубовая дверь бесшумно открылась, легко скользя на хорошо смазанных петлях.

Старик подтолкнул меня в спину и тут же шагнул следом, быстро захлопывая за спиной дверь. Вставленный в замок ключ сделал несколько оборотов, запирая лабораторию изнутри.

Просторное помещение не имело перегородок и, судя по размеру, занимало четвертый этаж башни целиком. Зал имел форму круга, воздух внутри словно светился фосфоресцирующими крупинками.

Я замер у входа, не торопясь делать следующий шаг. Картина, открывшаяся перед глазами, заставила замереть, не зная, как реагировать на увиденное.

Пол в секретной части обиталища алхимика был выложен отшлифованными каменными плитами. Идеально подогнанные, в зазор не пройдет и человеческий волос, матово-черные, они производили очень странное впечатление развернувшейся под ногами пустоты.

Ровный потолок представлял собой точную копию пола и также оказывал своим видом необычное воздействие бездонного провала, прихотью судьбы оказавшегося над головой.

Удивительно, я думал, что здесь свод, крыша башни имела куполообразную форму.

В центре круглого зала виднелась начертанная на полу фигура. Чем-то похожая на пентаграмму, она исходила бледно-голубым свечением мертвого холода.

Магия.

Приглядевшись, получилось разобрать отдельные фрагменты сложной вязи рисунка. И сразу заметить, что особо выделялся треугольник, заключенный в круг. На вершине каждого угла лежал крупный кристалл, мягко переливающийся жемчужно-сочным огнем.

– Зей-раун – руна незыблемости, – костлявая рука волшебника протянулась вперед, указывая на символ в основании треугольника.

– Зей-каур – руна покорности, – еще один жест, на этот раз в направлении вершины.

Я без всякого интереса посмотрел на витиеватые знаки, светившиеся не хуже самой пентаграммы. В первую очередь мое внимание привлекло нечто, находившееся в сердцевине нарисованной сложной фигуры.

На первый взгляд конструкция напоминала аквариум, окруженный диковинными механизмами. Пузатая емкость имела впечатляющие размеры и была почти до краев наполнена водой салатового цвета.

Стеклянный сосуд со всех сторон обвивала запутанная система медных трубочек. Они вились спиралью, перекручивались и ныряли в сосуды поменьше, стоящие на деревянных подставках.

Там что-то бурлило и клокотало. Справа потрескивала горелка, исходила паром подвешенная над пламенем большая колба.

Но поразила не сама конструкция, нечто подобное вполне ожидаешь встретить в алхимической лаборатории, а то, что плавало внутри аквариума. Существо со склизкой кожей, покрытое наростами, наполовину находилось в зеленоватой воде и не походило ни на что виденное ранее.

Какая-то жуткая помесь жабы-переростка, гусеницы, мутанта-улитки и еще черт знает чего.

Я затаил дыхание, наблюдая за ужасающей тварью. Три продолговатых глаза на приплюснутой голове одновременно моргнули, стоило Гренвиру сделать малюсенький шаг, обходя мое застывшее тело.

– Что это? – мой голос предательски дрогнул.

Волшебник невозмутимо прошествовал к одному из сосудов, в бурлящую жидкость погрузилась тонкая лопатка, началось неторопливое помешивание.

– Йогар-гал, – равнодушно бросил старик. – Божок из низших.

Я выпучил глаза от изумления. Божок?!

– Точнее, его личинка на ранних стадиях созревания, – пояснил алхимик.

Последнее я неосознанно произнес вслух, не в силах сдержать поток эмоций.

– А если быть еще более точным, то его эфирный зародыш, помещенный в специально выращенную тварную оболочку. Выловленный до момента входа в полную силу.

Я прикусил губу. Уродец в огромной банке совсем не походил на божественное создание. Скорее на монстра из самых сильных кошмаров.

– Кххоогоо тыыы мммннее прииивееллл? – вдруг заговорила тварь шипящим голосом, растягивая – слова.

От неожиданности я отскочил назад, прижимаясь к стене, правая рука дернулась к рукояти кинжала, а левая в отвращающем жесте выбросилась вперед. Сердце гулко забухало, разгоняя по венам океаны адреналина.

– Оно говорит! Оно говорит! – заорал я, охреневший от всего увиденного.

Пауль Гренвир обернулся, в глазах старика застыло неудовольствие.

– Конечно, оно говорит! – рявкнул он. – Прекращай орать, как маленькая девчонка, и иди сюда!

Еще целую секунду я стоял на месте, не смея пошевелиться. Подойти к этому чудищу? Совсем спятил? Это казалось еще хуже, чем в одиночку идти против банды разбойников.

– Ну? – хлыстом стегнул окрик алхимика.

Переживания ученика его совершенно не волновали. Написанное на моем лице сомнение вперемешку с испугом оставили вредного хрыча равнодушным.

– А оно не выскочит? – все же нашел в себе силы уточнить я, перед тем как переступить линии пентаграммы.

Волшебник посчитал излишним проводить сеансы успокоения разволновавшегося мальчишки, лишь молча мотнул головой и снова принялся помешивать бурлящую жидкость.

Сделав глубокий вдох, не отпуская рукояти кинжала, я осторожно шагнул вперед. Ничего не произошло. Тварь внимательно наблюдала за мной, выглядывая из-за неровного края аквариума.

– Смелей, – подбодрил старик, в его голосе отчетливо послышались язвительные нотки насчет храбрости подмастерья.

А я вдруг понял, что существо действительно не укусит и не бросится. Оно даже вылезти наружу нормально не сможет. И не потому, что не хватает физических возможностей, а из-за того, что окружает стеклянную емкость. Тут тебе и воздух, пропитанный странным свечением, и нацарапанная на полу пентаграмма, и руны, и светящиеся кристаллы. Да и само тело создано искусственно, а дух заключен внутри.

Это же клетка, догадался я. Тварь находилась в плену, ее крепко держала магия, не позволяя вырваться и сбежать.

– Здраасствууй, диитяя! – прошипело создание, когда я приблизился на расстояние вытянутой руки.

Я хмуро посмотрел в крайне непривлекательную морду. Господи, ну и уродец. Вместо носа три тонкие дырочки, глаза без зрачков и белка, будто наполнены какой-то бурой жижей. Рот широкий, без губ, похож на небрежный разрез. Между кривых зубов мелькал раздвоенный язычок. Ушей вообще нет. Кожа бугристая, болотного оттенка, грубая, как у крокодила.

Ничего не скажешь, «красавчик». Увидишь в темном переулке – сможешь открыть кирпичный завод.

Похоже, старик не особо напрягался, пока лепил оболочку

для пленника.

– Поодойй-диии блиииженее, – продолжало говорить существо, выпуклые глазки старались поймать мой взгляд.

Представив, как рука касается этой отвратительной даже на вид кожи, я передернулся. Бр-рр… Мерзость! И автоматически сделал шаг назад. Приближаться к твари совершенно не хотелось.

Молча наблюдавший за моими телодвижениями алхимик удовлетворенно кивнул и сказал:

– Правильно сделал. Оно не способно тебе навредить прямыми действиями, но ему вполне по силам воздействовать на мозг человека, если тот подойдет слишком близко.

Я отшатнулся еще дальше. Фига себе новости. Монстр умеет влиять на разум?! Почему раньше не предупредили? Последний вопрос я с возмущением высказал вслух, наплевательское отношение к жизни ученика со стороны алхимика уже сидело в печенке.

В ответ равнодушное пожатие плечами и короткий спич на тему: «Сам дурак, разуй глаза, и вообще, никто тебе тут сопли вытирать не обязан, так что заткнись и начинай думать головой, а не задницей, если не хочешь лишиться и того и другого».

Вдохновляющая речь. Полная «теплоты» и «заботы». Старик держал марку и не опускался до роли доброго дядюшки, сохраняя хладнокровный настрой жесткого учителя.

Дать бы ему по башке чем-нибудь тяжелым.

– Твои обязанности будут заключаться в поддержании нужной температуры в горелке и размешивании вот этого вещества, – Гренвир вытащил лопатку из густой жидкости и постучал по краю сосуда. Толстые капли тягуче сползли по стенке.

Фигасе, она, оказывается, густая. Прямо кисель.

– Осадка не должно быть. Равномерная консистенция необходима для протекания заложенной реакции, иначе процесс прекратится. Понял?

Я усиленно закачал головой. Понял, чего непонятного. Ситуация из серии: зазеваешься – и привет, система рванет не хуже самодельной бомбы.

– А что это вообще такое? – позволил себе поинтересоваться я, взмахом руки очерчивая конструкцию из трубочек, баночек, аквариума, твари внутри и намалеванных на полу фигур. – Зачем это всё?

Вместо ответа старик подошел к правому боку механизма, там обнаружился выходящий спиралью отвод и маленький краник. Под ним на специальной подставке стояла наполовину наполненная баночка. В ней плескалась рубиновая жидкость с

мелкими вкраплениями небольших искорок.

Выглядело оригинально. Словно звезды погрузили в вишневый компот.

– Знаешь, что это? – явно для проформы осведомился Гренвир.

Естественно, я закачал головой. Откуда?

– Этот экстракт подарит долгие годы любому, кто его выпьет, – слегка торжественным тоном объявил алхимик, приподнимая баночку на уровне груди и с наслаждением вдыхая аромат чародейского напитка.

О как! Эликсир бессмертия. Вечная молодость и бесконечная жизнь. Ничего себе.

– То есть вы поймали бога… – тут я сделал паузу и поправился: – Личинку бога…

Последовала еще одна пауза, в попытке вспомнить название.

– Йогар-гал, – подсказал Гренвир.

– Точно, Йогар-гал, – закивал я, задумался, мысленно проговаривая незнакомое слово, стараясь отложить его в памяти. – Ради того, чтобы сделать зелье, позволяющее прожить дольше?

Алхимик внимательно на меня посмотрел. В слишком живых глазах для столь морщинистого лица промелькнула насмешка.

– Считаешь лишние годы недостаточным вознаграждением за риск? – Пожалуй, впервые на моей памяти волшебник позволил себе какое-то подобие улыбки.

Кажется, мой скепсис показался ему невероятно забавным.

– Ты еще слишком молод, чтобы по праву оценить этот дар, – нравоучительно обронил чародей, вновь возвращаясь к неторопливому помешиванию сине-зеленого киселя. – Вот когда проживешь хотя бы полвека, тогда поймешь, что нет ничего в этом мире более ценного, чем время.

Пришлось в очередной раз убеждаться, насколько Пауль Гренвир неординарная личность. Как минимум не робкого десятка. Кто еще осмелится пленить божественную сущность, чтобы сосать из него соки и делать для себя лекарство от старости?

Попробуй предложи кому. Обычный человек покрутит пальцем у виска и будет абсолютно прав. А этому хоть бы хны.

Силен, зараза. Как есть силен. Стоило отдать вредному хрычу должное, такое не каждому по плечу. Я к нему даже стал испытывать некоторое уважение. Мужик бросил вызов божественным силам и не испугался нарушить порядок мироздания, при котором все живые существа рано или поздно умирают.

– А не боитесь, что за ним однажды придут другие боги? – я покосился на невозмутимую физиономию чародея.

– Божественным, как и другим сущностям, для проникновения в наш мир необходимо вместилище. Найти подходящее не так-то легко. Разве что в Шасцу-Насхар, – рассеянно объяснил Гренвир, его рука с механической точностью продолжала мешать бурлящую жижу. – Но и там перевоплощение займет много времени и потребует много сил. Никто из высших не будет так утруждаться ради этой мелюзги.

Последовал полный презрения небрежный кивок в сторону аквариума и болтающейся в нем склизкой туши.

Я проследил за ним взглядом и тут же вздрогнул, едва не наткнувшись на глаза плененного существа, чья эфирная суть оказалась заперта в таком отвратительном теле.

– Всё, пока хватит. Будешь приходить три раза в день и следить, чтобы все было в порядке, – Пауль Гренвир положил лопатку.

Развернулся и шагнул к выходу. Внезапно резко остановился и быстро подошел к горелке. Костлявый палец поманил меня подойти ближе.

– Смотри, вот пластина. Видишь, какой у нее цвет? Светло-серый. Таким он и должен оставаться. Если потемнеет, значит, огонь надо прибавить. Если станет белеть, то пламя следует убавить. Ясно?

Я внимательно оглядел металлическую полоску, прикрепленную рядом с горелкой. Оригинальный метод отслеживания температуры.

– Ага, – пробурчал я, с опаской глядя, чтобы между моим плечом и краем аквариума оставалось не меньше метра.

– Хорошо. Теперь пошли в библиотеку. Пора немного расширить твой кругозор.

То и дело оглядываясь, я поплелся следом за старым алхимиком. Тварь больше ничего не сказала, молча пялилась уродскими буркалами и булькала в воде.

Мы спустились на этаж ниже, где мне вручили довольно объемную книгу с весьма красноречивым названием: «Происхождение богов. От эпохи Зарождения мира и до Второго Исхода» за авторством Морица Агулара.

Не успел я толком оценить вес монументального тома, как сверху лег еще один: «Путеводитель по Шасцу-Насхар. Особенности и достопримечательности». Кто ее написал, не упоминалось.

– Изучи. Они дадут тебе первое представление о божественных сущностях. Для начала этого более чем достаточно.

Не утруждая себя вопросами, что могут возникнуть у юного ученика, алхимик спокойно обогнул меня и прошуршал мантией в сторону полутьмы коридора, ведущего к винтовой лестнице.

Взвесив в руках полученные фолианты (тяжелые, заразы), я потопал к единственному в библиотеке столику, уместившемуся под одним из четырех в помещении окон.

Деревянное креслице протестующе скрипело, пока я пытался в нем с удобством устроиться. Мысленно посетовав, что оставил букварь внизу, и не обращая внимания на возражение мебели, я взвалил на колени первую книгу и приступил к чтению.

* * *

Следующие три дня прошли в изучении богословских трудов. Поначалу книги давались трудно, но как говорится: «дорогу осилит идущий», с каждым разом разбирать заковыристые буковки становилось все легче. И процесс усвоения информации понемногу набирал обороты.

Рассказывать о религии можно много. Местные теологи, как и везде, отличались словоблудием и любовью к ненужным деталям.

Если вкратце, то здесь царствовал ярко выраженный политеизм. Много богов, разделенных по самым разнообразным признакам. Светлые, темные, старшие, младшие. И все они между собой связаны какими-либо узами. Как привязанностей, так и ненависти. В общем, тот еще серпентарий, где сам черт ногу сломит понять: кто, куда, с кем и зачем?

Давно-давно, много миллионов лет назад некая первооснова, которую люди называли Изначальным, создала мироздание и заодно все сущее, включая живых существ, как разумных, так и не очень. Потом она куда-то исчезла, оставив власть своим первым творениям – тем, кого сейчас именовали Старшими богами.

Ну а дальше пошло-поехало. «Детишки», разумеется, сразу устроили склоку между собой за право верховенства. Дошло до прямой войны. Потом что-то там случилось, и вроде все подуспокоилось. А затем случился еще один мятеж, и бардак вспыхнул с новой силой. Недовольных пинком выпнули куда-то за пределы вселенной, пообещав оторвать головы, если те снова попытаются вернуться. И победители зажили счастливо.

Причем надо иметь в виду, что эти разборки никоим образом не являлись следствием канонической борьбы Света с Тьмой. Хрен там. И злые и добрые боги, что и поныне здравствуют, выступили против мятежников плечом к плечу.

Чего конкретно они там не поделили, я, честно говоря, так и

не понял. Больно уж заковыристо шло описание истоков противостояния. Ясно одно, банальным раздором между темными и светлыми там и не пахло. Разногласия носили намного более глубокий метафизический характер.

Да и хрен бы с ними.

Людям в этом плане очень сильно повезло. Война богов их коснулась лишь краем. Отголоски битв промелькнули на горизонте бушевавшей грозой, не причинив никакого вреда.

Почему так случилось? Потому что все эти могущественные сущности, называемые богами, жили в собственном пласте бытия, где-то далеко за пределами реального мира. И попасть сюда просто так не могли.

Создатель разделил свои более «ранние» и «поздние» творения особой границей и наделил их совершенно разными силами и формами существования.

Такая вот шутка юмора от Изначального. Чтобы попасть «сюда» «оттуда», надо приложить немало усилий. А главное, найти подходящую оболочку. Кто угодно не подойдет, имелся целый ряд ограничений. Аватар должен обладать определенными свойствами, чтобы выдержать присутствие божественной мощи.

Отдельно стоит упомянуть Шасцу-Насхар. Это город. И не просто город. А «божественный» город. Особенное место, где граница между мирами истончена, позволяя сверхъестественным сущностям передавать часть своих сил в этот мир. И через это влиять на людей более глубоко, вплоть до внедрения частички себя в смертную оболочку.

Паладины – святые воины, темной или светлой направленности, такие люди получали сверхчеловеческие таланты, наделялись невероятной для простых людей мощью, чтобы воевать во славу своих покровителей.

Теперь что касается магии. Тут тоже все весьма запутанно и не совсем понятно.

Маги, они же чародеи, они же волшебники, они же колдуны, они же чудотворцы, они же чернокнижники, они же кудесники, и они же еще целая куча самых разнообразных названий, в общей массе делились на два типа.

Имеющие Истинный дар. И не имеющие.

Кажется просто? А вот фиг там. На самом деле разобраться в различиях невероятно сложно. Лично я мало что понял. Уяснил одно – первых очень мало и они вроде как сильнее (хотя не факт, имелись прямые упоминания, что «простые» пару раз побеждали в магических поединках «истинных»), а вторых большинство и они послабее.

Всё. Никаких предысторий. Что такое Истинный дар, в чем

его отличие от других способностей к магии – ничего не упоминалось. Похоже, придется искать отдельные фолианты, посвященные чародеям.

Но поначалу мне и этого хватило с лихвой. Голова пухла от обилия информации. Хорошо, что волей-неволей приходилось делать перерывы. От повседневных обязанностей Гренвир и не думал меня освобождать. Включая посещение лаборатории на четвертом этаже, утром, в обед и вечером. В обязательном порядке, без каких-либо исключений.

– Здрхаааствхууууй, маааальхчик, – в очередной раз приветствовал меня Йогар-гал, стоило переступить порог дубовой двери. – Тхыы пхоодумаал наадх моиимх прхедлоожхееииием?

Я хмыкнул и молча принялся мешать тугой кисель, перед этим проверив цвет полоски пластины на предмет степени нагревания.

Каждое мое посещение плененный божок пытался меня соблазнить всякими посулами ради освобождения. То баб голых покажет, то горы золота.

Как оказалось, легкие видения тварь могла насылать и без прямого зрительного контакта, достаточно подойти слишком близко, чтобы ментальный посыл вызывал перед глазами череду ярких картинок.

Я лишь фыркал и мысленно ржал. Что я, сисек, что ли, раньше не видел? Нашел чем удивить. Искушение, прямо скажем, хиленькое. Это он еще журналы наши не видел, не говоря уже о фильмах соответствующего жанра.

А груды желтого металла лично у меня вообще не вызывали никакого отклика. Эти железяки никак не ассоциировались с денежным довольствием. Вот показал бы тугие пачки банкнот – может, чего и шевельнулось бы. Или дисплей мобильного приложения банка с внушительной суммой на электронном счете, записанном на мое имя. А так… Нет, фигня какая-то.

Правда, половинка Эри что-то там трепыхалась, но тоже без особого энтузиазма. Пацан плохо представлял, как может выглядеть богатство, потому что за всю жизнь ни разу не видел ни одной золотой монетки.

– Яяяя преехдлаахгаюю тебхее влаахст нааадх всеехм миииррооом, – завел обычную пластинку «донор» божественной энергии для алхимического эликсира молодости.

Я увидел себя стоящим во главе огромной армии, готовой идти в наступление. Трубили рожки, ржали кони, упруго на ветру колыхались знамена. Могучие рыцари готовы сражаться во славу своего короля…

– Не интересно, – буркнул я.

Видение растаяло дымкой тумана. Снова вокруг круглый зал, выложенный идеально подогнанными каменными плитами. Деревянная лопатка мерно крутилась, перемешивая цветастую жижу, булькала жидкость, шипела горелка.

Божок обиженно насупился, недовольный несговорчивостью человеческого детеныша. Ишь как зыркает, злобная морда. Думал небось, сопляк уши развесит и поведется, торопясь разбить магические оковы на пленнике.

Угу, уже вприпрыжку бегу. Нашел дурака.

Не спорю, окажись на моем месте кто-то другой, возможно, могло и сработать. К тому же в самом начале, с показом откровенной эротики. А уж на золото и подавно многие бы клюнули. Те, кто родом из средневековья. А мы, земляне двадцать первого века, те еще циничные сволочи, нас на такую мелочь не возьмешь. Надо что-то более ощутимое. Солидное. Значимое, в конце концов.

Хм-м, а Эри алхимик сюда отправил, может, еще одна из его извращенных проверок?

– Таакхх чхеегооо жхе тыыы кхооочхееешь?

Я насмешливо хмыкнул и покачал головой.

– У тебя нет ничего, что мне нужно, – сказал я. – Прибереги свои видения для более впечатлительных натур.

Йогар-гал замолк и вроде успокоился. Я без помех домешал кисель, доведя состояние жидкости до однородной массы, положил лопатку и направился к выходу. Сегодня надо успеть долистать вторую книгу, вечером можно спросить у Гренвира что-нибудь более занимательное. Например, про магию.

– Стхоой! – когда дверь уже закрывалась, вновь подал голос божок.

По моему лицу скользнула гримаса недовольства, но ключ все же не вставил в замок.

– Ну чего еще? У меня и без тебя дел полно.

Существо посмотрело на меня через весь зал и громко прошипело:

– Я согласен передать тебе один из своих даров, – неожиданно он заговорил чистым голосом, почти не отличаясь от обычного человека.

И только это обстоятельство заставило меня притормозить. Больно уж удивительным это показалось.

– Ладно, бездна с тобой, – плюнул я. – У тебя есть одна минута, выкладывай.

Глава 10

Смотровая площадка открытой террасы ослепляла зеркальной поверхностью алебастрово-белого мрамора. Изящная балюстрада невесомым барьером тянулась вдоль края, создавая ложное впечатление безопасности.

Наверху застыл голубой небосвод, подсвеченный поднимающимся на горизонте солнцем. А за невысоким барьерчиком распахнул жадную пасть глубокий провал. Где-то там виднелись редкие перистые облачка, едва прикрывающие такую далекую поверхность земли.

– Нимуранский свиток похищен, – женщина в серебристых одеждах подошла к ограждению, тоненькие пальчики небрежно оперлись на изумительной красоты перила.

Взгляд Блистательной равнодушно скользнул по едва видным горам и лесам. Парящий город летел на большой высоте, не приближаясь к презренной тверди.

– Я знаю, – откликнулся мужчина.

В отличие от собеседницы, он стоял прислонившись к невысокой колонне, скрестив мускулистые руки на груди, глядя на край алеющего мира.

– Соглядатаи донесли, что вор прокрался в замок Разенвальд и смог уйти оттуда живым, – женский голос звучал безучастно.

Она говорила так, будто произошедшее ее не волновало. Мужчину это не обмануло. Оба понимали, что остаться в стороне не получится.

– Граф снарядил отряд и отправился в погоню через Длинный пролив.

– Карзани считает, что вор направился в Заррию?

Он тоже произносил слова равнодушно, словно ничего особенного не случилось и речь шла о сущей мелочи, не стоящей внимания.

– Ему позволят провести солдат по землям королевства. Когда правитель Заррии узнает, что явилось причиной незваного вторжения, то безропотно даст графу все, что последний потребует. Включая проезд вооруженного отряда, – выдохнула женщина.

Мужчина легкомысленно кивнул. Все верно, чрезвычайные обстоятельства требовали чрезвычайных мер.

– Вор едет к алхимику? – спросил он и, не дожидаясь ответа, с едва заметным недоумением бросил: – Но зачем?

– У старого хитреца хватит умений сломать Печать крови, – бесстрастно обронила она и безразлично закончила: – Но не

уверена, что свиток предназначен именно ему.

Повисло молчание. Последнее замечание требовало обдумывания. Куда и зачем везут древнюю реликвию? И главное – кто стоял за кражей?

– Южному королевскому дому конец. Их никогда не простят за потерю Нимуранского свитка, – вынес после размышлений промежуточный вердикт мужчина.

Женщина легко кивнула, соглашаясь со сказанным. Однако оставался вопрос: кто затеял столь опасную игру, решившись на столь отчаянный шаг?

– Хорс не осмелится. Купцы слишком расчетливы, чтобы так рисковать, – холодно произнесла Блистательная.

Пауза, взвешивание следующего претендента на безумный поступок и высказанное неуверенным тоном мнение:

– Сапфировые княжества.

И категоричный отказ:

– Нет.

Кто еще? Перебор остальных игроков занял немного времени. В конце остался только один.

– Дуэгар.

Великие семьи. Последователи темных граней Искусства. Как и Блистательные, носители Истинного дара.

– Кто-то из дэс-валион заигрался? – протянула женщина. Впервые с начала разговора в ее голосе промелькнула тень тревоги.

Парящий город никогда не сталкивался с дуэгарскими магами в прямом противостоянии, но отлично знал, что живущие на сорока трех холмах не из тех, кто оставляет удары без ответа.

И мужчине, и женщине одновременно пришла на ум ужасающая картина горящих башен родного города. Разъяренные воины в черных доспехах на залитых кровью улицах и горы трупов в развалинах разрушенных зданий.

Только темным хватит сил и упорства добраться до небесного града, пылая жаждой мщения. Для остальных он всегда недоступен.

– Если дэс-валион хотят войны, они ее получат, – мрачно изрек мужчина.

По женским губам скользнула тень улыбки.

– Только воевать не обязательно нам, – подхватила она.

И оба в унисон выдохнули:

– Шасцу-Насхар.

Как только весть о случившемся дойдет до города тысячи храмов, посланники богов первыми бросятся седлать коней и проверять благословенное или проклятое оружие, в зависимости

от того, какому господину они служили.

Пусть паладины воюют, а Блистательные останутся в стороне бесстрастными отстраненными наблюдателями. Как и всегда.

* * *

– Он обхмаааануууул меняяя! Он обхмаааануууул меняяя! – как оглашенная орала тварь, не успокаиваясь ни на секунду.

Божок обиженно вопил, я ржал как сумасшедший, Гренвир недоуменно хмурил брови, не понимая, что происходит.

Старик ворвался на четвертый этаж башни, как метеор, услышав дикие вопли разошедшегося пленника. И тут же замер, не застав картины побега, как, видимо, подспудно ожидал увидеть.

– В чем дело? – голос волшебника лязгнул металлом.

Он быстро подошел к клетке, проверяя, все ли цепи в порядке, не нарушен ли рисунок пентаграммы и не сдвинуты ли кристаллы на полу.

– Ну? – алхимик обернулся ко мне.

– Оно… ха-ха… оно… – я тыкал пальцем в обиженную морду божка и никак не мог успокоиться.

Гренвир сделал шаг, моя голова дернулась от сильного подзатыльника. Челюсть со щелчком захлопнулась, я едва не прикусил язык.

– Эй! – возмущенно воскликнул я, потирая затылок. – Зачем драться?

Старый волшебник оставил без внимания прозвучавший протест.

– Говори!

Я взглянул в чрезвычайно серьезное морщинистое лицо, вздохнул и принялся рассказывать.

Плененная сущность предложила плату за освобождение. За то, чтобы снять путы, мне на выбор предоставлялось три разных способности. Талант, дар, умение – называйте как угодно. По словам Йогар-гал выходило, что этот уникальный в своем роде навык останется со мной навсегда.

Невидимость. Способность призывать призрачное оружие. Умение находить потерянные предметы.

Можно взять только одно. Божественная награда в обмен на свободу.

Звучало неплохо, чего уж скрывать. Я подумал, прикинул, что да как, и попросил подробностей. А чего? Предложение и впрямь выглядело заманчивым. Это не видение с золотом и бабами.

Может действительно пригодиться в будущем.

Обсуждение заняло какое-то время, как и выяснение деталей. Моя попытка затребовать сразу три таланта натолкнулась на яростное сопротивление и категоричное утверждение, что ничего не получится. Схитрить не удалось, пришлось довольствоваться малым. И ломать голову, что выбрать.

Невидимость. Звучало просто отлично. Однако имелся и ряд минусов. Личинка божка честно предупредила о возможных негативных последствиях. Во-первых, время действия. Что-то около минуты. А то и меньше. Во-вторых, не полное исчезновение. Запах и аура оставались. Значит, животные (например, собаки с хорошим нюхом) и внимательные маги могли засечь невидимку. И в-третьих, использование для активации личных сил владельца. Как следствие, после прекращения сильное истощение организма.

Короче, так себе преимущество. Сомнительное.

Умение находить потерянные предметы. Классная способность, весьма полезная в таких делах, как поиск кладов. Но и тут нашлись ограничения. Радиус действия (не больше двухсот шагов), уровень чувствительности (под землю слишком глубоко не заглянешь) и невозможность обнаружить тайники, скрытые при помощи чар.

В общем, оброненную в пыль пару медных монеток точно не пропустишь, а вот насчет остального – никаких гарантий.

Не знаю. На мой взгляд, тоже спорная выгода. Разбогатеть явно не выйдет. Разве что устроиться где-нибудь в городе и помогать домохозяйкам находить пропавшее барахло.

И последнее. Призванное оружие. Тут и так все понятно. Полезная штука и всегда под рукой. Очень удобно. Как отказаться? Правильно. Вот и я не смог.

Дальше просто. Мы ударили по рукам и заключили договор. Гарантией послужила дощечка с выжженными каленым кончиком кинжала условиями. Божок что-то пробормотал над деревяшкой, после поставили подписи, скрепив их кровью.

По словам Йогар-гала, дощечка символизировала некую Скрижаль истинных намерений и не давала участникам сделки нарушить заключенный контракт. Иначе боль, страдания, ужасные муки и так далее по списку вплоть до мучительного конца.

Божок так спешил убраться из застенков алхимика, что первым исполнил свою часть сделки. Сгусток темного света перешел из его уродливых лапок в мою ладонь почти сразу, стоило красному отпечатку надрезанного пальца оставить след на договоре.

Трудно сказать, что я в тот момент почувствовал. Что-то проникло внутрь меня и мгновенно стало неотъемлемой частью изменившейся сути. Не знаю откуда, но я точно знал, что и как делать, чтобы вызвать потустороннее оружие.

Достаточно взмахнуть рукой, рисуя в воздухе перед собой полукруг, и ладонь ощутит тяжесть колдовского меча.

Что я сразу и сделал.

Дымчатая сталь волнистого лезвия, черный металл рукояти с красными и фиолетовыми вкраплениями, колючие шипы на гарде – призрачный клинок выглядел донельзя агрессивно и угрожающе.

– Моя очередь! – нетерпеливо воскликнул Йогар-гал, стоило призванному оружию появиться в моих руках.

Алчные глаза плененного божества сияли жаждой свободы, я посмотрел прямо в них, и на моих губах за-играла улыбка. Он сразу понял, что она означает. Дикий вой обманутого создания разнесся по заклинательному залу, отскакивая от стен, умудрившись прорваться сквозь единственную дубовую дверь в помещении.

Тогда-то Гренвир и ворвался внутрь, а тварь все продолжала орать:

– Он обхмаааануууул меняяя! Он обхмаааануууул меняяя!

На моем лице растеклась насмешливая ухмылка. Ха, неужели этот кретин думал, что я в самом деле буду использовать свою кровь? За кого он меня принимает?

Ловкость рук, соломинка и немного свиной крови из отбивной, привезенной сегодня утром крестьянами, позволили избежать участи оказаться связанным со сверхъестественной сущностью, от которой фиг знает чего ожидать.

Я эту дрянь освобожу, а она прыг и хвать меня за задницу, как только окажется на свободе. От пленника ведь прямо-таки смердело неприкрытой ненавистью. Алхимика монстр вряд ли достанет, а на его глупом ученике обязательно постарается отыграться.

Так я рассуждал и, судя по реакции, попал прямо в точку.

Я поведал о произошедшем, ничего не утаивая. Алхимик с прищуром слушал, выглядел он слегка удивленным. Не ожидал, старый хрен.

– Покажи, – потребовал он, не уточняя что именно. И так понятно, о чем речь.

Взмах рукой вышел заученным, возникновение клинка из пустоты снова вызвало бурю восторга у меня и недовольное ворчание от аквариума.

– Попробуй сделать выпад, – приказал алхимик, и не думая

прикасаться к призрачному оружию.

Я ткнул зачарованным мечом от себя, в следующую секунду он просто истаял в воздухе. Гренвир удовлетворенно кивнул.

– Так я и думал, – заявил он. – Давай еще раз.

Я опять повторил проделанные ранее манипуляции, и опять призванное оружие исчезло через пару-тройку мгновений.

– Хватит на один удар. Не больше. Время призыва ограничено активным применением, – подвел итог экспериментам волшебник.

Мое лицо разочарованно вытянулось.

– Ах ты, мерзкая жаба, – настала моя очередь возмущенно орать.

Из центра пентаграммы прилетел издевательский хохот. Смех твари походил на треск остывающих углей.

Похоже, в какой-то степени меня тоже провели. Пока оставляешь меч в покое, он сохраняет стабильность. Стоит взмахнуть, как клинок быстро исчезает.

Черт! Ну вот что там насчет бесплатного сыра в мышеловке?

– Я бы не стал особо расстраиваться, – утешил алхимик. – Судя по следам возмущения в эфире, клинок с тобой связан. Чем сильнее будешь становиться, тем дольше сможешь удерживать его в нашем мире.

– Да? – с сомнением протянул я. – И сколько это займет?

Старик равнодушно пожал плечами.

– Год, два, три. Кто знает. Предугадать невозможно. Мне раньше не приходилось иметь дела с подобными магическими предметами.

Божок что-то закудахтал на незнакомом языке, уставив выпученные глазенки в моем направлении.

– Сейчас он пытается наложить на тебя проклятье, – меланхолично заметил Гренвир. – Ему очень не понравилось, что его смог провести обычный мальчишка.

На моем лице заиграла злая улыбка.

– Правильный настрой, – неожиданно похвалил чародей. – Проклятье способно навредить лишь слабому духом. Кто в него не верит, ничего не будет. А особо сильные волей и вовсе могут отбить подобные чары обратно, не прилагая особых усилий.

Дельное замечание. Обязательно надо запомнить. После уничтоженной банды отъявленных головорезов плавающий в воде уродец мало пугал, несмотря на его божественное происхождение. Да и глупо тратить время на страх. Раз уж имел глупость связаться с потусторонней сущностью, то бояться уже поздновато.

– Вы дадите мне новые книги по магии? – спросил я,

повернувшись к алхимику.

Старик бросил оценивающий взгляд, отмечая отсутствие переживаний по поводу проклятья, и небрежно тряхнул головой.

* * *

Магия. То, что казалось сказкой на Земле, здесь являлось свершившимся фактом. Люди, способные создавать заклинания, творить чудеса, в этом мире встречались почти в каждом государстве.

В предисловии тоненькой книжицы, выданной мне Паулем Гренвиром, почти на первых страницах объяснялось понятие магического дара и его особенности.

Представьте многогранник, покрытый со всех сторон острыми выступами. Он имелся у всех людей. Душа или сознание – неважно как называть. Главное, это существовало с самого рождения.

У простого человека более сглажен, почти похож на шар. У тех, кто обладал даром – более рельефный, с выступающими краями. И чем выше предрасположенность к определенному типу магического искусства, тем четче выделялась соответствующая грань.

Они не походили друг на друга. У алхимиков один, у чернокнижников другой, у заклинателей третий, у целителей четвертый. У всех совершенно разный. И чем выше выступал из «шара» шип, тем сильнее был маг.

У Эри, к превеликому счастью, задатки имелись, собственно, поэтому в свое время Гренвир его и подобрал, разглядев в бродяжке потенциал. Небольшой, но все же. А то, что мальчишка в дальнейшем не оправдал ожиданий, оставаясь полностью равнодушным к ученичеству (оказалось, попытки обучить мастерству предпринимались на ранних стадиях появления пацана в башне), то это уже совсем другая история.

Старик не захотел тратить время, заставляя строптивого сироту, а последний не испытывал желания прикоснуться к магическим таинствам.

И да, для полноценного занятия Алхимией (именно так, с большой буквы) необходим дар.

Любой человек может сварить зелье, имея в наличии полный состав необходимых ингредиентов. На самом деле это очень просто, мой случай превосходно доказал данное утверждение. Придерживайся рецепта, следуй инструкциям, не лажай, будь внимателен – и все получится. Ничего сложного.

Но это что касается простых эликсиров. Алхимия низших ступеней, так сказать. Более сложные зелья обычный человек уже не сварит. Там необходимо участвовать в процессе варки самому, применяя свой дар, касаясь им веществ, изменяя их, наделяя совершенно другими свойствами, переплетая между собой и получая на выходе результат, который никогда не сможет достичь не обладающий нужной способностью.

Это аксиома. И у меня не было причин ей не верить. Иначе даже самый распоследний мещанин поспешил бы заняться столь прибыльным делом, как зельеварение.

– Не поспоришь, – пробормотал я, отвечая на собственные мысли.

После прочтения последнего абзаца в голову сразу пришла идея открыть где-нибудь в крупном городе алхимическую лавку, чтобы толкать зажиточным горожанкам какие-нибудь омолаживающие крема.

Ха, смешно.

Я поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее. Сегодня чтение проходило в каморке Эри. Гренвиру понадобилось что-то посмотреть в библиотеке, и меня безжалостно выгнали вон.

За окном бушевала непогода, свистел сильный ветер, в унисон ему дергались ставни на окнах, шел сильный дождь. Пламя свечи на ящике трепыхалось, по каменной кладке в причудливом танце плясали изломанные тени. Сырость и холод медленной волной проникали в комнату.

Я поежился, поплотнее укутался в ветхое одеяло и снова уставился в книгу, тщательно разбирая непослушные буковки.

Наособицу стояли обладатели Истинного дара. Их возникновение и в целом происхождение до сих пор служили предметом спора между всеми, кто так или иначе касался Искусства.

Кто-то утверждал, что это подарок самого Изначального. И что раз в десять лет обязательно появлялся ребенок, отличающийся от рядовых одаренных.

Кто-то заявлял, что это влияние старших богов. Иной способ воздействия на мир, через избранных магов. Как со святыми воинами, только по-другому. Этой версии, кстати, придерживалось меньшинство. Потому что ни один «Истинный» никогда не проявлял желания служить хоть одной божественной сущности, как это делали паладины. Скорее наоборот, не чурались иной раз бросить вызов жрецам и храмам.

Глядя на Пауля Гренвира – не могу с этим не согласиться. Алхимик поймал бога и сосал из него жизненные соки не хуже вампира, продлевая себе жизнь. После такого трудно заподозрить

старика в особой набожности. Хе-хе…

А иные категорично заявляли, что Истинные не что иное, как логичное продолжение развития магов следующего поколения. И что через пару-сотню лет все волшебники станут точно такими же.

Где правда, а где ложь, никто точно не ведал. Докопаться до истины так никому и не удалось.

Ясно одно – отличия между Истинными и обычными чародеями носили фундаментальный характер. Если первые могли творить, создавая новые чары, то последние были вынуждены довольствоваться ролью заурядных подражателей.

Разница как между художником, обладающим талантом, и ремесленником, умеющим воспроизводить только по готовым лекалам.

– Вот так-так-так, – я прицокнул языком, наконец уяснив разницу между видами магов. Любопытно получилось. Вторые небось на стенку лезут, понимая, что никогда не смогут достичь вершин первых.

Или быстро привыкают и довольствуются малым? В конце концов, от обыкновенных людей их отделяет целая пропасть. Почти так же, как они отделены от Истинных.

Я закрыл книгу и откинулся на спинку топчана, дождь за окном и не думал утихать, постепенно переходя в ливень. Пора на боковую.

Следующие дни я снова посвятил чтению. Читал все подряд, о мире, о религии, об истории. Благо библиотека башни могла похвастать весьма внушительным разнообразием книжных томов, начиная от рыцарских баллад и заканчивая жизнеописанием давно исчезнувших королевских династий.

Алхимик удивлялся подобному энтузиазму, однако не вмешивался. Куда старому хрычу понять, что такое «информационный голод». Меня так накрыло, остановиться не мог, с жадностью поглощая любой подвернувшийся текст.

Вспомнился эпизод из прошлой жизни, когда по совершенно дикой случайности меня занесло в сельскую местность. Машина сломалась, сотовая связь не ловила и пришлось проторчать почти два дня в глуши, вдали от цивилизации, где даже телевизор мог похвастать лишь рябью помех.

Ближе к вечеру вторых суток я буквально умирал от скуки и от нечего делать несколько раз перечитал рекламную газету, из тех что бесплатно раздаются везде.

Только тогда стало ясно, насколько мозг горожанина, привыкшего к непрерывному потоку информации, затосковал и был готов принимать что угодно, вплоть до текстов дурацких

объявлений.

Не верится? Попробуйте уехать в деревню, оставив планшет и телефон дома. Не смотрите телевизор и ничего не читайте. А потом возьмите самую скучную книжку, какую только найдете. Не успеете опомниться, как проглотите ее от корки до корки.

Информация лилась рекой, мозг ликовал, волшебник хмурился, Йогар-гал изрыгал бесконечный поток проклятий и грязных ругательств при каждом моем посещении четвертого этажа. Башня жила своей обыденной жизнью.

Отношения с божком после памятного обмана складывались не очень. «Вероломное дитя, достойное своего учителя», – самый невинный эпитет, которым меня удостаивала плененная сущность.

Крепко уродец обиделся за невинную шутку с подделанной подписью. До сих пор не могу поверить, что он купился. Вот что значит торопиться, не проверяя все досконально.

Еще один урок, отправленный в копилку. Я таких глупых ошибок совершать не буду. По крайней мере, постараюсь этого не делать.

А насчет призрачного клинка старик оказался полностью прав. На данный момент совершенно бесполезная штука. Разве что удивлять селян появлением меча из воздуха с последующим исчезновением. Кто знает, может, и удастся выманить парочку жареных гусей и тарелку бобовой похлебки.

Так и жили, не тужили, пока ворота башни однажды утром не затряслись от гулкого стука. Заявился староста деревни, пришло время отправляться на ярмарку.

Глава 11

Из распахнутых настежь окон доносился крик чаек и шум многолюдной толпы на пристани. Ругань грузчиков, грозные окрики стражников, приказывающих посторониться, фальцет купеческих приказчиков, спорящих с чиновниками портового управления – все перемешалось в общем гуле.

Несмотря на время обеда, зал таверны полупустой. Несколько человек в неброской одежде горожан ковырялись в тарелках, торопясь поесть и вернуться к своим делам.

Алия дэс'Сарион скользнула взглядом по скучной массе людишек за соседними столиками. Обычная безликая муть. Они рождаются, живут скучной жизнью, с мечтами о куске мяса потолще и кружке эля побольше, доживают до старости и умирают, не оставив после себя ничего.

Если повезет, кто-нибудь из них сможет заработать много денег, переехать в огромный дом и завести кучу слуг. Обрядить телеса в бархат и шелк. Но исход всегда одинаков – смерть, забвение и погребение на городском погосте Саграсы.

Жалкая участь. Убогий финал.

– Ваша еда, госпожа, – смазливая служанка, сверкая налитыми полушариями груди в вырезе платья, принялась выгружать с подноса готовые блюда.

Алия без особого интереса проследила, как на столе появляется тарелка жаркого, миска салата из рубленых овощей, щедро политых атианским маслом, и аккуратно порезанный свежеиспеченный хлеб. Кувшин вина и медный кубок принесли ранее.

Когда девица шла по залу, какой-то мужлан не удержался и ущипнул ее за упругую попку. Стоящий за стойкой здоровяк в фартуке шевельнулся, но не стал ничего предпринимать, видя, что продолжения не последовало.

Внутри шевельнулось раздражение, пассивность хозяина заведения почему-то вызвала злость. Хотя с чего, непонятно. Если нахалу сильно приспичит, будет достаточно расстаться с несколькими серебрушками, чтобы девка с готовностью задрала подол и раздвинула ноги. В любой харчевне любая служанка таким образом не прочь заработать лишнюю монету.

Так и здесь. Вместо того чтобы возмутиться, шлюшка растянула рот в улыбке готовности и, виляя упругим задом, удалилась, не забыв бросить многообещающий взгляд на мужлана.

Алия скривилась. Поведение служанки ее отчего-то задело.

Странно. Какое ей дело до этой девки? Да и вообще, до всего этого города и порта в придачу?

Она знала ответ. Виновато отвратное настроение, преследующее ее с самого утра. Затянувшийся ремонт корабля, невозможность продолжить путь, мерзкая еда, мерзкая комната, что в этом гадюшнике считается лучшей, хотя в Дуэгаре в такой конуре постесняются селить самого последнего грума.

Запах рыбы из доков, сырой кожи на улице, нечистот в грязных канавах. Духота.

Как же ей надоело это место. А прошло всего три дня.

В зал зашел очередной посетитель. Грузный человек в коричневой рясе со знаком милостивой Унары прошествовал и занял стол у камина. Лавка скрежетала по деревянному полу, пока новый гость с комфортом усаживался.

Жрец.

Алия неприязненно покосилась на святошу. Только этого еще не хватало.

Последователь богини домашнего очага быстро переговорил с подскочившей служанкой (та же самая вертихвостка, что недавно вертела задницей) и поднял голову.

Карие глаза сразу же наткнулись на девушку, сидящую на другом конце зала. По губам Алии пробежала улыбка.

Жрец вздрогнул. В отличие от обывателей, он сразу распознал в сидевшей чуть в сторонке от основной публики одну из дэс-валион. Улыбка Алии стала шире. Рука толстяка медленно потянулась наверх, в стремлении нарисовать ограждающий знак.

Ей захотелось рассмеяться. Неприкрытый испуг святоши показался забавным. Наконец-то хоть какое-то развлечение.

Не желая быстро лишаться веселья (судя по морде, жирдяй в рясе собирался ретироваться, плюнув на обед), Алия тронула собственный дар. Легонько, едва заметно касаясь. Но этого хватило с лихвой.

Искра вспыхнула черным светом, невидимым обычному человеческому глазу. По эфиру прокатилась темная рябь, вызывая своим появлением локальное возмущение в магическом плане.

Она знала, что толстяк сейчас видит колючий шар, горящий нестерпимым черным пламенем, совершенно невозможным для обычной реальности. Источник ее личной магии пульсировал, дрожал от собранной мощи, готовый выплеснуться туда, куда укажет хозяйка.

Жрец выпучил глаза, скрытая под коричневой тканью грудь начала тяжело вздыматься. Служитель Унары задыхался, не в силах выдержать близость проявления темной магии Дуэгара.

Лоб последователя богини домашнего очага покрылся

крупными каплями пота. Пухлая рука рванула ворот, пытаясь дать легким больше воздуха. Мясистые губы затряслись, тело попало в тиски нагнетаемого давления через эфир. Кожа стремительно серела, реагируя на чудовищное напряжение внутренних органов.

Алия с садистским удовольствием наблюдала, как святоша готов завалиться назад, прямиком в потухший камин. Невидимая рука выжимала из ауры жреца соки, как садовник выжимает поспевшие апельсины.

Морда жирдяя побагровела, глаза, казалось, еще чуть-чуть и выскочат из орбит. Он уже не скрываясь держался руками за шею.

В какой-то момент в игру попробовала вмешаться внешняя сила. Легкий ветерок прилетел по эфиру из невидимой грани, в безуспешной попытке ослабить звериную хватку одной из дэсвалион.

Жрец воззвал к покровительнице, надеясь на помощь. И богиня откликнулась, ощущая, как одному из ее слуг сейчас худо.

Алия раздвинула рот в хищном оскале. Здесь не Шасцу-Насхар. Сила богов в Саграсе на порядок слабее, чем в городе тысячи храмов. Дуновение ветерка, а не бушующий ураган. Невзрачные потуги остались ею почти незамеченными. Дотянувшийся порыв был безжалостно смят и небрежно отброшен прочь.

Почуяв, что еще немного и организм толстяка не выдержит, колдунья ослабила хватку. Темные жгуты распутались, отпуская астральное тело жреца. Магический фон успокоился, по глади эфира вновь заскользили игристые волны равномерного течения магии.

Священник поднял голову, в поросячьих глазках плескался непередаваемый ужас. Алия зло улыбнулась. Никто в зале не понял, что произошло, для остальных посетителей все так же светило яркое солнце и доносился шум оживленного порта из распахнутых настежь окон.

Кто-то заметил, что дородному жрецу стало дурно, и поспешил позвать одну из служанок. Но тот правильно сумел оценить ситуацию. Никто не успел опомниться, как оплывшая фигура в сутане опрометью бросилась прочь, да не через центральный выход, а через черный, за кухней.

Довольная Алия отпила из бокала вина и с большим аппетитом принялась за жаркое. Настроение стремительно улучшалось. Она терпеть не могла служителей культов, за чванливость, показное благочестие и фальшивую праведность, и радовалась, что сегодня удалось сбить спесь с одного из их братии.

– Госпожа, – к столику подошел Витольд.

Капитан стражи выглядел недовольным, квадратный волевой подбородок вздернут больше обычного, глаза сверкают, кончики плотно сжатых губ изогнуты. Левая рука покоилась на пряжке ремня, правая придерживала висящий на перевязи длинный полуторный меч.

– Дай догадаюсь, они заявили, что к вечеру не управятся, – спросила Алия, предвидя причины гнева подчиненного.

Еще ранним утром она отправила его поторопить корабельных мастеров с ремонтом «Неистового».

– Эти самки помета осла и козы посмели сказать, что пробоину не заделают до утра послезавтрашнего дня, – Витольд буквально дрожал от ярости.

Скорее всего, работники верфи позволили себе весьма фривольно разговаривать с ним.

– Надеюсь, ты никого не убил, – голос Алии построжел.

Магистрат вряд ли с пониманием отнесется к устроенной в пределах города бойне. Разбираться с напыщенными королевскими чиновниками Заррии ей совсем не хотелось. Этим кичливым ублюдкам дай только повод, поднимут ор до небес, требуя компенсацию за причиненный ущерб.

Конечно, можно наплевать и послать людей наместника и его самого в придачу. Вряд ли кто-нибудь из Саграсы осмелится задержать урожденную дэс-валион, испугавшись возможной реакции Дуэгара. Но дома не обрадуются, и другие семьи обязательно воспользуются моментом, чтобы ткнуть носом род дэс'Сарион в испорченные отношения с Заррией.

– Нет, госпожа. Я сдержался, – Витольд прижал руку к груди.

Алия хмыкнула, представив, как тяжело было гордому воину сносить пренебрежительное отношение со стороны грязного отребья из портовых нор.

– Молодец, не хотелось бы задерживаться в этой дыре дольше необходимого, – похвалила она.

Капитан склонился в коротком поклоне.

– Можешь идти.

Оставшись наедине, она вновь вернулась к обеду. Жаркое оказалось суховато, а в салат положили слишком много масла. Только хлеб ничего. Свежий, воздушный, с тонкой поджаристой корочкой. То, что надо.

Допив остатки вина из бокала и проигнорировав почти полный кувшин, Алия вышла наружу. Каменное крыльцо выходило в противоположную сторону от пристани и смотрело в центр города.

Громоздкие здания из плохо обработанного камня, угловатые

крыши, покрытые глиняной черепицей, узкие извилистые улочки, грубая мостовая из покатых булыжников, дома теснятся, почти наползают друг на друга, создавая впечатление тесноты. На редких шпилях лениво трепыхались потертые флаги с символикой королевства.

И ко всей этой «красоте» прибавлялась ничем не перешибаемая вонь нечистот и отходов.

Дыра. Как есть дыра.

Алия скривилась и легко сбежала по побитым ступенькам. В ту же секунду за ее спиной двумя безмолвными призраками пристроились воины из свиты.

Не охрана. Эскорт сопровождения для придания статуса. В разномастной толпе тоненькую девчонку в костюме для верховой езды, скорее всего, и не заметили бы. Один толчок здесь, удар плечом там – никто не успеет опомниться, как вокруг будут лежать горы трупов. Она не оставит без ответа грубость в свой адрес.

А так расступались, позволяя свободно пройти. Даже городская стража притормаживала, оценив рослые фигуры, затянутые в черные доспехи, маячащие за плечами вышедшей на прогулку леди.

Скоро дорога вывела на базар. Бесконечные ряды с лотками, скособоченные палатки и теснящиеся по сторонам лавки мелких торговцев занимали целую площадь немаленького размера.

Здесь витали уже другие ароматы. Корица, специи, пряности, сухие травы и свежие фрукты начинали продаваться на рынке почти у самого входа.

Повеселевшая Алия сладко потянулась. Глухое раздражение и злость испарились. Даже бренчание уличного музыканта на потрепанной мандолине не вызывало желания глухо зарычать и врезать чем-нибудь тяжелым придурку, совсем не имеющему слуха.

На нее оглядывались, в основном из-за охраны. Особенно глазастые успевали заметить на куртке переплетенную вязь двух затейливых символов. Тогда следовало испуганное шараханье в сторону. Любопытные узнавали герб одной из семей Дуэгара.

Поглазев на отрезы тканей и творения оружейных кузнецов, она вышла к центральному району верхнего города. Публика тут выглядела почище, поприличнее, а улицы намного ухоженнее. Зато количество стражников, наоборот, резко уменьшилось. Чтобы не мозолили добропорядочному люду глаза. Что отнюдь не говорило о слабости правопорядка. Если что вдруг случится, сюда моментально набежит огромное количество патрулей, готовых защищать самых богатых жителей Саграсы.

– Торопись! Живей! Посторонись! – мимо проковыляла четверка заморенных лошадей, таща за собой вытянутую повозку.

На перекрестке торопыги свернули направо, Алия посмотрела, куда они так спешили, и заметила горбатую выпуклость, выступающую над крышей ближайшего высокого здания.

Дирижабль. Ясно, откуда родом любители быстрой езды. Только в Хорсе делали уродливые штуки, умеющие ползать по небесам.

Сколоченный из досок помост, из него торчал шест, канаты обвивали удерживающие крюки. Гондола открытого типа, сплетенная из гибких и прочных веток андуланского дерева. Хотя ей приходилось видеть и полностью закрытые кабины. Движущей силой выступал маховик, работающий на алхимической смеси. Чрезвычайно гадкая штука, склонная к самовоспламенению.

Вокруг крутился десяток человек. Что-то поправляли, дергали и натягивали, настраивая подвесную систему грузов и противовесов. Рядом на мостовой в беспорядке валялись тюки и перехваченные крест-накрест мешки. Средних размеров дирижабль активно готовили к вылету.

Механика, – Алия с презрением покосилась на суету. В безуспешных попытках достичь величия Парящего города торгаши лишь выставили себя на всеобщее посмешище. Нелепые поделки так часто ломались и взрывались, что очень скоро за ними прочно закрепилась слава одного из самых опасных средств передвижения.

Какой-то остряк однажды заявил, что лучше поплывет на ветхом суденышке в сильный шторм, чем залезет в эту штуку в ясную солнечную погоду. Многие с ним соглашались.

И тем не менее купцы упорно продолжали использовать дирижабли в своих делах, отправляя как мелкие грузы, так и гонцов с важными донесениями. При всех своих недостатках, в скорости воздушные суда вы-игрывали у морских. Не говоря уже о лошадях на суше.

Правда, при встречном или сильном боковом ветре единственное преимущество неказистых устройств молниеносно сходило на нет. Но хорсцов это не останавливало.

Понаблюдав некоторое время за приготовлениями, Алия развернулась и направилась обратно в таверну, где Витольд встретил ее очередной неприятной новостью от мастеров-корабелов.

* * *

– Высадка завершена, ваша милость, – командир воинов поправил стальной шлем на изгибе локтя.

Пятьдесят латников, блестя на солнце начищенными доспехами, строились на причале порта. Отдельно по широким сходням сводили измученных долгим плаванием лошадей. Усталые конюхи как могли успокаивали животных, но последние все равно выглядели не очень.

Люди куда лучше перенесли многодневное путешествие по морю. И с этим приходилось мириться. Если воины готовы выступить в путь прямо сейчас, почти без отдыха, то коням придется дать немного прийти в себя. Иначе далеко они не уедут.

– Позаботьтесь о размещении. Король обещал нам всю необходимую помощь. Полагаю, в казармах городской стражи найдутся пустые койки для солдат и лишние места в конюшнях для лошадей.

– Да, ваша милость, – командир гулко стукнул кулаком о нагрудник.

– Думаешь, наместник уже предупрежден? – на причал ступил Рауль.

Карзани обернулся к брату, мимоходом отметив его опрятный и ухоженный вид. Словно не провел больше недели кряду в болтанке каюты при сильной качке. Манжеты расправлены, камзол сидит как влитой, волосы чистые, на щеках играет легкий румянец. Просто образец изящного аристократа.

– Что? – заметив изучающий взгляд старшего родственника, Рауль смутился. Или сделал вид, что смутился. Что скорее всего. Жизнь при королевском дворе отлично научила младшего братца притворству и ношению масок.

– Ничего, – граф отвернулся. – Уверен, наместник предупрежден. Ждать препятствий не стоит.

Они неторопливо двинулись по гудящей пристани, и почти сразу из оживленной толпы на них вынырнула небольшая группа людей, решительно двигающаяся в противоположном от них направлении.

– Чего уставился, долговязый? Прочь с дороги! – идущая первой юная девчонка лет шестнадцати-семнадцати протопала мимо, едва не сбив с ног ошалевшего Рауля.

Сразу за ней шла троица хмурых воинов. Черно-вороная броня, тяжелые мечи на боку, жесткая щетина на грубых обветренных лицах, острый подозрительный взгляд – выглядели они весьма угрожающе. Перед странной процессией народ на причале предпочитал расступаться, не провоцируя конфликт.

– Во имя первого света, кто это? – удивленный Рауль тоже предпочел повернуться боком, чудом успев не задеть крайнего

справа воина.

Хозяин замка Разенвальд проводил задумчивым взглядом мрачную компанию и покачал головой.

– Ты заметил рисунок на куртке девчонки? – спросил он, в общем-то заранее зная ответ. Брат никогда не отличался особой наблюдательностью.

– Нет. Я был слишком занят, чтобы не оказаться растоптанным этими грубыми невеждами, – оправдался Рауль, его голос звучал озадаченно.

– Двойной переплетенный знак Дуэгара, – сказал Карзани и пояснил: – Герб одной из сорока трех семей дэс-валион.

Рауль от удивления приоткрыл рот. Граф же помрачнел. Встреча с дуэгарской ведьмой показалась дурным предзнаменованием в свете последних событий.

– Думаешь, она здесь из-за того же, из-за чего и мы? – Рауль понял причину тревоги старшего брата.

Тот медленно покачал головой.

– Не знаю, – скупо проронил он и добавил: – Только спорю на что угодно, в отличие от тебя, она хорошо разглядела герб нашей семьи на твоем камзоле.

Рауль покосился на свою одежду.

– Ну и что? – он беспечно пожал плечами. – Южное королевство никогда не враждовало с Дуэгаром. Какое ей дело?

Граф внимательно на него посмотрел.

– А ты подумай, – свистящим шепотом предложил он и, не ожидая ответа, резко развернулся и пошел по причалу, не обращая внимания на снующих вокруг людей.

Они добрались до дворца наместника примерно через час. Их приняли без проволочек. Должно быть, королевский гонец прибыл вовремя, и послание оказалось достаточно убедительным, чтобы в городе успели осознать важность сложившейся ситуации.

– Нам необходимы припасы. Заводные лошади и телеги в обоз, – без промедления принялся перечислять граф, стоило взаимным расшаркиваниям обязательного вступления при встрече закончиться.

Дородный наместник в парче и бархате выглядел не слишком радостным. Привыкший быть в собственном личном мирке абсолютным властелином, он болезненно воспринимал жесткий тон нежданных пришельцев.

Однако пойти наперекор, разумеется, не рискнул. Обречь себя на королевскую немилость ради каких-то иноземных чужаков, которые сегодня-завтра уже покинут город? Нет, хитрый чиновник не продержался бы так долго на своем месте, если бы шел на поводу эмоций.

– Конечно, конечно, все будет сделано в лучшем виде, – уверил он, стоило Карзани умолкнуть, помедлил, заинтересованно оглядывая гостей, и невинно осведомился: – Когда вы желаете отправиться в путь?

Граф мысленно усмехнулся. Пройдохе не терпелось от них поскорее избавиться. Ожидаемо. Видать, спешил вернуться к повседневной деятельности по обиранию капитанов купеческих кораблей и взиманию пошлин с базарных торговцев.

– Как можно скорее, – лаконично ответил вместо брата Рауль. – Чем быстрее вы подготовите необходимое, тем раньше наш отряд покинет пределы вашего замечательного города.

Под конец его голос переливался неприкрытым сарказмом. Воняло в Саграсе ужасно, не спасали даже близость моря и регулярно налетавший бриз.

– Все будет сделано в лучшем виде, – повторил наместник, свинячьи глазки ожидающе уставились на южан, едкую колкость он благоразумно предпочел не заметить.

– Хорошо, – граф удовлетворенно кивнул и тут же спросил: – Что вы знаете о землях, где стоит башня Пауля Гренвира?

– Старого алхимика? – чиновник попытался изобразить удивление. У него это плохо получилось.

– Да, – невозмутимо подтвердил Карзани.

А Рауль чуть шевельнулся, холеная, но крепкая рука будто ненароком легла на рукоять изящного клинка.

Настороженно проследив за красноречивым движением, наместник горестно вздохнул, безмолвно сетуя на торопливость собеседников, и принялся рассказывать, что ему известно.

– Это владение дьюка Харальда. Насколько мне известно, он никак с Гренвиром не связан. Последние годы алхимик ведет жизнь затворника и почти никого не принимает.

– Где его найти?

– Его город и замок Хломдорг находятся примерно в дне пути от башни старца.

На этом месте наместник махнул пухлой рукой. По знаку подскочил лакей в ливрее, на вытянутых руках лежал овальный поднос из чистого серебра. На нем трубочка бумажного свертка, запечатанная восковым оттиском с изображением герба королевской династии Заррии.

– По воле короля, – торжественно объявил властитель Саграсы и пояснил: – Это письмо обязывает всех подданных его величества оказывать вам все-мерную поддержку. Включая благородных дам и мужей.

Граф без лишних уговоров взял свиток. По опыту знал, что такие бумаги бывали весьма полезны и ограждали от ненужных

недоразумений. Полсотни тяжеловооруженных всадников чужестранцев у кого угодно могли вызвать подозрение. А непонимание легко могло перерасти в кровавую схватку. Зачем рисковать?

– Я уже приказал вам приготовить покои. Уверен, вы устали с дороги и хотите освежиться. Вечером жду вас у себя на ужин, – плавно закончил аудиенцию наместник, намекая, что у него и других дело полно.

Карзани не возражал. Ему и самому надоело общение с этим скользким проходимцем.

– Последний вопрос, – сказал он. – Мы точно застанем дьюка Харальда в его городе? Не хотелось бы рыскать по округе в поисках хозяина окрестных земель.

– В ближайшее время в Хломдорге состоится ярмарка. Как один из организаторов, дьюк непременно будет там присутствовать, – наместник мило улыбнулся и удалился.

Граф проводил тучную фигуру в парче рассеянным взглядом и повернулся к брату.

– У меня никак не выходит из головы встреча с темными на пристани, – признался он.

Рауль пожал плечами.

– Ты бы меньше беспокоился, если бы нам повстречался кто-то из Блистательных? – осведомился он.

Карзани покачал головой. Он не хуже младшего родственника знал, что среди повелителей небесного града подонков и негодяев ничуть не меньше, чем среди дэс-валион. Цветовой окрас магии тут не играл особой роли. И первые, и вторые стоили друг друга.

Так больше ничего и не сказав, граф пошел к двери. Рауль двинулся следом.

На следующий день из городских ворот выехал отряд латников под знаменем замка Разенвальд в направлении западного тракта.

Еще примерно через час из тех же ворот появилась еще одна группа, более малочисленная, экипированная в доспехи черного цвета. Во главе ехала юная девушка. На миловидном лице холодным огнем горели глаза матерого хищника, вышедшего на охоту.

Глава 12

Колеса поскрипывали, возница ворчал, телега покачивалась, дождь моросил. Путешествие к замку дьюка, местного феодала и хозяина окрестных земель, продолжалось уже несколько часов.

Я сидел в задней части головной повозки, кутаясь в добытую у мертвых разбойников куртку из мягкой кожи, и недовольно косился на хмурое небо. Висящие низко свинцовые облака и полное отсутствие какого-либо просвета между ними четко намекали, что ожидать хорошей погоды в ближайшее время не стоило.

То и дело налетавший стылый, промозглый ветер заставлял зябко ежиться, передергивая плечами, и так хреновое настроение опускалось все ниже. Отвечая на дурное расположение духа, воображение поневоле начинало рисовать в уме проекты полностью крытых фургонов, с рессорами, с отоплением, с удобными комфортабельными сиденьями.

«Ага, а еще с холодильником, мини-баром и отдельной служанкой, поправлять теплый плед и подносить согревающие напитки, – язвительно встряла более критичная часть рассудка. – Размечтался, – и напомнила: – Лучше приступай снова к пробуждению дара, пока совсем не околел. Так хоть сможешь согреться. Все одно лучше, чем сидеть, пялиться в мокрые облака и надеяться, что они быстро исчезнут».

Да, точно, пробуждение дара. Именно так назвал странное упражнение Пауль Гренвир, наставляя «непутевого ученика» в дорогу.

Вообще, имелись сомнения, что алхимик разрешит поездку на ярмарку, не желая терять помощника на несколько дней. Круг моих обязанностей за последнее время существенно расширился. Тут тебе и слежение за плененным божком, и помощь в обычной лаборатории. А еще каждодневные хозяйственные хлопоты и регулярный сбор трав.

Думал, вредный старикан покажет фигу и заявит, что нечего почем зря шататься неведомо где, непонятно зачем. Не захочет перекладывать повседневные заботы на личные плечи.

Однако чародей удивил. Выслушал, молча пожамкал губами и неожиданно согласился. Да еще вдруг рассказал, как делать первые шаги, обращаясь к собственному дару. Который, как выяснилось, у «ленивого мальчишки» еще спал. В связи с чем на данный момент «любимый» подмастерье великого алхимика ничем не отличался от любого другого деревенского сопляка.

Признаться, поведение обычно безразличного волшебника

удивило. Он подробно и обстоятельно поведал, что и как делать, чтобы начать изучать свои возможности в овладении магии.

Должно быть, на старикана произвела впечатление моя жажда к чтению, вспыхнувшая жадным пожаром в последнюю седмицу. Тяга к познанию показала, что «несносный мальчишка» не так безнадежен, как изначально казалось. Вот и стал потихоньку учить, уже по-настоящему, а не используя лишь в качестве удобной прислуги.

Правда, и о себе не забыл. Дал поручение отвезти на ярмарку несколько порошков и попробовать кому-нибудь продать за хорошую цену. Не меньше серебрушки за унцию.

Я тогда еще по наивности подумал, что речь идет о каких-то целебных снадобьях. Типа лекарства от хвори или чего-то подобного.

Хотя, если подумать, то в принципе так и есть. С небольшими оговорками. Толченые травы в мешочках помогали «мужской силе», чтобы, значит, в любое время и в любом месте быть во всеоружии для любовных утех. Такой себе аналог средневековой виагры.

По словам Гренвира, подобные препараты народ обожал. Дружинники дьюка, его приближенные, замковые слуги, горожане всех мастей – каждая мужская особь из представленных категорий нет-нет, да прикупит чудодейственный порошок. Будет клясться всеми святыми, что в подарок приятелю, сам ого-го, жеребец, а непременно возьмет. Чтобы ночью показать молодецкую удаль.

Неплохое знание человеческой психологии со стороны чародея. Таланты старца из башни открывали новые грани. Затворник, отшельник, а гляди как разбирается в пороках. Наверное, и сам по молодости от души куролесил, задирая юбки сисястым молодкам.

Осознав, что мысли свернули куда-то не туда (перед глазами вставали картинки с податливыми юными крестьянскими девицами), я встряхнулся.

Так, про баб потом. Сейчас не время блаженствовать в эротических грезах, пусть организм подростка и вовсю реагировал, демонстрируя активный период полового созревания.

Вернемся к упражнению. Что там надо делать?

«Сосредоточься, выброси из головы все мысли, пусть в разуме царствует пустота и покой. Войди в состояние полной отрешенности. Тебя не должно волновать ничего во внешнем мире. Все раздражители исчезли. Есть только ты и бесконечная пустота. Когда достигнешь этого состояния, сконцентрируйся на нем. Позволь ему полностью охватить твою сущность. И лишь после этого обрати взор внутрь себя, пытаясь проникнуть так

глубоко, как только возможно. Если будешь все делать правильно, то скоро поймешь, что видишь перед собой слабую, едва заметно тлеющую искорку. Это будет твой дар. Осторожно потянись к нему и “прикоснись”. Сначала легко, плавным касанием. Потом сильней. Пока не ощутишь, как искра начинает разгораться. Пламя дара должно вспыхнуть. Но будь осторожен, не переусердствуй и будь готов его вовремя “пригасить”. Иначе он сожжет тебя изнутри».

Вот так звучало первое наставление. Как оказалось, это была лишь вступительная часть. Как и говорил, на этот раз Пауль Гренвир куда больше походил на учителя, чем в былые времена. Доходчиво излагал материал, не хуже заправского лектора из модного университета.

А еще строго следил, чтобы «мелкий паршивец» не хлопал ушами. Пара сильных затрещин, когда ему вдруг показалось, что я отвлекся, хоть и не принадлежали к гуманным способам обучения, зато показали свою исключительную действенность. Весь короткий урок я провел внимательно слушая, запоминая каждое слово.

«Главное не стараться. Как бы парадоксально это ни звучало. Будешь напрягаться, гарантированно ничего не получится».

Последний совет напомнил шутку из детства. Когда предлагали попробовать не думать о белом слоне. И разумеется, в голову моментально лез образ здоровенной серой животины с хоботом, бивнями, развесистыми ушами и огромными тумбами вместо ног.

Такова психика подсознания. Хочешь не хочешь, а начнет делать так, как не надо. Нужна высокая дисциплина и хороший внутренний контроль, чтобы не попасться на фокус.

«Почувствовав дар, не торопись, позволь ощущению причастности к магии проникнуть в тебя. И лишь после этого открывай глаза. Ты будешь ощущать внутри теплоту. Сфокусируйся на ней и представь, что она перетекает в твою руку. Сначала в плечо, потом в предплечье, в кисть и ладонь. Когда достигнешь этого состояния, обязательно сделай еще одну паузу. Сосредоточься на этом и только после этого осторожно проведи кончиками пальцев по какому-нибудь предмету».

Тут Гренвир сделал паузу, о чем-то подумал и бросил: «Лучше всего для первого опыта подойдет древесина. Материал достаточно пластичный и склонный к метаморфозам. Полагаю, проблем в его доступности возникнуть не должно».

Не поспоришь. Дерево здесь использовалось повсеместно.

«Дальше пойдет самая сложная часть. Изменение структуры требует еще более высокой концентрации. Древесные волокна

тобой должны восприниматься очень тонко. Едва ли не частицей тебя самого. Это нужно для того, чтобы проводить изменение вещества на мельчайшем уровне».

Старик принялся подробно рассказывать о происходящих внутри любой реальной структуры процессах преобразования при помощи сконцентрированной и направленной в четко определенную область магической энергии.

Звучало занимательно. И весьма необычно. Если верить услышанному, то достаточно сильный алхимик мог изменить молекулярную структуру буквально любого вещества при наличии достаточного количества энергии. Таких слов чародей, конечно, не знал, но описание звучало весьма похоже.

То есть в теории тот же Гренвир, вместо того чтобы отправлять меня замазывать щели, мог положить руки на башню и усилием воли «зарастить» раны строения, а то и вовсе изменить камень на металл.

Каково?

Однако была и цена за могущество. Та самая «энергия», с помощью которой происходила трансформация, бралась не из ниоткуда, а из самого алхимика. Как следствие, чем сложнее и объемнее следовало преобразование, тем больше требовалось привлечь сил.

Старый хрен мог за пару минут превратить каменную башню в железную. Но после этого сразу бы свалился, полностью опустошенный. И неизвестно, сколько заняло бы дальнейшее восстановление.

И эти правила касались абсолютно всех магов. Для воздействия необходима энергия. А энергию брали из дара. Который, в свою очередь, вовсе не являлся бесконечным источником магии.

Ограничения. Они имелись везде.

Даже жрецы и осененные благодатью паладины не могли без последствий использовать заемные силы. Чем дальше от божественного города, тем скудней ручеек от небесных покровителей и тем слабее они становились.

Система сдержек и противовесов, сохраняющая в мире баланс.

В данном аспекте необходимо особо отметить разновидность магического дара. У всех причастных к Искусству он различался особенностями со строгой специализацией.

Это как с талантливыми детьми. Кто-то великолепно рисовал, кто-то отлично музицировал, кто-то сочинял стихи. Чтобы один и тот же ребенок был хорош во всем – почти не встречалось. Да, имелись вундеркинды, что и сонет сложат, и заковыристое

уравнение решат на раз-два. Но это скорее исключение из правил. Обычно способности оказывались узконаправленными.

Так и здесь. Если у тебя дар чернокнижника, то лучше не лезь к колбам и ретортам – мало проку будет. Если талант к воде, то даже не думай заглядывать в книги воздушных владык, чтобы научиться метать небесную молнию – сгоришь в мгновение ока.

Шла четкая градация, где один тип волшебников не мог применять умения других. И все из-за особенностей магического дара. Предрасположенность к определенному виду чародейства ограничивала возможности в рамках лишь одного направления.

Хотя и тут имелись свои исключения. По слухам, кое-кто из Истинных умудрялся обойти неписаные законы магии, с легкостью применяя чуждые для себя чары. Каким-то образом умельцы смогли «модифицировать» собственный дар, расширив область его применения.

И демонолог использовал плетения целителя, а последний практиковал заклинания темных колдунов.

Круто, не правда ли? Жаль, подробностей о подобных уникумах известно до обидного мало, и все на уровне непроверенных слухов.

Дождь все лил, никак не желая прекращаться. Мои потуги в деле прояснения сознания и поиска искры магического дара далеко не продвинулись, замерев на неясном ощущении небольшого тепла в районе живота. Куда уж пытаться изменить край деревянной телеги, сделав ее более мягкой и пластичной. До этой фазы я так и не дошел.

– Охо-хей! Вон туда поворачивай! – сзади прилетел громкий окрик.

С предпоследней телеги привстал возница и усиленно замахал руками, метя куда-то вправо.

Под скрипящими колесами хлюпала грязь, дорога раскисла, чудо, что еще никто не застрял.

Я привстал в покачивающейся повозке, держась за борта. Воротник куртки дернулся, и лившаяся с неба вода моментально заползла за шиворот. Бр-рр… ну и холодрыга. И ни одна скотина не предложила плащ с капюшоном или кусок простой плотной ткани, защититься от непогоды.

Боялись, канальи. После устроенной бойни все крестьяне, как один, обходили меня стороной и старались не смотреть в глаза, не то чтобы заговаривать.

А ведь их спасал, сволочей. Вот что значит делать добрые дела. Суеверные гады.

Я выбросил из головы поведение деревенских и огляделся. Слева за пеленой моросящего дождя виднелись луга с густой

травой высотой по пояс взрослого человека, справа чуть впереди стояла стена угрюмых деревьев. Именно туда указывал орущий возница.

Вскоре сделали остановку. Пять подвод загнали под кроны раскидистых деревьев, росших на опушке леса.

Привал. Собирание хвороста, розжиг костра. Не для готовки, а погреться и посушиться.

На обед: кусочек сала, зеленый лук, вареные яйца, репа, ржаной хлеб. Нехитрая снедь, зато сытная. Завернутые в тряпицу простые продукты, да еще у огня, когда в паре метров продолжало лить как из ведра, воспринимались потрясающим угощением, достойным самых взыскательных вкусов.

Ха, как быстро меняется восприятие. Предложи мне нечто подобное кто-нибудь в прошлой жизни, я бы молча покрутил пальцем у виска и с презрительной – усмешкой отверг столь грубую пищу, не забыв обозвать человека придурком.

А сейчас? Ничего. Уплетаю за обе щеки, так что за ушами трещало. Жадно, быстро, с большим аппетитом. И парой глотков самогона не побрезговал, что предложил староста ученику «проклятого чернокнижника» под конец трапезы.

Пойло, кстати, оказалось весьма недурственным. Настоянное на можжевельнике или чем-то похожем, оно напоминало травяную настойку.

Сидя у костра на бревне, я наслаждался сытостью, теплом и покоем.

– Много, думаете, удастся выручить? – я махнул в сторону загнанных под деревья коней.

Небольшой табун тянули в общей связке за последней телегой. Лошади считались самым дорогим из того, что удалось получить с банды разбойников.

Предводитель крестьянской общины, единственный общавшийся со мной, посмотрел на животных и индифферентно пожал плечами. Словно его не волновал данный вопрос. А ведь за помощь в хранении и доставке до ярмарки ему полагалась десятая часть от полученных средств.

– Сможем найти покупателей? – не унывая, продолжил расспросы я, сделав вид, что не заметил нежелание старосты вести разговор. – Дадут полную цену? Или придется отдавать по дешевке?

Волновался не зря. Судя по описанию, земли вокруг не слишком зажиточные. Городок феодала единственный, остальное деревни, похожие на те, откуда мы ехали. А двенадцать неплохих коней стоили дорого.

Поняв, что настырный малец не отстанет, староста степенно

утер губы внешней стороной ладони и ответил:

– Дьюк захочет купить.

Сказал и замолчал, посчитав миссию выполненной. Я лишь покачал головой. Неразговорчивость собеседника раздражала, как и обстоятельная неспешность в поведении. На фоне селян даже Гренвир выглядел живчиком.

– А цену даст? – допытывался я, посчитав склонность крестьянина к молчанию не поводом прекращать разговор. – Он у вас вообще нормальный? Или с придурью?

Я неопределенно повертел рукой над головой. Неуважительное обращение к хозяину окрестных земель староста встретил спокойно, если не флегматично. Заступаться за благородного он явно не собирался.

– Почему не даст, даст, – негромко промолвил мужик и снова замолк.

М-да, вот и пообщались. Какой разговорчивый собеседник, каждое слово приходится выдирать едва ли не клещами. Да и пусть его. Пить на брудершафт с ним не надо и в принципе налаживать близкий контакт. Не хочет, ну и хрен с ним.

Возьму за пример модель поведения алхимика. Тот всегда вел с деревенскими себя немного надменно, немного отстраненно и всегда сохранял дистанцию. И уж точно не набивался в друзья. Может, так и надо себя вести.

В конце концов, не стоило забывать, куда меня занесло. Сословное общество – это вам не так просто. Запанибрата быть не получится, как и проявлять либерализм там, где он неуместен.

Если подумать, то между чародеем и обычными селянами пропасть. Уровень социального статуса несопоставим. Маги – это где-то в районе дворян, а возможно, и выше, и не чета обычным простолюдинам.

Гренвир это понимал. Староста это понимал. Один я идиот, пытался строить из себя демократа. Неудивительно, что предводитель крестьян так на меня пялился. Тут другие правила игры, не стоило об этом забывать.

Отсюда и обратная закономерность, стремление к осторожности и осмотрительности. Ты с приветливой улыбкой бьешь чуваку по плечу, предлагая выпить, а он оказывается «дон Хуаном» с родословной длиной в пару километров и вообще близким другом королевы. И тебя за вольное обращение с высокородным на ближайшую виселицу, в назидание всяким плебеям, чтобы руки не смели распускать в присутствии аристократичной особы.

Может такое быть? Да легко!

Равноправие и политкорректность остались далеко на Земле.

В мире меча и магии совершенно другие порядки.

Перекус закончился, привал тоже. Стоянку свернули и отправились дальше. Я трясся в первой телеге, тренируясь в попытках нащупать неуловимый магический дар.

К сожалению, ничего толком не получалось. Единственное достижение – появление теплоты в груди. Ни о каких трансформациях и речи не шло. До преобразования физических свойств материальных предметов оставалось так же далеко, как и до лун, висящих высоко в небесах.

Вскоре после полудня дождь прекратился, солнце так и не выглянуло, зато ветер подуспокоился. Свинцовые тучи продолжали давить, заставляя с тревогой вглядываться наверх, ожидая новой порции ливня.

Разбитая ухабистая дорога с кривой колеей сменилась более приемлемым вариантом одного из воплощений проселочной «убегайки». Еще не ровный торговый тракт, но уже и не полная катастрофа. Повозки шли ходко, езда пошла значительно веселей.

Остаток пути я провел в подобии медитации, следуя инструкциям старого чародея из башни. Жажда овладения зачатками магии выступала отличным стимулом не хитрить с самим собой, пытаясь найти отговорки, чтобы лежать пузом кверху, бездельничая.

Я прекрасно осознавал свое положение. У сирот типа Эри имелся лишь один шанс достичь чего-нибудь значимого, подняться высоко и обрести подлинную свободу. В ином случае жизнь вполне могла закончиться в грязной канаве в статусе нищего.

И не стоило тут надеяться на Гренвира. Поведение алхимика прямо указывало, что ни о каком сострадании с его стороны говорить не приходится. До недавнего времени старый гад самым жестоким образом эксплуатировал мальчишку. И когда у последнего уже не осталось бы сил, то, скорее всего, прагматичный волшебник выбросил бы его на улицу, быстро найдя подходящую замену в прислугу.

Да, жестоко. Да, безнравственно. Да, ни фига не этично. Но таковы здесь времена и нравы. Суровые и беспощадные. Особенно к беспризорным сиротам. Так что надо вертеться, учиться и стараться впитывать знания. Авось пригодится.

Ехали до позднего вечера, пока темнота едва ли не полностью поглотила окружающую реальность. На ночлег встали в чистом поле. Поставили телеги кругом, развели костер. Быстренько поужинали холодной едой и на боковую.

Поднялись ранним утром, на восходе. Слегка распогодилось, и тучи уже не выглядели столь мрачно, как вчера. Иной раз в

серых облаках мелькали просветы, откуда пока еще несмело выглядывало светило.

Поминая недобрым словом всех и вся, я принялся собираться. Ночевать, забившись в уголок телеги и укрывшись сверху куском грубой дерюги, – прямо скажу, то еще удовольствие. На фоне этого безобразия каморка Эри выглядела комфортабельными апартаментами.

Скудный завтрак из пары яблок, головки сыра и четвертинки хлеба, и снова в путь. Тряска, ворчание возниц, ржание лошадей и, как самое высшее наслаждение, – отсутствие дождя.

Ехали неторопливо, местность вокруг в такт крестьянским лошадкам неспешно менялась. Сначала исчезли заливные луга обычной травы, вместо них заколосились поля сочной пшеницы. Изредка стали попадаться путники. В основном такие же жители близлежащих деревень, идущие на ярмарку.

– Хломдорг, – сообщил возница.

Как староста и сказал, дорога до вотчины дьюка Харальда заняла сутки с лишком.

Я привстал в телеге, вытягивая шею. И почти сразу разочарованно выдохнул. Черт его знает, на что рассчитывал, но уж точно не на то, что увидел.

Город… хм-м… пожалуй, это наименование слишком громкое название для раскинувшегося в основании холма поселения. Скорее уж большая деревня. На что-то более значительное в беспорядке раскиданные домики не тянули. Деревянные здания никак не походили на приличные городские постройки.

Замок на возвышенности в центре выглядел тоже не ахти. Фундамент и треть первого этажа, может, и каменные, но все, что выше, тоже из обычного дерева. Точнее, из плотно сложенных толстых бревен.

Все это добро окружала стена. Ну как стена, земляная насыпь, поверху шли вытянутые срубы, щедро обмазанные красноватой глиной. Двое ворот выходили на север и юг, над каждым располагались приплюснутые башни лучников.

Твердыня первого повстречавшегося мне феодала в новом мире выглядела невзрачно и неказисто. Страшное захолустье, – вот что приходило на ум, стоило увидеть городок дьюка.

Как-то сами собой возникли сомнения, что в этой дыре у людей найдется достаточно денег для приобретения более десятка хороших коней. На фоне убогих строений, едва ли лучше, чем в деревне, откуда мы прибыли, башня алхимика выглядела подлинным шедевром архитектурного творчества.

– Надеюсь, у них найдется хотя бы пара монет на порошки старика, – проворчал я под нос.

Мы не поехали в город, как подспудно ожидалось. Ярмарка проходила в предместье, несколько в стороне, где уже раскинулся целый лагерь пестрых шатров и палаток. Вот туда наши телеги и повернули.

Глава 13

Угли в жаровне потрескивали, мигая красными огоньками. Тренога немного покачивалась, удерживая широкую сковородку.

Сначала на закопченную поверхность упал большой кусок масла. Послышалось шипение. Следом посыпались кусочки мелко порезанного лука вперемешку с тонкими листами рубленого мяса.

Началось неспешное перемешивание. Сковородка шкворчала, брызгала расплавленным жиром. Очень скоро лук стал коричневым, а мясо обзавелось поджаристой корочкой.

Заранее разбитые яйца ждали своего часа в отдельной глубокой плошке. Желто-оранжевая масса вылилась одним махом, моментально заполнив всю сковородку и погребя под собой мясо и лук.

Тут же сверху посыпалась соль и бледно-зеленая травка с острым запахом специй.

По залу харчевни поплыл одуряющий аромат почти готовой яичницы. Многие посетители неосознанно оборачивались.

Я гулко сглотнул, в унисон заурчал желудок, с самого утра в нем маковой росинки не было, за исключением нескольких глотков колодезной воды.

В зале светло и просторно, людей мало, большинство уже разошлись, ярмарка в самом разгаре, глупо терять время, сидя в таверне, когда и в обычный день можно этим заняться.

Так считали жители Хломдорга, и кто я такой, чтобы с ними спорить? Так даже лучше, нет давки и посвободнее за столом будет.

– Морс или эль? – трактирщик, занимающийся готовкой, бросил на меня оценивающий взгляд.

Хм-м, эль походил чем-то на пиво, и в любое другое время я бы от него не отказался. Однако сейчас имелись две веские причины выбрать безобидный напиток из ягод. Первое – необходимость сохранять ясную голову. Второе – возраст Эри. Тщедушное телосложение не позволит без последствий употреблять в приличных количествах хмельное. Боюсь, и пинты хватит с лихвой, чтобы вырубиться.

– Морс, – выбрал я.

Лицо владельца харчевни осталось невозмутимым. Никаких намеков на то, что мужчины должны пить что-то покрепче.

– Есть еще сбитень, сидр, квас и медовуха, – прокомментировал он.

Я задумался, кажется, половина из представленного тоже

несла в себе алкоголь. Ну, квас точно нет, а остальные не знаю. Наверное, проще не рисковать, дегустацию лучше проводить при других обстоятельствах, в другом окружении и в другом месте.

– Пусть будет морс, – я окончательно поставил точку в выборе напитка и добавил к заказу: – Еще хлеба и какой-нибудь зелени.

Мужик невозмутимо кивнул, будто ожидал услышать нечто подобное. Выглянувшей дородной служанке последовало приказание принести чего-нибудь на закуску к основному блюду.

Я уселся у окна и блаженно вытянул ноги. Устал. С раннего утра язык на плече. Суматоха с размещением, обход базарных рядов, общение с торговцами, внимательное изучение представленных товаров и попытки пристроить свое барахло.

Образ подростка мешал вести разговоры, приходилось брать с собой старосту. Без него не воспринимали всерьез. И дело скорее не в возрасте, а во внешнем виде. Правильно говорят – встречают по одежке. И хотя я уже не походил на обычного деревенского парубка благодаря нетипичной для сельской местности одежде, взятой с трупов залетных бандитов, на более представительную персону я тоже, к сожалению, пока не тянул.

К тому же меня тут первый раз видели, что тоже накладывало отпечаток, ведущий к недоверию.

Поэтому лидер нашей деревенской делегации шастал со мной, личным присутствием подтверждая, что ничего не ворованно и все вещи можно смело покупать. В том смысле, что на следующий день не придут разгневанные хозяева, искать украденное добро.

Одежду мародеров отмыли, почистили еще в деревне. Удалось сдать скопом какому-то приезжему мелкому купчику за сорок серебряных монет.

С кожаной броней и элементами снаряжения пришлось повозиться. Специфичный товар оказалось не так легко пристроить, как всякую мелочь, быстро скинутую разным лоточникам. Но в конечном итоге обшитые железом куртки и пару кольчуг взял оружейных дел мастер из замка.

Дал немного и, скорее всего, цену сильно зажал, но больше желающих на покупку не нашлось. Выбирать не приходилось.

А вот с единственным мечом и боевыми топорами возникла проблема. Оружие брать никто не хотел, несмотря на то что оное вроде как было довольно приличного качества. Если сравнивать с поделками того же умельца из замка.

Такая же история с лошадьми. Кони дезертиров совсем не похожи на обычных крестьянских кляч, всем казались слишком дорогими и не приспособленными к ведению хозяйства.

Кто-то посоветовал обратиться к кастеляну крепости, мол, тот может купить и оружие, и животных. Но где искать приближенного дьюка, нам никто не сказал. Пожимали плечами, бормотали, что должен обязательно прийти, возможно вместе с хозяином, как только последний разберется с какими-то гостями.

Оказалось, к местному феодалу намедни приехала целая делегация. Свидетели говорят, чуть ли не боевой отряд. И не чета убитым бандитам. Все в латах, с мечами на боку и щитами. Натуральное воинство под трепещущим на ветру флагом.

Событие для местных краев исключительное. Судачили все кому не лень, гадая, кто и зачем прибыл к Харальду.

Вчера часть приезжих солдат куда-то уехала в сопровождении дружинников дьюка. Говорили, что их потом видели на проселочных дорогах и главном южном тракте.

Услышав об этом, я поначалу встревожился. В захолустье нагрянула группа до зубов вооруженных амбалов. Не связано ли данное событие с беглыми дезертирами? А если да, то как отреагируют пришельцы на то, что преступников уже нейтрализовали? Черт его знает, может, за тех уродов вознаграждение полагалось. Логично, что охотники за головами расстроятся. Кому в таком случае будут выдвинуты претензии? Вот и я о том же.

Но чуть подумав, отказался от этой мысли. Отряд латников в полсотни рыл, в полных доспехах, под предводительством благородного аристократа (сплетники уже пронюхали, что в гостях у дьюка сидел чуть ли не граф) в погоне за обычной бандой разбойников и мародеров?

Нет, что-то не вяжется. Это все равно что какую-нибудь драную «Дельта Форс» посылать за кучкой беглых заключенных. Слишком масштаб несопоставим. Там явно что-то другое.

После распродажи части трофеев у меня завелось немного деньжат. И первое, что сделал – приобрел дорожный плащ. Из плотной шерсти, с глубоким капюшоном, почти до пят, с удобными подвязками. Очень практичный и очень теплый. То, что надо, спать завернувшись на промозглой земле. С такой обновкой не будешь просыпаться, стуча зубами от холода.

Десятую часть вырученных средств честно отдал старосте. Обманывать крестьян не входило в мои планы.

Кстати, они сами тоже не просто так приехали на ярмарку. Привезли оброк в виде части урожая для Харальда и заодно кое-что на продажу. Зерно, овечью шерсть, мед, пеньку, лен и масло в пузатых кувшинах. Большая часть пойдет на прямой обмен, в основном сельскохозяйственные инструменты типа сохи, плуга, топора, пилы, наконечников для стрел и другой похожей

мелочевки из железа.

– Вот, – хозяин харчевни водрузил на подставку исходящую паром сковородку с огромной яичницей.

На отдельной тарелочке легли порезанный козий сыр и сельдерей. Упомянутая закуска, видимо. Ну и ладно, пойдет. Следом со стуком на столешницу опустилась внушительная деревянная кружка, до краев наполненная морсом из ежевики, малины и еще каких-то ягод. Сверху плавали кусочки мяты.

Хм-м… а недурственно. От сковородки шел умопомрачительный запах. До сих пор что-то булькало и дымилось.

Я сглотнул. Потрясающе. Ну сейчас точно удастся погасить чувство постоянного недоедания Эри. Какая огромная сковородка. Специально взял самую большую, какую можно заказать.

Когда староста заявил, что обедать деревенские будут у телег и вообще там же ночевать и фактически жить на все время пребывания на ярмарке, я взбунтовался и заявил, что не собираюсь питаться впроголодь и спать на сырой земле. Хватит с меня спартанских условий. Если есть возможность, то почему бы не улучшить условия проживания? Не посреди поля стоим.

Кажется, мужики встретили мое заявление с одобрением. Держать поблизости ученика злобного колдуна никто особо не хотел. Поэтому мы расстались на некоторое время. Я отправился в город похарчеваться и найти постоялый двор, а крестьяне остались на ярмарке.

– Ну-с, приступим, – я приподнял деревянную ложку, намереваясь погрузить ее в сковородку.

– Не великовато для одного мальца? – совершенно неожиданно пробасили над головой.

У моего стола остановился битюг, из тех, про кого говорят: косая сажень в плечах. Высокий, здоровый, едва не упирающийся макушкой в балки перекрытия крыши, он завис надо мной, как скала. Морда заросшая, с густой бородой, темные волосы длинные, почти до плеч. Одет в простые домотканые штаны и рубашку, поверх лежала кожаная жилетка. За широкий пояс заткнут огромный топор.

– Может, поделишься с усталым лесорубом? – пробасило существо, судя по облику, близкий родственник гориллам.

И не спрашивая разрешения, уселся на лавку напротив, ловко выхватывая из-за пазухи ложку, больше похожую на черпак.

Бесцеремонное вторжение в таинство принятия пищи вызвало вспышку злости с моей стороны. Комплексы Эри насчет постоянного голода послужили источником бешеной ярости. Отобрать у него кусок хлеба значило то же самое, что пытаться

отобрать его у бродячей собаки. Отпор следовал незамедлительно, на уровне безусловных рефлексов.

Из моего горла вырвалось глухое рычание. Появилось странное чувство, по телу растеклась волна горячего жара. Взявшаяся непонятно откуда и в мгновения ока охватившая весь организм сверху-донизу.

Я толком ничего не успел подумать, как рука сама метнулась вперед, хватаясь за ложку детины.

Секунда – и огромный столовый прибор, выточенный из дуба, принялся быстро покрываться черными трещинами.

Еще один вздох – и ложка осыпалась на стол горсткой пепла.

Лесоруб растерянно замер, маленькие глазки расширились от изумления, став похожими на блюдца. Ошалелый взгляд блуждал от пустой мозолистой ладони к горке темного крошева, все, что осталось от любимого столового прибора.

– Ты чего это? – пораженно выдохнул мордоворот.

Вместо того чтобы тоже удивиться, я с нехорошей улыбкой протянул руку к мясистому носу детины.

Реакция не заставила себя ждать, с резким визгом, совсем не подходящим для столь массивной фигуры, любитель халявы как пробка выскочил из-за стола и молнией метнулся к выходу, едва не потеряв по дороге огромный топор.

Я проводил взглядом исчезающую в дверном проеме широкую спину и покачал головой.

– Ходют тут всякие, а потом слоны пропадают, – не знаю зачем пробормотал я.

Спонтанное применение магического дара поразило внезапностью. Видимо, упорные тренировки последних суток прошли не зря. Что-то внутри щелкнуло, и в критический момент способность к преобразованию сработала. А если быть точным, то даже выстрелила, плотину прорвало под влиянием всплеска сильных эмоций.

Сам не ожидал, что так получится. Все случилось так быстро и неожиданно, что понадобилось несколько секунд, чтобы осознать происходящее. А как только осознал, то сразу же вновь попытался вызвать ощущение всепоглощающего жара.

Ничего. Пусто. Мало того, в теле появилась легкая усталость. Не критичная и почти незаметная, до стадии слабости не дотягивала, но все же она воспринималась четко и ясно. Как если бы поднял что-нибудь тяжелое, подержал на руках, а затем опустил обратно.

Книги не врут, применение магии и впрямь напрямую связано с организмом. Чары питались от внутренних сил колдующего. Надорвешься, попробуешь взять высоту не по зубам,

и вполне реально грохнешься в обморок, а то и похуже, вплоть до состояния – склеил ласты.

М-да, пожалуй, надо с экспериментами поосторожнее. А то и правда чего случится. Обычное переутомление, в принципе, не страшно, решается банальным отдыхом. А более серьезные последствия? Бывают вообще?

Я вдруг понял, что на самом деле мало знаю о магии. Поверхностно, что не слишком хорошо. Не помешает изучить вопрос углубленно. Иначе черт его знает до чего доиграюсь.

Любопытно, Гренвир специально не заострил внимание на этом аспекте? Предупредить, конечно, предупредил, но как-то вскользь, не напирая на потенциальную опасность.

Еще одна проверка? На здравомыслие и сообразительность. Мол, если не хватит мозгов самому вовремя остановиться, значит, не судьба. Бывает, стоило думать башкой, а не бросаться в омут без оглядки.

Натуральный естественный отбор в действии. Прямой намек, что никто тебе подтирать сопли не будет. Не справился – сам виноват. Простая методика суровой школы жизни. Алхимик – учитель, но никак не воспитатель и тем более не нянька. Слабым в рядах магов не место.

Истина, которую следует запомнить и намертво вбить в голову. Иначе однажды сдохнешь и сам не заметишь.

Я задумчиво взял щепотку черного пепла и медленно растер между большим и указательным пальцами. Все не так просто, как могло показаться на первый взгляд. Безопасно и без последствий стать могучим алхимиком не получится. За всё приходится платить. В том числе за обладание магическим даром.

Особенно за обладание магическим даром.

– Приветствую уважаемого ученика достопочтимого Пауля Гренвира, старца из башни, – вдруг раздалось у стола.

Я так увлекся размышлениями, что опять проморгал появление очередных гостей рядом с собой.

Нет, с этим положительно надо что-то делать. Перестать отвлекаться и быть рассеянным. А то скоро плащ из-под носа утащат, а я обнаружу пропажу, лишь когда захочу выйти на улицу. Стоит быть более внимательным и не зевать.

– И вам доброго дня, – отозвался я, подняв глаза на гостей.

Трое. Здоровые. Почти как недавно удравший амбал (приятели?), одеты просто, но практично. В одежде преобладали зеленые и коричневые цвета. У двоих за плечами выглядывал лук, у того, кто заговорил, за поясом висел большой охотничий нож в ножнах из выделанной кожи.

Я с ожиданием уставился на троицу мужиков, внутренне

подобравшись. Еще одна разборка? Чую, вновь провернуть фокус с ложкой не выйдет. К тому же, по сравнению с предыдущим забиякой, эти выглядели гораздо опаснее.

Собранные, глаза смотрят настороженно, ожидая подвоха. Создавалось впечатление, что видят не только то, что перед собой, но и сзади успевают все подмечать.

– Можем поговорить? – спросил первый и указал на лавку.

Хороший знак. Не стал вальяжно садиться с чувством полного превосходства. Может, и впрямь хотят просто пообщаться? Вопрос: о чем?

– Конечно, – я кивнул и немного отодвинулся от края стола, оставляя себе место для маневра.

Главарь заметил движение и понимающе улыбнулся. Сел напротив, намеренно положив пустые руки на стол, чтобы оставались на виду.

– Дело вот в чем… – начал говорить он.

* * *

– Хлипковат больно, – с сомнением протянул Стафф. – Ты точно уверен, что это он?

– Он, он, – горячо зашептал Бигги. – На него указали сразу несколько человек. Малец прибыл с обозом из деревни рядом с башней алхимика. Приехавшие с ним говорят, что это ученик самого старца. И что он самолично несколько дней назад убил волшебством больше десятка разбойников.

– Этот? – брови Рона удивленно приподнялись. – Да он же еще щенок. Ты только глянь на него. Одним пальцем перешибить можно.

В голосе говорившего слышалась явственная насмешка. Сидящий на другом конце зала пацан и впрямь не мог похвастать особо крупным телосложением. Среднего роста, щуплый для своего возраста, плечи узкие, руки тонкие. Задохлик, одним словом.

Но будучи главным, в отличие от напарников, Стафф умел подмечать детали, схватывая на лету.

– Ты забываешь, что ему не надо быть здоровяком, чтобы расправиться с кучкой таких же, как ты, недалеких болванов, – буркнул он.

Рон набычился, собираясь заспорить, однако Бигги поддержал вожака:

– Чего ему махать мечом? Взмахнул рукой, и все попадали, – пробурчал Бигги. – Чернокнижникам не нужно оружие, чтобы

убивать.

Рон моментально заткнулся. Напоминание, что они имеют дело не с обычным деревенским мальчишкой, отрезвило. Как-то непривычно все это.

– Думаете, молокосос сдюжит с «паутиной»? – недовольно пробухтел он, оставлять последнее слово за Бигги ему не хотелось.

– А у нас есть особенный выбор? Может, хочешь пойти к его учителю и предложить сотрудничество? – язвительно спросил Стафф.

Второй член команды еще больше помрачнел. О Пауле Гренвире ходила недобрая молва. Старый алхимик имел скверный нрав и не отличался особой дружелюбностью. Непредсказуемость мага-отшельника заставляла держаться от него подальше.

– Вы знаете, что на кону, – усилил нажим предводитель. – Нам самим не сдюжить. Нужна помощь того, кто разбирается в чародейских штучках. Сами видели, что там творится.

Две лохматые головы согласно качнулись. Бигги чуть не отрезало руку, когда они попытались войти внутрь найденного сокровища.

– Так мы и не против, командир, – зашептал Рон. – Но вдруг пацан не справится? Может, его сначала надо проверить? Испытать.

– Вот-вот, – поддержал приятеля Бигги. – Мы ему все выложим, а он поймет, что ему это не по зубам, и побежит к учителю. А тот известная сволочь, все об этом знают. Нас подвинет и себе все заберет.

Стафф поджал губы, проклиная несговорчивость компаньонов. Иной раз его жутко злило, что приходилось мириться с их мнением. Но они ему не дружинники, а он не дьюк, чтобы просто так приказывать и ждать беспрекословного подчинения. Они вольные люди и должны иметь право голоса. Именно стремление к свободе в свое время собрало их вместе.

Уже многие годы они втроем промышляли во владениях заносчивых феодалов и королей, игнорируя закон о запрете бить крупного зверя в лесах, принадлежащих благородной знати. Рисковое занятие, петля за браконьерство останавливала многих, но не их.

А недавно им сказочно повезло, в глухой чаще они наткнулись на одно из чудес этого мира – Блуждающую башню. Все попытки попасть внутрь закончились неудачей, зачарованное строение крепко хранило свои тайны от простых смертных. Требовалась помощь причастного к Искусству, чтобы пройти

сквозь заклятье охраны.

Рассеянный взгляд вожака пробежал по залу харчевни и случайно наткнулся на сидящего неподалеку человека. Судя по виду – лесоруб. Бородатый, здоровый – то, что надо.

– Проверку хотите, – пробурчал Стафф. – Будет вам проверка.

Легко встал и прошел к скучающему лесовику. Быстро о чем-то поговорил, две монетки перекочевали из его рук в крупные мозолистые лапища. И вернулся обратно.

– Что ты сделал? – первый спросил Рон.

Бигги лишь приподнял правую бровь, молчаливо поддерживая интерес товарища. По лицу Стаффа скользнула загадочная улыбка.

– Сейчас сами увидите, – сказал он и мотнул головой в сторону столика, где собирался обедать ученик затворника-алхимика.

Тому как раз принесли огромную сковородку с шипящей яичницей, сельдерей, козий сыр, хлеб и большую кружку с каким-то напитком.

Рон и Бигги с одинаковым выражением ожидания повернулись и уставились в дальний конец зала. Оба не понимали, что задумал лидер команды.

Мужик, с которым перебросился парой слов Стафф, подорвался с места, тяжелые сапоги гулко затопали по деревянному полу в направлении сидящего в одиночестве паренька.

Дальнейшее изумило до глубины души наблюдателей. Успевший присесть буквально на пару секунд к чужому столу детина подскочил вверх, едва не перевернув лавку, и опрометью бросился прочь. В карих глазах плескался ужас.

– Что он с ним сделал? – Бигги от удивления приоткрыл рот.

Широкая спина лесоруба не позволила рассмотреть, что случилось между ним и мальчишкой. Ясно одно – сопляк напугал его знатно. Вон как понесся на улицу, на ходу едва не теряя портки.

– Ну что, у кого-то еще есть сомнения? – осведомился довольный собой Стафф. – Пошли.

Пока подходили, удалось рассмотреть в подробностях кандидата на помощь в магических делах. Неровно обрезанные золотистые волосы, уже упомянутое хлипкое телосложение, на губах гуляла злая улыбка, взгляд колючий, ершистый. Чем-то ученик чародея напоминал ощетинившегося волчонка.

Рассказ браконьеров парнишка слушал, одновременно опустошая стоящую перед ним вместительную сковородку. Ел быстро, удивляя зверским аппетитом даже бывалых лесовиков, по

себе знающих, как мог разгуляться аппетит после долгого блуждания в чащобах.

Когда Стафф замолк, юнец тщательно облизал ложку и преспокойно взялся за козий сыр. Сельдерей исчез вместе с яичницей.

– Так чего вы от меня хотите? – осведомился он, дожевав последний кусочек и переключаясь на кружку с морсом, к этому моменту опустошенную уже наполовину.

– А сам как думаешь? – теряя терпение, брякнул Бигги.

Стафф же не стал ничего говорить, молча покосился на горстку странного пепла на столешнице, замеченную им еще в начале разговора, и предостерегающе ткнул локтем в бок раздраженного собрата по нелегкому ремеслу.

– Я думаю, вы сошли с ума, если ожидаете, что мне удастся снять могущественные чары с древней башни волшебства, – как ни в чем не бывало заявил парень, несдержанность одного из собеседников он предпочел пропустить мимо ушей.

– Мы думаем, двери закрыты лишь для простых людей, обладающих даром башня пропустит, – быстро вставил Стафф, не давая приятелям сказать еще что-нибудь неприятное, что заведет и так непростой разговор в тупик.

Ученик алхимика помедлил, обдумывая услышанное утверждение, не забывая при этом прихлебывать ягодно-травяной морс.

– Такое тоже может быть, – допустил он и тут же сам себе возразил: – Хотя и не факт.

Помолчали. Каждый думал о своем. Стафф надеялся уломать пацана, потому что… Да потому что других вариантов не имелось. Если в ближайшие дни ничего не сделать, Блуждающая башня, как и в сотнях раз до этого, растворится в молочно-белом тумане, растаяв в первых лучах восходящего солнца. Ее исчезновение описывалось в преданиях, и множество людей видели это собственными глазами.

– Далеко идти? – придя к каким-то выводам, осведомился молодой ученик алхимика.

Вожак браконьеров с облегчением выдохнул – получилось, и сообщил:

– До вечера доберемся.

Глава 14

Мохнатые тяжеловозы ступали степенно, покрытые шерстью ноги необычных коней (здоровые буйволы, зашибут – не заметят) передвигались неспешно, создавая впечатление медленной скорости. Но так было только на первый взгляд, оставшиеся позади пешие путники и обгон немногочисленных телег на дороге наглядно показывали, что лошадки передвигались резво, несмотря на обманчивое впечатление неторопливости.

Стафф, Бигги и Рон – необычные личности, выбивающиеся из крестьянской среды необычным занятием. Браконьерство. За это дело в нынешние времена следовало всегда одно наказание – виселица. Феодалы запрещали бить на своих землях крупного зверя, поймают, без лишних слов к ближайшему дереву и в – петлю.

Хуже только королевские егеря. Эти сначала поизмываются вволю, затем отвезут в столицу и вздернут на центральной площади на радость толпе. Мертвецы будут болтаться еще несколько дней, служа развлечением жителям, пока тела наконец не выбросят на свалку отходов.

Обо всем этом мне с гордостью поведал Рон, рассказывая, какие они отчаянные и рисковые ребята. Я сидел у него за спиной на коне и вынужденно слушал байки красовавшегося ловца запретной дичи.

Добывали они разных животных. Оленей, кабанов, диких козлов, медведей. Зарабатывали неплохо. В ход шло не только мясо и шкуры, но и сопутствующие ингредиенты.

Тертые оленьи рога неплохо брали знахари. Кабаньи клыки, особенно большие, с удовольствием забирали мелкие торговцы, делавшие из них потом амулеты. Печень медведя вообще шла на ура. Считалось, что она помогала от различных заболеваний, служа верным средством как от банальной простуды, так и от более серьезных недугов.

Отдельно стояла лесная кошка. Судя по описанию, помесь пантеры и гепарда являлась одним из самых опасных хищников на материке. Убить эту тварь было невероятно сложно, как правило, семь из десяти охотников оканчивали свою жизнь в попытках только вы-следить ее, двое возвращались ни с чем, и лишь одному удавалось затеянное.

У нее ценилось почти все, но отдельно стояли глаза. Многие думали, что если глаза лесной кошки правильно приготовить и съесть, то можно поправить испортившееся зрение.

Имелось множество рецептов, как именно надо их готовить.

Кто-то говорил, что сначала необходимо высушить, оставить на несколько дней на солнце, затем мелко порезать и есть в таком виде. Кто-то заявлял, что необходимо добавлять в особый отвар и пить его в течение недели на восходе каждого дня, обязательно глядя на солнце. Попадались и более мерзкие способы, которые ничего кроме отвращения не вызывали. На их фоне рытье могил и поиск скелетов выглядели невинной забавой.

Что самое паршивое, Рон не нашел ничего лучшего, как начать в подробностях обсасывать каждый подобный рецепт, объясняя, какой из них верный и непременно поможет, а какой полная ерунда.

Вскоре мне надоело слушать эту гадость, и я от нечего делать принялся вставлять колкие замечания, пользуясь своими невеликими познаниями в алхимии, поясняя, почему тот или иной метод готовки не сработает. В основном касаясь тех, что у Рона считались верными и проверенными.

Ядовитый сарказм сработал, пробурчав что-то насчет скверного характера не ушедшего далеко от учителя ученика, браконьер обиженно замолк и на протяжении остатка пути больше не сказал ни единого слова. Что меня, в общем-то, всецело устраивало. Слушать после сытного обеда всякий вздор, приправленный омерзительным гастрономическим привкусом, совсем не хотелось.

Мы продолжили путь в тишине. Три лошади и четыре всадника.

Да, кому-то может показаться безумием отправляться подростку неведомо куда с тремя взрослыми бугаями, познакомившись с ними буквально пару минут назад.

И происходи подобная ситуация на Земле в двадцать первом столетии, я бы первым сказал, что это не просто необдуманное поведение, а совершенный идиотизм, граничащий с сумасшествием.

Но тут надо учитывать реалии данного мира. Обычный подход, более чем логичный и оправданный в родных пенатах, тут срабатывал по-другому.

Во-первых и, пожалуй, в основных, мое ученичество у алхимика. Здесь никто и никогда в здравом уме не станет связываться с чародеями или их подмастерьями. Если только очень сильно не прижмет. По крайней мере из числа простолюдинов так точно. Благородные могут ввязаться в какую-нибудь интригу с участием одаренных и действовать против них. Но там тоже имелись особенности и нюансы.

Магов очень мало. Народная молва приписывала им всякого рода характерные черты, как правило с негативным оттенком. И

мстительность среди них всегда выделялась.

Грабить подмастерье Старца из башни ради нескольких серебряных и медных чешуек? На такое пойдет только умственно недоразвитый. Любой другой остережется и выберет цель попроще, без риска подцепить какое-нибудь проклятье на собственную шкуру. Самые отъявленные злодеи пять раз подумают, прежде чем лезть к человеку, связанному с колдовством.

В этом плане суеверия обывателей служили мне неплохим щитом от необдуманных действий. Конечно, при условии, что они знали, с кем имели дело.

Так что я не боялся, что меня тюкнут по голове чем-нибудь тяжелым, оберут и оставят в сточной канаве истекать кровью. Остерегутся. Наверное… Я надеюсь.

Опасался, конечно, чего скрывать, но не думал всерьез, что заманивают в ловушку. Троица приятелей производила адекватное впечатление в том плане, что их интересовал вовсе не я и не мои жалкие пожитки, а кое-что гораздо более ценное. В глазах браконьеров прямо-таки светилась жажда завладеть сокровищами зачарованного места.

Блуждающая башня.

Это название нередко попадалось в прочитанных книгах. Феномен башни изучался многими имеющими отношение к Искусству. Некоторые особенно рьяные энтузиасты тратили на это целую жизнь.

И почти никто так и не ответил на вопрос: что же это на самом деле такое – Блуждающая башня.

Она появлялась в разных местах в разное время. Выныривала из ниоткуда, возникая прямо из воздуха, стояла несколько дней, а затем исчезала в дымке тумана.

Говорили, что туда могут зайти исключительно маги. И что чем сильнее дар, тем выше можно подняться по лестнице, проходя один этаж за другим, обретая по пути невиданные знания и силы. И что поднявшийся на самую вершину обретал могущество, позволяющее без труда подчинить себе весь мир. Ну и еще целый букет всяких слухов и домыслов.

Селяне рассказывали страшные сказки на ночь о монстрах, что вырываются из Башни, чтобы похищать непослушных детей.

Среди горожан ходило мнение, что если Башня однажды появится посреди какого-нибудь города, то когда она исчезнет, и город заберет вместе с собой. А заодно и всех жителей.

У дворян бытовало мнение, что внутри спрятаны тайны, позволяющие жить бесконечно долго (привет Гренвиру) и сохраняющие красоту и свежесть молодости вечно.

В припортовых кабаках и придорожных тавернах среди разбойного люда упорно ходила молва о горах золота, что скрывали стены колдовского строения.

Короче, у каждого имелось мнение, что находилось внутри. Как говорится, кому чего не хватало, тот о том и мечтал. Или боялся, если речь шла о простолюдинах, в основном не ожидавших от жизни ничего хорошего.

Услышав о Блуждающей башне, я сначала подумал, что меня разыгрывают и что трое ухарей и впрямь решили ограбить ученика старого алхимика, проведав, что тот распродает вещи на рынке. Кто его знает, возможно, все трое беглые каторжники, кому терять уже нечего и кому смерть от заклятий чернокнижника кажется не такой уж и плохой участью.

Но они говорили так убежденно, в глазах всех троих светилась настолько сильная одержимость, что я поверил. Они походили на людей, поймавших жар-птицу. Подобный шанс выпадал раз в жизни, каждый из троицы это понимал и поэтому был готов на всё, лишь бы его не упустить.

Похвальное рвение, если подумать. И вполне объяснимое. Я нутром чуял, что эти трое жилы будут рвать, лишь бы попасть внутрь.

И чего уж греха таить, решил воспользоваться этим рвением в своих корыстных целях. Не знаю, нашли ли они действительно ту самую Башню, или трем усталым браконьерам после блуждания по лесу на протяжении нескольких дней кряду только показалось и речь шла о какой-нибудь старой заброшенной каменной хибаре, но если все правда и они действительно волей судьбы наткнулись на нее, то потенциальные выгоды слишком очевидны, чтобы так легко отказываться от идущей в руки удачи.

Откажи я им, а потом расскажи об этом Гренвиру, то старик, наверное, будет ржать как ненормальный. И еще целую вечность станет припоминать мне этот случай проявленного кретинизма.

Потому что окажись он на моем месте, то вполне возможно, и слушал бы россказни «грязных лесных придурков», презрительно кривя тонкие губы, но обязательно бы поехал и проверил, на случай, если вдруг все окажется правдой.

Вот и я поехал. Особенно после того, как только что получил зримое подтверждение у себя наличия магического дара. Пусть и слабенького, но все же реального дара. Чего уж скрывать, осознание себя настоящим чародеем подстегивало, окрыляло, внушало гордость и служило источником эйфории.

– Скоро будем, – Стафф, главный среди «веселой» троицы, обернулся в седле.

Потихоньку смеркалось, мы уже давно съехали с дороги и

углубились в лес. Сначала вокруг преобладали обычные лиственные деревья, затем пошел ельник. Мрачный, негостеприимный, встречающий путников тяжелым сумраком и сырым воздухом.

Интересно, а когда станет совсем темно, чем будем светить? Надеюсь, ухари захватили с собой достаточный запас факелов. Застрять в темном лесу на всю ночь без освещения – не самое приятное удовольствие.

Я задрал голову вверх. Верхушки елей тянулись далеко, но недостаточно, чтобы полностью закрыть небо.

– И где ваша башня? – я с сомнением покрутил головой. – Судя по описанию в книгах, Блуждающая башня должна возвышаться на много локтей в высоту. Мы бы ее уже увидели, если бы она была близко.

Стафф усмехнулся.

– Сейчас сам все увидишь, юный алхимик, – сказал он.

Угрозы в его голосе не чувствовалось и вообще чего-то зловещего. Скорее веселье человека, готового удивить другого чем-то необычным.

Я пожал плечами и автоматически поправил плащ, шерсть то и дело цеплялась за иголки проплывающих мимо елок.

Любопытно, зачем они изначально забрались сюда? Выслеживали зверя? Верится легко. В таком мрачном лесу самое то жить какому-нибудь матерому бурому медведю. Он бы здесь смотрелся органично. Жутковатое местечко, не хотелось бы заблудиться.

– Всё, приехали. Дальше пешком, – спустя еще пару минут скомандовал Стафф.

И правда, дальше ехать верхом не получалось при всем желании. Густая вязь деревьев перекрывала дорогу намертво, просветов достаточных, чтобы проехали грузные тяжеловозы, не осталось.

Спешились, привязали коней. Судя по меланхоличному поведению, животных часто оставляли одних на долгое время.

– Не уведут? – зачем-то спросил я, хотя понимал, что в эту чащобу вряд ли заберутся воришки. Да и в целом любые случайные люди. Здесь либо охотников встретишь из числа таких же браконьеров, либо лесничих дьюка. Обычные крестьяне или путешественники сюда попросту не полезут.

Рон насмешливо фыркнул. Мой вопрос показался ему смешным, о чем он поторопился поведать. Еще не забыл насмешки в свой адрес насчет методов готовки требухи.

– Кто же здесь украдет коней? – с чувством превосходства осведомился он, глядя на меня свысока. Что с учетом его роста

оказалось сделать не трудно.

Я промолчал, надменно игнорируя весельчака. Ладно, пусть смеется, хрен бы с ним.

– Пошли, нам туда, – Стафф сохранял серьезный настрой, Бигги его поддержал, угрюмо толкнув в плечо Рона, мол, нечего ерундой страдать, есть дела поважнее.

Не могу с ним не согласиться.

Мы направились дальше, мои полусапожки проваливались в илистую почву на целый палец, за моими спутниками оставались еще более глубокие следы. Стало холодать и еще больше темнело.

– У вас есть факелы? – поинтересовался я.

– Они не понадобятся, – откликнулся Стафф.

Главарь браконьеров пер вперед напролом, оставляя позади широкую просеку. Здоровый бугай, блин. На таком дрова удобно возить, подумал я мимоходом, вспоминая наполовину опустевшую поленницу во дворе башни Пауля Гренвира.

В следующую секунду я остановился, замерев и раскрыв от изумления рот. Сделав очередной шаг, я самым неожиданным образом очутился на краю большой поляны. Вроде шли-шли и вокруг густой ельник, и тут раз – и как по мановению волшебной палочки деревья исчезли, а впереди возникло пустое пространство.

– Твою мать, – выдохнул я, не сдержавшись.

Поляна имела диаметр в сотню шагов, не меньше. Идеальные очертания ровного круга. Низкая трава светилась приглушенным мягким сине-зеленым светом, похожим на тот, что я уже видел в усыпальнице старого кургана и в пентаграмме заключения плененного бога.

Но не это в первую очередь привлекало внимание. Посреди поляны возвышалась, уходила в небеса гигантская башня. Сложенная из черных, отдающих матовой полировкой гранитных блоков, она поражала громадными размерами, изумляла и вводила в ступор.

Какого черта мы не видели ее раньше? Да о чем я?! Эту штуку можно легко рассмотреть из самого Хломдорга, и для этого не придется особенно забираться куда-то наверх. Она же огромна!

– Магия, – сказал Стафф, он понял, какие мысли меня одолевали в этот момент.

Представьте шпиль высотой в тридцать, а то и более этажей. Такую махину сложно не заметить. Особенно на фоне леса. Она должна зацепить глаза любого, кто скользнет случайным взглядом по вершинам деревьев.

Но ее почему-то никто не видел. Чары маскировки? Видимо, да. Какая-нибудь ограниченная невидимость. Издалека

незаметно, подошел ближе – становится видна.

Я гулко сглотнул. По сравнению с представленной громадой, обитель алхимика смотрелась жалко.

Сколько в поперечнике? Два десятка метров? Больше? Что-то около того. Здоровенная махина.

– Когда мы увидели ее, то сразу поняли, на что на-ткнулись, – поделился Стафф.

У основания башни клубился блеклый туман, придавая ей некий призрачный вид. Казалось, еще чуть-чуть, и она растворится в наплывающей дымке.

Я вспомнил истории о Блуждающей башне с ее постоянными появлениями и последующими исчезновениями. Что бывает с людьми, не успевшими выйти назад, когда она перемещается на очередное место?

– Вы знаете, сколько она уже здесь стоит? – поинтересовался я, делая шаг вперед.

Стафф тут же выбросил руку вперед, хватая меня за плечо.

– Осторожней, здесь есть и другие заклятья, – предупредил он.

Я послушно остановился, неосознанно стрельнул глазами под ноги. Естественно, ничего не разглядел.

– А насчет времени не знаю. В народе говорят, что когда Башня готовится уходить, туман вокруг нее сгущается и растекается по округе.

Ну да, людская молва врать не будет. Особенно почерпнутая вечерком из уст трактирщика за кружкой доброго эля. Кому как не хозяину постоялого двора знать о таинственных древних колдовских сооружениях.

– А если мы окажемся внутри, когда она растворится в воздухе, что с нами будет? Не думали? – я покосился на главного охотника.

Стафф упрямо набычился, отступать он не собирался и при любых раскладах готовился рисковать.

– Не хотите идти, так и скажите, – неожиданно перейдя на «вы», буркнул он.

Я пожал плечами. С ходу отказываться я не собирался. Зря, что ли, ехал в такую даль? Стоило попробовать. Однако и очертя голову бросаться в омут не нужно.

– Давайте так. Сначала пойдем мы вдвоем. Бигги и Рон останутся здесь. Если дойдем до входа нормально, они подтянутся. Затем исследуем дверь и после заходим. Один останется у входа и будет смотреть, не изменилось ли чего снаружи. Если туман сгущается или происходит что-то еще, то предупредит остальных.

Знаю, план так себе и, мягко говоря, не отличался особой продуманностью, но на что-то более умное меня банально не хватило. Разве что всем поочередно привязаться веревкой на манер цепочки и топать, сохраняя между собой определенную дистанцию. Чтобы, если вдруг что случится, идущие позади могли вытащить того, кто попал в беду.

Примитивно, но иногда достаточно действенно. Как по болоту идти или взбираться по скалам. Чем проще, тем лучше.

– Хорошо. Я согласен, – Стафф посмотрел на Бигги и Рона. Последние ответили скупыми кивками. Все трое держались настороже, стреляя по сторонам нервными взглядами.

– Только хочу еще предупредить, что мы уже пытались зайти, и Бигги чуть не отрезала руку какая-то паутинка, – добавил Стафф.

Я вздрогнул.

– Какая еще паутинка?

Главный браконьер пожал широкими плечами.

– Прилетела откуда-то, стоило нам подойти слишком близко, – объяснил он.

Ничего себе обрадовал. Я, честно говоря, почему-то думал, что защитные функции башни носят исключительно нелетальный характер. Ну там оттолкнуть назад, поставить упругую завесу и не пускать, отшвырнуть ветром назад.

А тут все гораздо серьезнее. М-да, стоило раньше спросить. Все-таки не приходилось до этого играть роль расхитителя сокровищ.

Черт!

Я внимательно посмотрел перед собой. Может, ну его нафиг? С чего вообще утверждение, что обладателей магического дара Башня пропускает верно? Тоже небось байки из залов таверн.

И что делать? Сдавать назад поздновато. Возвращаться ни с чем не хотелось, вперед гнала жажда обретения новых знаний и возможности приобретения материальных благ в виде щедрой пригоршни золота. Будем правдивы с собой.

– Ладно, попробуем, – обронил я и ступил на исходящую холодным свечением траву.

Ничего не произошло. От слова совсем. Я осмелел и прошел чуть дальше. Опять ноль. Никакого противодействия. Я оглянулся на спутников, Стафф пожал плечами.

Пошел дальше. Ничего. Еще. Никаких препятствий. Лишь воздух вокруг светился, превращая поляну в волшебное место. Красиво.

Я уверенно зашагал вперед, позади семенил старший охотник. Высокие двустворчатые двери из потемневшего дерева –

вход в Блуждающую башню, быстро приближались. Перед ними находилось приземистое крыльцо и каменистые ступеньки, покрытые мхом и многочисленными щербинами.

Какое-то время казалось, что все нормально и «защита» отключилась. Но когда до входа оставалось буквально пару метров, на мои плечи неожиданно навалилась невероятная тяжесть, а перед глазами вспыхнула сеточка ослепительно-белых линий.

– Стой! – дико заорал Стафф.

Я и без его крика уже стоял, тупо не имея возможности пошевелиться. Невидимая сила давила с неумолимостью пресса. Тело пронзили незримые токи, воздух вокруг затрещал, запульсировал. Стало трудно дышать, кончики пальцев и ушей начали покалывать.

Накатила волна ужаса, обволокла и заключила сознание в крепкие объятия паники. По спине пробежали мурашки, следом организм затрясся в ознобе.

Что-то начало давить не только на физическую оболочку, но и пыталось добраться до разума. Подавить волю, взять под контроль, выворачивая мозг наизнанку. Словно внутри черепа принялись елозить липкие щупальца, с усердием исследуя его содержимое.

Я сосредоточился и представил у себя в голове кирпичную стену. Не знаю, откуда это пришло, может, мелькало где-то в прочитанных книгах, а может, видел в одном из роликов на ютубе, из тех, на которые наталкиваешься, бесцельно просаживая время в сети.

Сработал инстинкт самосохранения. Откуда-то появилась твердая уверенность, что если не сопротивляться, то чужая сила полностью поглотит меня. Сначала задавит сознание, а потом и сожжет тело, подведя в повисшей в воздухе полупрозрачной белой паутинке. Которая в свою очередь порежет на аккуратные дольки.

Но не тут-то было. Долго сопротивляться не удалось. Стена быстро рухнула, не выдержав давления, щупальца юркнули внутрь, закопошились под черепной коробкой на манер червяков, просеивая память через мелкое сито. В области затылка захолодило. Я не выдержал, сквозь сжатый рот протиснулся стон.

Получив доступ, волна ужаса и не думала отступать, наоборот, усилилась, захватывая все новые и новые участки моей личности.

А потом все внезапно исчезло. Разом. Перед глазами мигнуло, и окружающая реальность вернулась на круги своя.

– Эй, ты в порядке? – раздался голос Стаффа.

Я с трудом двинул рукой, проверяя, не отвалилась ли голова. Болела она страшно. Будто свинца налили, взболтали, а вылить обратно забыли. Лоб горел огнем, пальцы дрожали, во всем теле чувствовалась страшная слабость.

– Ишь ты, – удивленно крякнул один из бугаев позади, кажется, Бигги. – Глянь-ка, а паутинка исчезла.

Стафф потрясенно покачал головой.

– Видать, почуяла тебя башня, парень. За своего приняла, – глухо пробубнил он.

Чувствовал я себе скверно, поэтому лишь слабо кивнул.

– Пошли, – хрипло сказал я и двинулся на негнущихся ногах к потемневшим от времени дубовым дверям.

Глава 15

Массивная железная ручка поддалась под нажимом без труда, дверь скрипнула и приоткрылась.

– Сезам, откройся, – пробормотал я себе под нос по-русски.

Стафф подозрительно на меня покосился, непонятные слова на незнакомом языке прозвучали слишком необычно.

– Заклинание? – тут же влез Рон, тяжело дыша мне в ухо.

– Отвали, – я без стеснения ткнул назад локтем.

Сзади послышался всхлип. Удар вышел не сильным, зато удачно попал аккурат в солнечное сплетение. Кратковременная вспышка острой боли закономерно пришлась болтуну не по душе.

– Эй, больно же! – возмущенно воскликнул он.

– Заткнись! – яростно прошипел главный и многообещающе закончил: – Или сам добавлю.

Рон почел за лучшее не нагнетать и замолк. Все на нервах, командир мог так приласкать, тычок в пузо покажется лаской.

– Ну что, заходим? – Бигги топтался внизу, не поднимаясь на крыльцо вместе со всеми.

Я осторожно заглянул через створку, на всякий случай удерживая дверь между собой и проемом, готовый в любой момент захлопнуть ее обратно.

– Ну что там? – опять нетерпеливо заерзал Рон. И тут же схлопотал обещанный подзатыльник. Голова самого беспокойного охотника дернулась и ударилась лбом о старинный косяк. Удар прозвучал раскатом грома.

– Да тише вы! – теперь уже яростно шипел я.

Совсем охренели, блин. Ведут себя, как на попойке в кабаке. Близость мифических сокровищ будоражила кровь, заставляя забывать об осторожности. Еще немного, и все трое ломанутся внутрь не разбирая дороги. Глаза браконьеров застилал блеск алчности и жажды наживы.

Даже Стафф, казавшийся самым благоразумным, нетерпеливо перебирал пальцами в воздухе, словно уже считал желанные золотые монеты.

Придурки, совсем забыли, что случилось буквально пару минут назад. Лично на меня режущая паутинка, физический ступор и ментальное оцепенение оказали должное впечатление, заставив относиться к древнему колдовскому сооружению с определенной долей опаски.

Сейчас переступим через порог, а нас хвать – и еще одно заклятье накроет. Будем таращиться в никуда, пытаясь вырваться из насланных сновидений. Или еще что похуже. Арсенал магии

велик и, судя по всему, создатели Башни припасли немало сюрпризов для нежданных гостей. По крайней мере, мне так казалось. Оттого и медлил, не спеша вламываться внутрь на манер кабана в поисках сладких орешков.

– Чего стоим-то? – опять подал голос Рон. Небольшая трепка от командира им уже благополучно забылась.

– Я тебе сейчас по морде дам, – пообещал Стафф, а сам повернулся ко мне и спросил: – Ну что там видно?

– Обычный вестибюль, – честно ответил я, поняв, что еще немного, и меня попросту оттолкнут в сторону и ввалятся внутрь, несмотря на риск еще одних магических ловушек.

Говорю же, вся троица исходила нетерпением начать сбор долгожданных сокровищ. Хотя, откровенно говоря, никто им не обещал, что внутри будут горы золота.

– Обычный вестибюль? – переспросил Стафф.

– Ага, – подтвердил я и наконец распахнул дверь во всю ширь, дав возможность полюбоваться на содержимое башни.

Вот обычность меня и смутила. Не знаю точно, что ожидал увидеть, но точно не заурядный просторный холл, какой можно встретить в феодальном замке средневековья.

Неровная каменная кладка, на стенах железные держатели, в них полыхают факелы, бугристый пол, деревянные лавки, картины с уродливой мазней и грубыми рамками, с потолка свисает на металлических цепочках большая люстра, утыканная свечами. Помещение большое, справа широкая лестница уходит вверх плавной спиралью, слева и по центру проходы, ведущие в другие комнаты, там же виднеется коридор.

Увидев на одной из тумбочек блестящий поднос, кувшин и два кубка, Рон не выдержал и буквально прыгнул вперед.

– Стой! – крикнул я.

Поздно, нетерпеливый дебил уже щупал утварь, проверяя на зуб.

– Серебро! Клянусь всеми богами, серебро! – восторженно завопил он.

Главный охотник задумчиво посмотрел на обтесанные каменные плиты на полу, на приплясывающего от восторга товарища и сделал шаг вперед, не забыв бросить через плечо Бигги:

– Останься здесь. Следи за туманом. Если начнет меняться, сразу кричи во всю глотку.

Второй браконьер угрюмо кивнул, судя по недовольной роже, его не устраивала роль стоящего на стрёме. Но в отличие от несдержанного Рона, у него хватило мозгов повести себя более осторожно. Помнил, что еще вчера ему чуть не отрезало руку.

Что же, похвальное поведение. Награждаю его титулом самого рассудительного из всей троицы.

Я в свою очередь еще немного подождал, удостоверился, что первые двое и не думают превращаться в безмолвные статуи или распадаться на атомы, и только после этого зашел следом.

Переступил порог. Ничего. Никаких явственных проявлений магии. Это радовало, снова ощущать под черепной коробкой ползающие щупальца, бесцеремонно копающиеся в мозгу, совершенно не улыбалось. Ну их нафиг с такими проверками.

– Берем только самое ценное, – сориентировавшись, принялся отдавать команды Стафф.

Рон уже зачем-то полез к вазе на столике, явно нацелившись вытряхнуть из нее цветы, хотя выглядела она дешево.

Я подошел к стене и провел рукой по прохладной каменной поверхности. Снаружи кладка выглядела лучше, искуснее. Одинаковые гранитные плиты лежали ровно, подогнаны так, что волосок с трудом пролезет, а здесь неправильного размера камни вкривь да вкось. Разница колоссальная. Подозрительно как-то. Почему столь явственные различия? Что, наружную отделку выполняла артель строителей профи, а внутрь загнали полупьяных каменщиков? Не сходится.

И огонь от факелов какой-то странный. Горит ровно, пламя почти не шевелится.

Я осторожно потрогал ближайший факел. Ручка деревянная, вроде настоящая, держатель тоже не выглядел бутафорией, а огонь… А вот с огнем возникли сложности. Он не грел. Совсем. Свет давал, а тепло нет.

– Эй, смотрите сюда, – я окликнул Стаффа и Рона.

Как и полагается лидеру, первым среагировал Стафф. Молниеносно отвлекся от потрошения приземистого комода (еще одна порция посуды, какого черта она вообще делает в вестибюле, разве ей место не на кухне?) и быстро подошел ко мне.

– Чего? – спросил он.

Я кивнул на ярко-оранжевое пламя. Вблизи оно выглядело еще более искусственно. Слишком идеальное, как нарисованное, а после оживленное, с четко очерченными и заданными параметрами. Так ни один огонь не горит.

– Оно не греет, – сообщил я.

Стафф поднес ладонь к факелу, мозолистые пальцы прошли прямо через пламя.

– Что это? Колдовские светильники? – спросил он, глядя на меня.

Ну да, нашел у кого спрашивать. Нашли, блин, эксперта по магической хрени. С другой стороны, что ему еще делать, не к

Рону же обращаться.

– Понятия не имею, – честно ответил я.

И вдруг сообразил, что меня так сильно напрягало в окружающей обстановке. Фальшивость. Здесь все ею было пропитано. И слишком грубые стены, и факелы, и мебель. Весь этот холл походил на декорации.

Я поделился своим открытием с компаньонами. Стафф логично возразил, что ему нет до этого дела, главное – серебро настоящее, и что они намереваются его вынести отсюда столько, сколько смогут утащить на собственном горбу. Незамысловатый подход. Простой и понятый. Блестит – бери, а дальше разберемся. Чародейские штучки их не интересовали.

Но я-то сюда приперся не ради нескольких серебряных тарелок. Получить от посещения древней колдовской башни кучу барахла для обладателя магического дара станет подлинной насмешкой.

Оставив неутомимую парочку грабить вестибюль, я проследовал по центральному коридору в следующее помещение.

Хм-м, что-то вроде гостиной? Или нечто похожее. Стаффу и Рону здесь будет чем поживиться. Интерьер богатый, не чета пройденному холлу. Куча всяких ценных безделушек, некоторые вроде даже из золота. Неплохо. Однако не для меня. Пройдем дальше.

Очередная комната отличалась еще большим убранством. Тут уже и на стенах висели ковры, а стол посередине буквально ломился от всяких блестящих штук. Встречались и украшения, в небольших шкатулках свободно лежали ожерелья, цепочки, браслеты, сережки, кольца и другие драгоценности.

Каюсь, грешен, сунул пригоршню в переметную сумку. Однако бросаться, набивая карманы, не стал. Поправил плащ, проверил кинжал на поясе и отправился далее по еще одному короткому коридору, щедро освещенному все теми же зачарованными факелами.

Еще одна комната, полная добра. И еще. А за ней прямо натуральная сокровищница, от злата-серебра, бриллиантов-алмазов в глазах прямо зарябило. Какого черта тут происходит?

Я остановился, рассеянно оглядел груды блестящего металла и задумчиво почесал подбородок.

– Может, поговорим? – сказал я, обращаясь в пустоту.

Притворство, замануха для простачков, кому кроме побрякушек ничего не нужно. Вот что это такое. Иллюзия богатства, которое только и ждет, чтобы его пришли и взяли. А настоящие сокровища в это время скрываются где-то в другом месте.

– Хей! Я сюда не за этим пришел, – я достал из сумки взятую в предыдущей комнате горсть драгоценностей и бросил на пол.

Секунда-другая – и окружающая реальность подернулась рябью. Пространство странным образом скомкалось, и за сорванным покрывалом фальши проступило совершенно иное помещение.

Квадратная комната, камин, два простых кресла, подобие журнального столика, коврик под ним, голые стены. Аскетичная обстановка, совсем не вязавшаяся с блеском и роскошью прошлого зала.

– Миленько, – я хмыкнул.

Приглашение поговорить сработало? Согласие на беседу? А где хозяин?

Стоило об этом подумать, как в одном из кресел материализовалась полупрозрачная фигура.

Я вздрогнул. Призрак! Чтоб меня! Это же призрак!

Бесплотный визитер спокойно повел рукой в сторону свободного кресла. Я машинально оглянулся назад, ища пути отступления. Двери позади не обнаружилось, как, впрочем, и где-то еще. Создавалось впечатление, что выхода из комнаты попросту не было.

Сохраняя невозмутимый вид, я прошествовал и уселся на предложенное место.

– Вина? – еще один жест просвечивающей насквозь руки, теперь в направлении столика.

Я сдержанно кивнул, ведя себя так, будто каждый день общаюсь с бестелесными сущностями. Подумаешь, ерунда.

Выглядевшая очень старой глиняная бутылка сама взлетела в воздух, раздался хлопок, пробка улетела в темный угол. Послышалось журчание, кубок сам подставился под рубиновую струю, наполняясь до краев за считанные мгновения.

– Прошу.

Я взял кубок и отхлебнул. В самом деле, не будут же меня травить. Слишком банально. При их возможностях убить непрошеных гостей можно куда более изощренными способами.

Вино оказалось недурственным. Пока делал глоток, призрак зорко следил за моим лицом.

– Вам уже приходилось пробовать лантийское двадцатилетней выдержки? – с любопытством спросил он, стоило мне поставить кубок на столик.

Удивился, что ли? Принял за босяка, ни разу в жизни не пробовавшего хороших вин? Ну, ему простительно, мой внешний вид оставлял желать лучшего. Сам призрак щеголял в камзоле, кружевной рубашке, изящных брюках из тонко выделанного сукна

и кожаных сапогах.

– Нет, – коротко ответил я.

Что тут скажешь, местное вино выглядело средне по сравнению с тем, что приходилось пробовать в прошлой жизни. Недурно? Да. Восхитительно, непередаваемо? Нет. При наличии времени и упорства в любой «Пятерочке» можно отыскать что-нибудь похожее.

– Ах, извините меня за дурные манеры, сударь, – воскликнул призрак. – Позвольте представиться, Мерил дэс'Сарион, к вашим услугам.

Не вставая с кресла, мужчина отвесил учтивый поклон.

– Эри, – коротко представился я. Понимаю, на фоне помпезного имени собеседника как-то скудновато, но, как говорится, чем богаты.

А в голове прозвенел тревожный колокольчик. Приставка «дэс» перед фамилией неоднократно упоминалась в книгах. Она обозначала принадлежность к одному из правящих родов Дуэгара – города-государства далеко за морем на востоке.

Такой себе аналог Римской республики, где имелись патриции из числа сорока трех правящих семей и плебеи из числа остальных жителей. Многие аристократы обладали магическим даром, некоторые даже истинным.

Правда, там предпочитали изучать темное направление Искусства, за что многие дуэгарцев не любили, а порой откровенно ненавидели и боялись.

Также они славились дурным характером и склонностью к жестокости. И постоянно соперничали за власть. Та еще клоака, если подумать, постоянная грызня между родами, завоевательные походы, кровожадные планы экспансии.

Совокупность знатных семей Дуэгара называли – «дэс-валион», имя существительное, нарицательное, не склоняемое.

Противоположным началом дэс-валион считались Блистательные, хозяева Парящего города, практиковавшие более светлую магию и также имевшие среди своих большой процент магов, обладающих Истинным даром.

Правда, тут необходимо сделать уточнение. Вся эта разбивка по категориям была весьма условной. На самом деле градация на светлых и темных (и в этом сходились все знающие люди) ни черта, по сути, не значила. И у тех, и у других попадались как отъявленные мерзавцы, так и настоящие герои, способные на благородные поступки. Окрас магического дара ничего не значил в практическом плане. Все зависело от личности самого чародея.

– Знаете, вам исключительно не идет имя Эри. Можно я буду называть вас Эрик?

Я равнодушно дернул плечом. Да бога ради.

– Вы здесь живете? – осведомился я нейтральным тоном, пытаясь понять, с кем вообще имею дело.

Назвавшийся Мерилом дэс'Сарионом растянул рот в благодушной улыбке, он моментально просек подоплеку вопроса.

– Вам, наверное, хочется знать, кто я, как дошел до жизни такой, – хмыкнул призрак, помедлил, задумчиво глядя в камин, и сказал: – Ну что же, извольте. Слушайте, началось это лет триста назад, тогда я был еще молодым человеком, чуть постарше вас…

Он поведал свою историю. Маг родился и вырос в великолепном Дуэгаре, городе всех городов. Он с самого детства мечтал о власти и славе, желая попасть в анналы истории. Упорно учился, трудился, постигал тайны магического Искусства. Стал легендой среди своего народа. А потом отправился покорять последнюю вершину – Блуждающую башню. Где благополучно и сгинул, оставшись тут навсегда.

Ничего особенного. Про таких говорят – замахнулся на невозможное.

– Так вас здесь убили и превратили в призрака? – уточнил я.

Собеседник покачал головой.

– Нет. Вы не поняли основного, уважаемый Эрик. Башня вовсе не убивала меня. Я сделал это сам, в погоне за новыми знаниями, – Мерил махнул рукой. – Знаете, что такое Блуждающая башня? Это вовсе не кладезь мудрости, как многие думают. В первую очередь это искушение. Начиная постигать неизведанное, будь готов остановиться вовремя, иначе превратишься в бесплотную тень. Что со мной и произошло. Как и со многими сотнями, что пришли до и приходили после меня.

– Здесь много таких, как вы? – быстро спросил я, стрельнув по углам глазами.

Призрак усмехнулся.

– Конечно, Эрик. Абсолютно все маги, зашедшие внутрь и ставшие взбираться по лестнице Познания, остались здесь до самой смерти. Мы просто не могли остановиться и уйти. Постижение тайн прошлого, настоящего и будущего невероятно затягивает. Время перестает для тебя существовать, пока в один момент ты вдруг не понимаешь, что уже давно мертв.

У меня по спине пробежали мурашки. Жуткая участь. Страшная. Ослепленные жаждой знаний чародеи не замечали, как лишались физических оболочек и становились пленниками зачарованной Башни.

– А где остальные? Почему вышли только вы? – я постарался незаметно оглядеться, боясь увидеть вокруг целую толпу неприкаянных призраков.

К счастью, в комнате мы находились одни.

– Осознав, что случилось, большая часть предпочла вернуться к прерванному занятию по изучению скрытых разделов Искусства. Кто-то рассчитывал найти там выход из ситуации и вновь обрести материальное тело, а кто-то хотел просто продолжить постигать тайны. Они сами не заметили, как одержимость передалась им и после смерти.

– А меньшая часть? – спросил я, уже догадываясь об ответе.

Мерил снова улыбнулся.

– Некоторые сошли с ума и теперь бродят где-то на верхних этажах, полностью лишенные разума. А некоторые, такие как я, наоборот, спускаются вниз, чтобы встречать немногочисленных гостей и, если получится, предостеречь их от нашей участи.

– Весьма благородно с вашей стороны, – похвалил я.

А сам подумал, что мужику, наверное, тупо скучно болтаться по пустым коридорам и до чертиков надоело уже общаться с такими же мертвяками. Вот и вылез, как только узнал, что внутрь Башни вломились очередные идиоты.

– Знаете, а вы мне нравитесь, молодой человек, – произнес Мерил, его взгляд уперся мне в район груди. – Жаль только, что вы выбрали для себя столь незначительную специализацию, как алхимия.

Шустрый малый, разглядел особенность магического дара на раз-два. Подобный фокус не каждый сможет провернуть. Видать, и впрямь был в прошлом сильным магом.

– Вам следовало выбрать что-нибудь более уважаемое в приличном обществе, – продолжал разглагольствовать призрак. И без подсказок видно, как он наслаждался общением с живым человеком. – Колдовство, демонологию, ведовство – что-нибудь из этого. Вы не поверите, насколько увлекательно иногда проводит время квалифицированный мастер проклятий.

Я едва не подавился вином. Фигасе. Ну у них там и порядки в Дуэгаре. Уважаемая профессия – демонолог. Так и просятся на язык объявления на столбах с предоставленными услугами: «Некому присматривать за детьми, пока вы в отпуске? Не беда, обращайтесь, сдача укрощенных демонов-нянек до двух недель кряду». И внизу мелким почерком – постоянным клиентам предоставляются скидки.

Нарисованная картина почему-то развеселила. Хотя отлично понимал, что в реальности все куда как мрачнее. Недаром за дэсвалион прочно закрепилась зловещая репутация последователей темных граней Искусства.

– Так уж получилось, – ответил я. – От меня ничего не зависело. Предрасположенность к определенному…

– Ерунда, вздор и сказки ленивых неумех, – эмоционально отреагировал давно умерший чародей. – При желании любой может освоить любую направленность в магии, лишь бы имелось желание.

– Хотеть – значит мочь? – едко спросил я.

Занятый своими мыслями призрак не обратил внимания на сарказм в моем голосе.

– Ах как правильно сказано, – восторженно завопил он. – Вы абсолютно правы, дорогой Эрик, хотеть – значит мочь. При сильном желании все становится возможным, главное не останавливаться. Вы невероятно мудры для своих лет.

Вообще-то я хотел ядовито пошутить, но поправлять собеседника, разумеется, не стал. При всем своем осмысленном поведении Мерил производил впечатление слегка двинутого. Кто его знает, как отреагирует на возражение.

– Вы мне нравитесь, Эрик, чувствуется в вас потенциал. Уверен, ваше имя еще прогремит в веках. Позвольте сделать вам подарок. И не надо, не благодарите меня. Право слово, это такая малость с моей стороны, отблагодарить вас за приятную беседу. Ведь я уже очень долго не имел возможности перемолвиться словечком с приятным человеком.

На столике рядом с кувшином материализовалась перламутровая коробочка из необычного сорта дерева. Или камня? Кости? Непонятный материал.

– Берите, берите, – поощрил Мерил. – Не стесняйтесь, открывайте.

Я откинул крышку и уставился на содержимое. Кольцо?

– Это родовой перстень дэс'Сарион, – с гордостью поведал призрак. – Не бойтесь, надевайте.

Говорят, с психами лучше во всем соглашаться и ни в коем случае не отказывать, иначе станут буйными. Вот я и надел дурацкое кольцо, лишь бы призрак еще больше не разнервничался. Какой-то он излишне дерганый и возбужденный, как бы чарами не начал швырять направо и налево.

– Нарекаю вас Эриком дэс'Сарионом, – торжественным тоном провозгласил Мерил и с ожиданием уставился на меня, типа осознал ли, какой удостоился чести. – Будь достойным наследником моего имени и не подведи наш славный род!

Он даже встал с кресла и замер напротив меня. Пришлось тоже подниматься на ноги.

– Ага, спасибо, – я шмыгнул носом и попытался незаметно стянуть железяку с безымянного пальца левой руки.

К моему ужасу, проклятый перстень застрял намертво и никак не желал слезать с пальца.

Призрак с сомнением посмотрел на меня, будто подозревая, что особой гордости я не испытываю (правда, блин), но не стал упрекать, списав все на смущение и возраст (вранье).

– А теперь покажу кое-что интересное, – Мерил сделал пасс рукой, и окружающее пространство вновь подернулось рябью и в один миг сменилось.

Мы стояли в огромном зале, стены терялись в далеком полумраке. Нас окружало невероятное множество больших зеркал высотой в человеческий рост, в рамах и на подставках. Они отражали друг друга и темные всполохи света, падающего откуда-то сверху.

Это еще что за хрень? Я сделал шаг и тут же услышал под ногами хруст разбитого стекла.

– Подойдите сюда. Я за ним давно уже наблюдаю.

Мерил подвел меня к одному зеркалу. И только приблизившись стало понятно, что картинка изменилась, наше отражение исчезло, и появилось совершенно иное.

Пустыня. Пустыня, уходящая за горизонт. Не привычного желтого цвета, а угнетающе черного. Черный песок, черные барханы, черный ветер, перегоняющий буранчики и сжатые в маленькие смерчи песчинки.

Даже беглый взгляд говорил, что это гиблое место. И что здесь не может выжить живое существо.

И тем не менее на одном из пригорков стояла одинокая человеческая фигура. Высокий парень глядел вглубь мертвой пустыни, и черный ветер рвал фиолетовый плащ за его спиной. Худощавое лицо незнакомца застыло в маске отрешенности. Он смотрел куда-то за край горизонта и видел то, что недоступно другим.

– Я зову его Вестником Хаоса, – тихо сказал Мерил. – В каком бы мире он ни появлялся, вскоре тот мир всегда ждало разрушение.

Призрак указал на пол. Стало понятно, что под ногами у меня хрустело не стекло, а разбитые зеркала. И непонятно откуда, я вдруг понял, что каждое зеркало – это окно в другой мир. Их было бесконечное множество в этом зале, и каждое вело в иные миры. И уже несколько зияли пустыми рамами.

Невероятно.

– Я очень надеюсь, что он никогда не придет в наш мир, – сказал призрак.

Неожиданно фигура в зеркале начала поворачиваться, словно почувствовав на себе чужой взгляд. Мерил дернулся и толкнул меня, убирая подальше от ожившей картинки.

В следующее мгновение я осознал себя стоящим посреди

вестибюля Башни, призрак исчез, рядом ругались Стафф и Рон, выясняя, как лучше сложить добычу.

– Эй! Живей! Туман сгущается и растекается по поляне, – из открытых настежь дверей донесся голос Бигги.

Не сговариваясь, мы бросились наружу.

Глава 16

Густой туман обволакивал ноги молочной патокой. Воздух наполнили звуки разорванных струн. Трава засветилась, запульсировала, исходя сине-зеленым цветом.

– Живей! – подгонял Стафф.

Бигги и Рон бежали, у каждого за спиной болтался огромный баул. Точно такой тащил главный. От всех троих доносилось дребезжание и звон.

Сколько они туда тарелок и ложек навалили? Прямо склад кухонной утвари. Что-то подсказывало, что до следующих комнат они так и не добрались. Жадность помешала рассуждать здраво и осмотреть соседние помещения. Жадность и осторожность. В отличие от меня, браконьеры чувствовали себя неуютно в колдовской башне, торопились и предпочли хватать что поближе, опасаясь заходить слишком далеко в глубины таинственной чародейской обители.

Интересно, взятое барахло исчезнет вместе с Блуждающей башней? На манер растаивающей иллюзии. Или же добыча останется, вовремя вынесенная за пределы меняющейся поляны?

Я не удержался и на бегу оглянулся. Громада из черного камня уже понемногу теряла строгие очертания. Как будто проваливалась в полупрозрачный кокон, захватив с собой кусок ночного неба и пригоршню звезд.

Проклятье! Как же красиво. Я неосознанно притормозил, наслаждаясь невиданным зрелищем. Уход Башни выглядел невероятно эффектно, потрясая до самых потаенных глубин души. Открывшаяся картина заставила замереть от восторга, боясь отвести взгляд и пропустить хоть секунду потрясающего буйства магии.

– Быстрей! Она исчезает! – снова заорал Стафф.

Его крик хлестким ударом вывел меня из состояния созерцания и вызвал вспышку злости на собственную глупость. Я осознал себя стоящим, задрав голову вверх. Идиот! Нашел, блин, время, эстет хренов! Реальность вокруг стремительно менялась, ткань пространства пошла мелкими трещинами. Звуки высокой тональности все сильнее приникали в черепную коробку, вызывая мигрень.

Я тряхнул головой, сбрасывая наваждение. Бежать и бежать, как можно скорее, пока окружающая феерия красок и звуков не прихватила с собой.

– Уходим! Уходим! – голос командира подгонял пыхтящих Бигги и Рона.

Все трое торопились, как могли. Однако мешки мешали быстрому бегу. Плюс отвлекал плывущий по земле туман и видневшаяся сквозь густую дымку светящаяся трава, вызывающая бессознательное ощущение опасности.

Мне не доставило труда их догнать, не имея за спиной ничего кроме полупустой дорожной котомки, я как ветер понесся вперед, за считанные секунды догоняя компаньонов по вылазке.

В какой-то момент бегущий последним Бигги оглянулся, проверяя, далеко ли ученик алхимика отстал, и вдруг замер в нелепой позе, скособочившись вправо.

Я от него находился буквально в пяти шагах и в первый миг не понял, что произошло. Бежал, собираясь подтолкнуть зазевавшегося растяпу, пока не увидел причину его остановки.

Из шеи Бигги торчал арбалетный болт. Какого?..

Брызнуло красным, он зажал рану рукой, сделал два неуклюжих шага и тяжело повалился на землю.

Мир застыл в вязкой паутине замедленной съемки.

Стафф что-то протяжно заорал, Рон принялся разворачиваться. Звонко свистнуло. Поляну прочертили две темные линии. Рон наклонил голову и с удивлением уставился на свою грудь. Там торчали два коротких огрызка. Болты ушли в плоть так глубоко, что свободными остались лишь самые кончики.

– Кха, – выдохнул Рон и повалился в траву вслед за Бигги.

Свет вокруг продолжал искриться, пульсация нарастала, стелящийся туман становился все гуще, напоминая молочную реку, вышедшую из берегов. Магия и не думала прекращать действовать, твердо намереваясь перенести Блуждающую башню в новое место.

Ошалевший от промелькнувшей рядом смерти, я что-то закричал и бросился вниз, подчиняясь инстинкту самосохранения. Прильнул к земле, стараясь скрыться в наползающем тумане. Вжимаясь в траву, сливаясь с поверхностью и моля всех известных богов, чтобы скрыться из поля зрения невидимых стрелков.

Вовремя. Сверху еще несколько раз просвистело.

Стаффу не повезло. Он тоже в последний миг попытался упасть, сообразив, что в ореоле колдовского свечения представляет слишком хорошую цель. К сожалению, не очень удачно. Сначала один болт попал ему в плечо, от сильного удара далеко не маленькую фигуру браконьера развернуло на месте, второй тут же вонзился в спину, попав точно под левую лопатку.

Последний из вольных охотников упал в белый кисель плотной дымки беззвучно, не выпуская из рук мешок с

сокровищами, что так жаждал добыть.

Я лежал, уткнувшись носом в сырую почву, не смея пошевелиться. Меня трясло от страха. Смерть буквально прошла рядом, едва не погладив по голове. Судя по количеству выпущенных болтов, обстрел вело сразу несколько человек, просто чудо, что меня не задело.

Разум паниковал и никак не желал нормально работать. Страх захватывал сознание в цепкие объятия, вынуждая броситься вперед, не разбирая дороги, подальше от случившего кошмара.

Первый порыв обратиться в бегство удалось погасить с явным трудом. Понимание того, что достаточно лишь немного приподняться, чтобы заполучить в голову очередной арбалетный болт, помогло удержаться от бестолковых поступков.

Дерьмо! Как же трясет! Я понял, что руки ходят ходуном, страх оказаться убитым прорывается наружу в виде бессознательной дрожи. Еще немного и станет настолько нестерпимо, что вскочу на ноги, лишь бы избавиться от жуткого состояния полной беспомощности.

Что же делать?

Нахождение на краю гибели, как ни странно, не заставило впасть в оцепенение, замирая от ужаса. Наоборот, в какой-то момент мозг заработал с кристальной ясностью, лихорадочно ища выход из отчаянного положения.

Времени мало, еще немного, и поляна исчезнет, растворится в небытие вместе с башней. И я вместе с ней. Что будет после – неясно, но однозначно ничего хорошего. Вряд ли древняя магия озаботится сохранением жизни жалкой смертной букашки, что по глупости осталась во время действия чар переноса.

Надо валить. И как можно быстрее.

Куда? В лес? Где затаились стрелки? Так себе идея, если подумать. Положат за милую душу, как развеселую компанию вольных охотников. И имени не спросят.

Так, что еще? Болты вроде летели примерно с одного направления, как раз откуда мы недавно пришли. Лошадей, скорее всего, уже захватили, так что особого смысла переть именно в ту сторону нет.

Выходит, лучше всего бежать куда-то вбок, влево или вправо. Назад нельзя, там до сих пор возвышается башня. Вроде логично.

Вот только двигаться совершенно не хочется. Так и мерещится новый свист и чавкающий звук попадания арбалетных болтов в человеческую плоть. Грудина, руки, ноги, пробитый череп.

Бр-рр… меня аж передернуло от представленной картины. Нет, ну его к лешему, не хочу вставать. Даже пригибаясь не

желаю бежать. Лучше ползти. Риск тоже есть, могут пальнуть на неясное шевеление, да по времени дольше, зато хоть какая-то безопасность.

Сказано – сделано, загребая локтями, я пополз по траве на манер змеи. К счастью, к этому времени пульсация ускорилась до такой степени, что не могла не мешать наблюдателям. Свет стал ослепительно-ярким, синим, зеленым и голубым, бился в ритмичных вспышках, распространяя вокруг нестерпимое сияние.

Это тоже подстегивало, заставляло шевелиться, не обращая внимания на сбитые в ссадины ладони и перемазанную грязью одежду.

Когда трава стала совсем уже призрачной, а внизу остался лишь голый чернозем, я не выдержал и бросил тело вперед в сумасшедшем рывке, стараясь вырваться за пределы светящегося круга.

Вломился в плотную стену деревьев и кубарем покатился по земле. Иголки окружающих елок хлестанули по лицу, резко запахло хвоей, но меня это не интересовало. В голове билась одна суматошная мысль: успеть, лишь бы успеть!

И черт! Мне удалось это сделать! Я в самом деле успел убежать до того, как зачарованная поляна полностью пропала, оставив после себя идеально ровный круг перекопанного грунта. Блуждающая башня отправилась на новое место, унеся вместе с собой тела трех браконьеров и битком набитые мешки с добычей.

Будь я проклят! Ну и забег!

– Хорошо бегаешь, пацан! – раздалось откуда-то над головой.

Я вздрогнул. Так стремился вырваться из цепких лап магии, что на какое-то мгновение забыл о куда более близкой опасности.

– Вовремя выскочил, – незнакомый мужской голос говорил с легкой ленцой. Слова тянулись, как резина. Или это мне только казалось? Сердце в груди все еще бухало, не желая успокаиваться, последние мгновения организм буквально переполняло адреналином, распирая изнутри.

– Еще немного, и… – окончание повисло в неопределенной паузе.

Только теперь я тяжело перевернулся, глядя наверх. Темень хоть глаз выколи, после исчезновения колдовского свечения ельник вновь погрузился во мрак. Редкие звезды едва давали свет.

Силуэт. Человеческий. Крупный. Мужской. Слышалось позвякивание металла. Запах сырой кожи, пота и железа. В доспехах, что ли? Плохо дело.

– Чего стащить-то успели? Или весь хабар у напарников остался? – мужик говорил благодушно, угрозы не чувствовалось, но это пока. Не воспринимал за серьезного противника, вот и

позволил себе расслабиться.

Правильно, чего уж там. Кого он видит перед собой? Подростка, мальчишку, невеликой комплекции. Небось думает, что был на подхвате у взрослых подельников.

– Ну, чего молчишь? Я же с тобой по-доброму, – голос принялся наливаться строгостью.

Поняв, что еще немного, и, вполне возможно, последует физическая стимуляция говорить, я облизал пере-сохшие губы.

– Мешки на поляне остались, – признался я, нисколько не покривив душой. – В них все, что собрали внутри.

А чего еще прикажете делать? Молчать, как партизан на допросе? Так мы не в белорусских лесах, и допрос ведет не гестапо.

– Все? – недоверчиво переспросил мужик.

Стараясь быть как можно более убедительным, я твердо сказал:

– Все. Ничего не успел забрать. Вы, как стрелять начали, одна мысль – шкуру спасти. Не до хабара уже.

Послышался приглушенный смех.

– Понимаю. Когда на кону своя жизнь, все прочее становится неважным. Зачем золото мертвецу. Верно?

– Ага, – я шмыгнул носом.

Сейчас главное не насторожить этого хмыря, почует неладное, сразу пальнет. Фигуру хотя и плохо видно из-за скудного освещения, угадать арбалет в руках не составило особого труда. Очень уж характерные очертания, не спутаешь с мечом или топором.

Пусть и дальше видит перед собой испуганного молокососа, чудом избежавшего смерти. Тем более что особо притворяться не надо. Поджилки до сих пор тряслись от пережитого.

– Ладно, малец, вставай. Повезло тебе сегодня, почитай второй день рождения. Не будь вокруг так темно, мы бы и твоих приятелей взяли живыми, да больно уж ельник густой и темный.

Ага, значит, боялись, что сбежим, потому и стреляли сразу, без всяких «стой, кто идет», «руки вверх» и другой подобной ерунды, не принятой в средневековые времена.

Я осторожно оперся кулаками в сырую землю, чувствуя, как под руками продавливается влажная почва.

В следующий миг ночь стала днем. Мгновенно.

Что-то оглушительно грохнуло, засверкало, по воздуху пронесся вой и скрипучий треск ломаемых деревьев. Тьму пронзили серебристые вспышки. Где-то высоко пролетели яркие искры. Сумрачный лес вдруг наполнился светом.

Я бросился обратно на землю, прикрывая голову руками.

Арбалетчик не последовал моему примеру и тут же поплатился за беспечность. Невесть откуда прилетевшая молния прожгла тело насквозь, оставив в железном нагруднике дыру размером с кулак.

Припоминая все известные ругательства, я пополз, загребая руками и ногами, стараясь особо не подниматься.

Вокруг творилось сущее светопреставление. Что-то гремело, ухало, раздавались хлопки, подозрительно похожие на взрывы. Столетние ели, казавшиеся еще совсем недавно могучими и несокрушимыми, вырывало с корнем и подбрасывало в воздух, как пушинки. Стволы толщиной в талию упитанного человека перерубало на манер ломких тростинок.

Ошалевший, ничего не понимающий, я полз вперед. Сверху сыпалась хвоя, воняло озоном и почему-то горелой резиной.

И что самое паршивое – шум не утихал, а имел тенденцию лишь к нарастанию. Скоро я понял, что приближаюсь к источнику разрушительной силы. Разумеется, недолго думая, тут же сменил маршрут, забирая круто вправо.

Только через несколько секунд сообразил, что в бушующем урагане как будто угадывались две противостоящие друг другу силы. Одна исходила белым серебром, а другая несла в себе смазанную палитру разных цветов.

Что за дерьмо там происходит?

Разгадка возникла в образе озарения. Да это же схватились два мага! Вот что это такое!

Черт! Только этого не хватало для полного счастья. Неужели тоже искали Блуждающую башню? Тогда при чем тут арбалетчики?

Грохот позади не утихал, зато впереди послышались новые звуки. Лязг металла, потоки ругательств, исторгнутые из хриплых глоток дерущихся воинов. Треск столкнувшихся мечей. И вызывающий с последнего времени омерзение свист летящих арбалетных болтов.

Ну, снова-здорово. Теперь я, похоже, набрел на целое сражение. Две группы солдат, одни в начищенных стальных кирасах, вторые в пластинчатых темных доспехах, с упоением рубили друг друга.

А наверху то и дело полыхали зарницы применяемой магии, освещая густой ельник не хуже мощных прожекторов.

Дурдом, не лес, а проходной двор какой-то.

Я на карачках свернул еще раз, огибая толпу психов, не нашедших места получше для драки, чем отдаленная чащоба.

Вывалился во тьму и с удовольствием перевел дух. Фух, кажется, выбрался.

И сразу, опровергая оптимистичную мысль, передо мной

вырастает фигура. Твою мать! Еще один арбалетчик. Только стреляющая бандура на этот раз закинута за спину, а руки крепко сжимают щит и меч.

Он даже не попытался заговорить. Молча рубанул наотмашь слева направо, явно нацелившись развалить мою тушку с одного удара.

В последний миг я успел уклониться, подпрыгнул, оттолкнулся от края широкого щита, пальцы почувствовали теплое дерево и жесткую кожу, и перепрыгнул через растерявшегося солдата.

Черт его знает, каким образом мне это удалось сделать, да еще так ловко, но вышло просто отлично. Воин раззявил пасть от проявленной прыти практически мертвой жертвы (уже небось видел, как тело противника распадается надвое) и замешкался с очередным выпадом. Заминка дала мне время избежать нового удара.

Сам не ожидал от себя такого. Раз-два, прыжок, уворот – и позади остается растерявшийся латник.

Не думал, просто делал, благо комплекция Эри легко позволяла осуществлять подобные трюки. Пацан обладал малым весом и завидной подвижностью.

Вокруг снова сгустилась тьма. Где-то далеко позади не прекращало греметь. Раскатистые басы то и дело проносились по лесу. В небеса взлетали столбы ослепительного белого света и жемчужного сияния.

Понятия не имею, кто с кем там сцепился, но дрались, похоже, серьезнее некуда. Того и гляди весь ельник выжгут к чертовой матери.

Ну их нафиг, надо срочно делать ноги, про боевую магию хорошо читать в книжках перед горящим камином, попивая глинтвейн, но уж никак не находиться где-то неподалеку. Зашибут – не заметят. Вон как вдали полыхает, словно маленькое солнце зажгли.

Полная жесть. Ничуть не хуже какого-нибудь технологического оружия. Ходячие бомбы, блин. Повезло, что успел уйти далеко.

Стоп, а, собственно, куда я иду?

Поняв, что уже пять минут топаю не разбирая дороги, стараясь держаться так, чтобы нестерпимое свечение всегда оставалось за спиной, резко остановился.

Так не пойдет, надо выбрать направление, иначе заблужусь нафиг.

Стоило об этом подумать, как пришло понимание, что, собственно говоря, это уже свершилось. Я не представлял, где

нахожусь и куда вообще надо идти. Ясно одно – возвращаться нежелательно, однако и тыкаться наугад не дело. Нужен план. Хотя бы примерный.

Проблема в том, что чем дальше я отдалялся от места схватки, тем меньше вокруг становилось света. Темнота обступала, заключая в неприветливые объятия, чаще хлестали по лицу иголки и громче хрустела под ногами засохшая хвоя.

Отлично, снова на повестке дня встает извечный русский вопрос: что делать? Кто виноват, и так понятно. Сам дурак, сидел бы сейчас в харчевне да жрал в три горла свежеприготовленное жаркое. А то и вовсе видел третий сон, отдыхая после праведных трудов хлопотного дня на базаре.

Но нет, мы же умные, у нас в одном месте свербит, надо обязательно полазить по дурацкой колдовской башне.

Я резко остановился, внезапно стало очень тихо. Мерцание вдалеке прекратилось, слабые всполохи серебристого света исчезли, рокот стих.

Битва закончилась? Интересно, кто победил? А впрочем, какая разница? Я даже не знаю, кто воевал и зачем. На одной стороне вроде выступали воины в броне из начищенной стали, на другой бились более мрачные личности в латах из дымчато-пепельного металла.

На ум сразу пришла весть о местном феодале и его гостях. Кажется, там тоже упоминалось большое количество вооруженного до зубов люда. Гости что-то не поделили с хозяином? Или это вообще кто-то другой?

В любом случае меня местные разборки не касаются. Уйти бы живым, вернуться в город, продать оружие и коней убитых мародеров да свалить обратно к алхимику. Сейчас неуютная каморка в башне вредного старикана вспоминалась едва ли не с ностальгией.

Я пошел по темному лесу, выбрав направление наугад. Сидеть на одном месте, не двигаясь, дожидаясь рассвета, показалось вредной идеей с учетом толп вооруженного народа, что здесь шарахалось по округе. Правда, шум битвы тоже стих, но победители вполне могли заняться поиском недобитков. Лучше держаться подальше.

Вот вроде и шел, стараясь идти в противоположном направлении, но каким-то образом умудрился сделать круг и вернуться обратно. Как так вышло, непонятно. Просто вдруг замечаю впереди просвет, логично думаю, что дошел до опушки, ускоряю шаг и осознаю, что вновь стою на краю проклятой поляны.

Точнее, того перепаханного куска черной земли, что здесь

осталась.

– Да что за?.. – в сердцах ругаюсь вслух и тут же замолкаю.

Не хватало еще криками привлечь к себе внимание. Солдаты должны быть где-то неподалеку.

Вдруг перстень на руке начал покалывать. Подарок призрака напомнил о себе самым неожиданным образом. А это еще что за ерунда? Надеюсь, железяка мне не отхватит палец? От магических штучек можно всего ожидать.

Быстро стало понятно, что кольцо реагирует на движение, шаг влево – реакция замедляется, прямо – интенсивность покалывания возрастает. И металл становится более холодным.

Ощущения нельзя сказать, чтобы неприятные. Но и боли как таковой нет. Просто перстень будто сообщает, куда надо двигаться, через тактильный контакт взаимодействуя с носителем. Как компас, только без стрелочки.

Интересно девки пляшут. А до этого он тоже делал что-то похожее?

Вроде нет. Или да? Как-то не до этого было. Ползая по заколдованной траве и бегая испуганным зайцем по темному лесу, не слишком обращаешь внимание на прочие мелочи. Тут бы жизнь спасти, а уж что там колет и холодит, совершенно неважно.

Я пожал плечами и направился в предложенном направлении, не забывая через каждые три-четыре шага замирать и настороженно прислушиваться. Попасть в руки солдат определенно не входило в мои планы.

Идти далеко не пришлось, буквально полсотни шагов.

– Вот это они тут повеселились, – невольно протянул я, пораженный увиденным.

Как и на поляне с Блуждающей башней, леса здесь не было. Но если там дерн аккуратно, почти бережно подцепили, унеся слой травяного покрытия, то здесь наблюдалась совершенно иная картина.

Изувеченные деревья, сожженные, поломанные, покрытые корочкой свежего льда, кое-где, наоборот, несущие отметины бушевавшего пламени. Одна ель выглядела так, словно ее остригли гигантскими ножницами. Другая блестела капельками измороси на совершенно голых ветках с начисто срезанной корой.

Земля изобиловала рытвинами, кое-где почва почему-то бугрилась, будто снизу кто-то намеревался вылезти. Виднелись лужи, рядом с ними зияли рваными ранами каверны, заполненные пеплом.

Пахло гарью, в воздухе носилась пыль и почему-то легкий аромат персиков.

Последнее удивило больше всего. С какого перепуга здесь

воняет фруктами, черт возьми? Неужели побочный эффект применения какого-нибудь заклятья?

А вообще, масштаб разрушений впечатлял. Такого точно не сделаешь парочкой зажигательных бомб. Очень уж последствия разного типа. Тут тебе и огонь, и вода, и лед, и нечто настолько острое, что без труда кромсало вековые деревья.

Маги оттянулись на славу. Любопытно, выжившие есть?

Кольцо на пальце закололо сильней, холод медленно пополз по коже. Я сделал шаг и огляделся. На краю небольшой ямы лежала хрупкая на вид девчонка чуть старше моих лет, одетая в мужскую одежду.

Я шагнул ближе, глаза незнакомки резко открылись, нацелив на меня изучающий взгляд.

– Привет, – сказал я, не зная, как вести себя в подобной ситуации.

Вроде и помочь надо, вон весь бок залит кровью. Только вот не зря же она лежала именно здесь, в месте недавней колдовской схватки.

Неожиданно темные волосы девчонки стали бледнеть, черный стремительно отступал, заменяясь бело-снежным окрасом.

Я моргнул, обалдевший от увиденной трансформации. Альбинос? Или это такой природный оттенок?

– Не люблю белый, – заявила молодая чародейка, не отрывая от меня строгого взора, а затем, кивнув на перстень, спросила: – Откуда он у тебя? Советую не врать.

В темных глазах медленно загоралось пламя ярости, худая рука приподнялась, на кончиках пальцев замерцали серебристые искры.

Спрашивается, и на кой черт я сюда приперся? Это дурацкое кольцо давно пора снять. Я провел перед собой рукой, в моей ладони появился призванный меч, глаза девчонки удивленно расширились.

Я принялся медленно отступать назад, стараясь не шевелить кистью.

Злая шутка плененного бога – оружие вроде и есть, но толку от него никакого, ты не можешь им пользоваться, стоит взмахнуть, как клинок исчезает.

Магичка провожала меня настороженным взглядом, однако нападать не пыталась.

Когда между нами встала стена уцелевших деревьев, я развернулся и побежал.

Глава 17

Эфир вихрился от локальных возмущений. Магический фон зиял рваными ранами. Ровное течение астрала прервалось, разодранное на лоскуты. Воспринимаемая обычно спокойной, сейчас поверхность эфира изобиловала провалами. То тут, то там расцветали всполохи черных клякс и сверкающих звездочек бриллиантовых слез. Эхо примененных заклятий затихающими волнами разносилось по искалеченному участку леса, ставшего ареной столкновения двух разнонаправленных сил.

Алия посмотрела на окровавленный бок и тяжело вздохнула. Успел-таки гад, зацепил «серой хмарью». Шустрый ублюдок. Как сыпал чарами. Быстро, без-остановочно, с редкими промежутками на подготовку. Раньше ей приходилось о таком только читать в старых книгах. Понадобились все умения, чтобы на равных противостоять этой твари.

– Госпожа, – из-за пригорка донесся голос Витольда.

Витольд, верный Витольд. Значит, выжил. Это хорошо. Люди понадобятся, самой ей не справиться, нужна помощь.

Попытка воззвать к дару ничего не принесла, она полностью опустошена. Сияющий черным пламенем шар потух, превратившись в едва тлеющую искру. Поединок дался трудно, едва выжила.

– Я здесь, – Алия приподняла руку, привлекая внимание.

Командир ее личной стражи появился в сопровождении пары солдат. Доспехи всех троих несли следы многочисленных повреждений: глубокие борозды, вмятины и царапины. Им тоже пришлось несладко. Проклятых южан оказалось неожиданно много.

Ее люди пришли в окружении света факелов, дымящиеся палки с паклей чадили густым смрадным дымом.

– Госпожа, – Витольда подскочил, осторожно опускаясь на колени рядом с хозяйкой. – Вы ранены.

– Какой догадливый, – язвительно отозвалась Алия и, не дожидаясь реакции, резко спросила: – Сколько потеряли?

От количества воинов зависят дальнейшие действия. Идти с парой солдат против армии закованных в сталь южан она не собиралась. Про дуэгарцев многое говорят, но в здравомыслии им никогда не отказывали. Рисковать жизнью, не имея шансов на успех, глупо. Глупо и безрассудно.

– Пятерых, – Витольд опустил глаза к земле.

Алия скрипнула зубами. Пятерых! Во имя первородного Мрака! Пятерых ее воинов убили! И кто?! Жалкая шваль с

ублюдского юга! Шлюхины дети!

– Надеюсь, перед тем, как позволить себя убить, твои подчиненные озаботились прихватить с собой кого-нибудь из южан. Или они встали на колени, чтобы их было удобно резать? – зло бросила Алия.

Воин вспыхнул, с языка едва не сорвались слова, о которых он впоследствии сильно пожалеет, но в последний момент сумел удержаться. Понял, что упреки заслуженны и нет в них оскорбления чести.

Проиграть более слабому противнику, надеясь на собственное превосходство в подготовке и снаряжении, – вот где урон чести и гордости.

– Поле боя осталось за нами, – глухо обронил Витольд, на госпожу он предпочитал не смотреть.

Оправдания прозвучали жалко. И он это тоже прекрасно осознавал. Но что еще говорить? Что размен шел один к трем-четырем? Так это позор для таких, как они. Каждому воину Дуэгара следовало убить не меньше пяти-семи, прежде чем пасть самому.

– За нами, да… – произнесла Алия и добавила: – Похоже, не ты один недооценил врага.

Витольд вопросительно поднял взгляд, один из подошедших воинов опустился на колени и принялся споро доставать из сумки куски чистой ткани и лечебную мазь для перевязки.

– У Карзани был Радужный жезл, – сообщила она.

Глаза командира стражи вспыхнули.

– Вот почему он смог мне противостоять на равных.

Властители манора замка Разенвальд никогда не имели в роду обладающих магическим даром. Можно представить удивление хозяйки, когда она вдруг получила отпор. Да еще такой мощный.

– Подарок из Шасцу-Насхар? – предположил Витольд и так очевидное.

– Откуда же еще, – проворчала Алия. – Первосвященники снабдили сторожей хорошим оружием.

Радужный жезл встречался чрезвычайно редко. За последние три сотни лет едва наберется на пальцах – людей, что видели его воочию. И совсем единицы тех, кто наблюдал его применение.

При помощи его абсолютно любой человек, включая тех, кто не имел никаких способностей к чародейству, мог на равных разговаривать с любым из магов. В том числе обладающих Истинным даром.

Грозное оружие, дарованное богами своим смертным последователям в незапамятные времена. И так ненавидимое

всеми волшебниками. Благодаря жезлу их исключительность ставилась под сомнение. Любой крестьянин мог запросто встать на одну ступень с Блистательными из Парящего города или дэсвалион из Дуэгара.

Потому за Радужными жезлами всегда шла охота со стороны носителей магического таланта. Утверждали, что уничтожена уже половина. Правда или нет, никто подтвердить не мог. Точное количество знали только первосвященники Шасцу-Насхар. Которые, разумеется, делиться секретом ни с кем не желали.

– Южане отступили, но, боюсь, ненадолго, – поведал Витольд. – Вскоре они обязательно вернутся с подкреплением. Местный дьюк окажет им помощь и обязательно даст солдат. Нас задавят числом.

Про недавнюю победу ни слова. Не с чего хвастать. Цель все еще не достигнута.

– Карзани тоже скоро очухается. У него мало опыта управления жезлом, но он быстро адаптируется. Не берусь предсказать исход нашей следующей встречи, – призналась Алия.

Ей закончили перевязку, солдат подставил плечо, помогая госпоже подняться.

– Я видела вора, – вдруг заявила она, по лицу девушки скользнула улыбка. – Это хазул. Представляешь?

Витольд нахмурился, упомянутый термин ему был незнаком. В чародейских делах командир стражи разбирался поверхностно.

– Но не это самое странное. Сразу после битвы здесь появился необычный мальчишка, у него на руке было родовое кольцо нашей семьи, а когда я попыталась его остановить, он выхватил Призрачный меч. Я даже подумала, что мне это все пригрезилось из-за потери крови, но перстень все еще покалывает холодом, – юная колдунья приподняла руку, на изящном пальце тускло сверкнуло кольцо с двумя переплетенными символами – гербом дэс'Сарион.

Воин покачал головой.

– Я не понимаю, – сказал он.

Алия невесело усмехнулась.

– Я тоже. Это какой-то бред. Откуда здесь взялся этот мальчишка? И где, во имя всех ушедших за кромку, он достал нашу семейную реликвию? А меч из эфира? Такие только у паладинов увидишь. И то только у самых заслуженных. А это обычный бродяжка, одетый в жалкие обноски.

– Может, послушник одного из храмов? – неуверенно предположил Витольд.

Алия лишь скривилась.

– Откуда у щенка-жреца оружие, передаваемое избранному

богом напрямую на обряде полного посвящения?

– Возможно, оттуда же, откуда и Радужный жезл?

Девушка остро взглянула на подчиненного, подумала о чем-то и, придя к неким выводам, отрицательно мотнула головой.

– Не говори ерунды, – отмахнулась она. – Ставлю «Неистовый» против кружки тигровой настойки, что жезл передали еще прапрапрадеду Карзани, – когда Нимуранский свиток поместили в замок Разенвальд, и южный королевский дом заключил Договор Крови с конклавом первосвященников. Видимо, Шасцу-Насхар подстраховались и предоставили хранителю дополнительные гарантии в лице «Божественной длани», – Алия употребила одно из названий святого оружия, бывшего в ходу среди нескольких королевств.

Сделав несколько шагов, опираясь на солдата, она с ненавистью выдохнула:

– Проклятые ублюдки!

Ярость от недавнего поражения все еще снедала изнутри. Едва не закончившийся смертью поединок больно ударил по самолюбию молодой чародейки, привыкшей побеждать.

Догадываясь, какие чувства одолевали госпожу, Витольд благоразумно промолчал.

Какое-то время они двигались в тишине.

– А вор? – напомнил воин и произнес неизвестное слово: – Хазул. Кто это?

Алия поморщилась.

– Скорее, что это, – поправила она. – Это не человек. И вообще не живое существо. Что-то среднее между големом и гомункулусом. Обладает зачатками разума, хотя и очень примитивного. Как собака, но созданная для единственной цели. После выполнения задания полностью превращается в бесполезную куклу.

– Его преследовали южане?

– Да.

Встретив в порту Саграсы отряд графа Карзани, Алия моментально догадалась о причинах его появления в этой вонючей дыре. Слухи о краже свитка распространились по миру со скоростью лесного пожара. О случившемся судачили все, кто так или иначе относился к Искусству.

Они последовали за графом вглубь материка, надеясь перехватить вора прежде, чем у него отберут украденное сокровище.

– Не понимаю, зачем хазул пришел сюда? Густой лес лишь задерживал его.

– Это все Башня. Такие сооружения, несущие в себе столько

магии, поневоле притягивают к себе любое магическое создание. Оно для них как магнит. Наверное, конструкт ехал по одной из проселочных дорог, когда его «затянуло» в водоворот ауры Блуждающего чудовища. А южане, придурки, ринулись следом.

– Он мог проскользнуть внутрь? – быстро вставил Витольд.

– Вряд ли. Изначальный приказ не позволит. Отклониться на время от курса? Возможно. Полностью отказаться от поставленной цели? Ни за что! Их специально делают такими.

Колдунья помолчала и с удовольствием выплюнула:

– А южане все равно идиоты! Что мешало схватить вора раньше?

– Наверное, не успели перехватить вовремя, – оправдывая соперников, поделился Витольд.

Алия наградила его раздраженным взглядом. Бок нещадно болел, идти приходилось осторожно, то и дело устраивая короткие передышки.

– Какая разница. Главное, что растяпы упустили его и нам не дали схватить. Дурак Карзани принялся швыряться чарами почти сразу. Тупоголовый кретин! – вспомнив, как воздух прорезала молния, сотворенная на божественных началах, Алия скрипнула зубами.

Стыдно признаться, в первую секунду схватки она подумала, что против них вышел полноценный аватар какого-то бога, настолько сильно ощущалось присутствие божественной силы. Косорукий индюк влил столько энергии в простейшее заклятье, что с лихвой хватит на уничтожение целого замка из камня. С трудом удалось погасить эффект тотального разрушения, спасаясь от взрывного отката.

Необразованный дурень даже не понимал, насколько близко находился от гибели. Да к демону графа, пусть бы подох, мир только чище бы стал, так болван мог прихватить с собой всех, включая отряд дуэгарцев.

Отрыжка лошадиной задницы! Все равно что поручить крысе из городских трущоб обслуживание алхимического движителя. Рано или поздно обязательно подорвется.

Хотя стоит признать, потом он уже освоился и бился довольно прилично. Видимо, в жезл вшиты какие-то специальные корректирующие плетения, помогающие совсем уж бестолковым носителям.

– Мы сохранили почти всех лошадей, – между делом обмолвился Витольд, осторожно покосился на госпожу и нейтральным тоном осведомился: – Будем возвращаться в Саграсу?

Она задумалась. После учиненного разгрома (поле битвы

осталось за ними, правда, однако у неприятеля имеется существенное преимущество – источник подкрепления), ввязываться в новый бой будет неосмотрительно.

Однако шанс завладеть Нимуранским свитком перевешивал любые предосторожности.

– Нет, – решительно заявила дэс-валион. – По-едем дальше. Не за графом и его людьми, а сразу к Паулю Гренвиру.

– К алхимику? Думаете, он в этом замешан?

Девушка посмотрела на воина с легкой насмешкой.

– А ты думаешь, кто вырастил хазула? Его создать не так просто. Например, я не смогу вырастить существо подобного рода. Особенность магического дара не позволит. А Старцу из башни это не составит проблем.

– Зачем ему свиток?

Алия раздраженно дернула правым плечом.

– Да все затем же, – туманно бросила она и замолкла, отвлекаясь на простейшее лечебное заклятье. Бок пылал жгучим огнем, с каждым следующим шагом боль лишь усиливалась.

Все-таки крепко приложил ее граф напоследок, перед тем как сбежать. Должно быть, жезл пошел вразнос, и южанин испугался. Повезло. Ей. Ему. Всем. У нее силы тоже были уже на исходе.

– На кого хазул похож? – осведомился Витольд.

Пришлось напрячься, вспоминая тот короткий миг, перед тем как беглец сумел скрыться в темноте мрачного ельника.

– Худой, высокий, выглядит немного нескладным, но это обманчивое впечатление. Двигается очень быстро. Одет в дорожную одежду зажиточного горожанина. Кожаная удлиненная куртка на манер камзола, черные длинные сапоги, рубаха темно-зеленая. Волосы редкие, зачесаны назад. На вид лет сорок. Лицо толком не рассмотрела.

Воин неспешно кивал, запоминая описание.

– Приметная внешность. Найдем, – уверенно заявил он.

Алия посмотрела на него с иронией. Они к подошли к лошадям. Стали подтягиваться остальные выжившие солдаты, отправленные на поиски госпожи получасом ранее.

– При необходимости эти твари умеют менять внешность. Не сильно, но достаточно, чтобы не заметить среди других людей.

– А как же вы его распознали?

Хозяйка облокотилась на ближайшего коня, переводя дух.

– Я попробовала набросить на его разум «Тенета». Думала, вор обычный человек. А он взял и спокойно бросился дальше. Вот и поняла, кого отправили в замок Разенвальд. Умно, если подумать. Алхимик знал, кого посылать.

Витольд принялся проверять седло, другие воины собирали

пожитки, уже прозвучал приказ готовиться к срочному отъезду.

– А что за человек этот Пауль Гренвир? Вы его знаете?

Лицо Алии скривилось в гримасе неприязни.

– С этим мерзким старикашкой всегда оставайся настороже. Я лично с ним не знакома, но наслышана. Никто и никогда не упоминал его добрым словом. Врагов у него много. Но у поганца есть нехорошая привычка всех заявившихся по его душу варить в котле и жрать на обед.

Чистокровная дуэгарская аристократка нахмурилась.

– А еще меня очень беспокоит появление того странного мальчишки. Не знаю, откуда он взялся, но его тоже необходимо найти… – Пауза. – И как бы не сильнее самого свитка.

Последнее уточнение вызвало удивление у главного стража. Сказать ничего не сказал, но физиономию скорчил соответствующую.

– Родовое кольцо невозможно украсть, – терпеливо пояснила Алия, неспешно забралась в седло, тонкие пальцы уверенно перехватили поводья. – И я очень хочу знать, как так получилось, что у какого-то жалкого заморыша на пальце очутился перстень с гербом моей семьи.

* * *

– Больно? – участливо спросил Рауль.

– А ты как думаешь? – огрызнулся Карзани. – Сам не видишь?

И сунул в лицо брата обожженные ладони; почуяв запах сгоревшего человеческого мяса, светский повеса испуганно отшатнулся.

– Будьте прокляты мерзкие святоши, что подсунули нам эту дрянь! – запальчиво воскликнул граф. – Паскудный жезл чуть не сжег меня заживо!

Вокруг раненого дворянина суетились сразу два лекаря, один мазал ожоги маслом, второй готовил полоски из белой ткани на перевязку.

Дьюк Харальд стоял рядом, скрестив руки на груди, мрачно наблюдая за поднявшейся суматохой. Оба чужака приехали под утро, без солдат, перепачканные в грязи, усталые и злые.

– Где ваши люди? – дождавшись паузы, вклинился дьюк и напомнил: – Днем ранее вы уезжали в сопровождении двух десятков латников.

Дело происходило в каминном зале, пострадавшего не стали далеко уносить, разместив прямо на лавках у широких дубовых столов.

– Пусть притащат еще воды! – рявкнул Рауль, глянув куда-то в направлении коридора, где бегали слуги.

Младший родственник владетеля Разенвальда пытался судорожно оттереть засохшую кровь на руках. Смешанные с потом, дорожной пылью и кусочками желтоватой хвои пятна никак не хотели поддаваться.

– Так где ваши люди? – повторил Харальд, так просто отступать он не собирался.

Королевские бумаги, может, и важны, и обязывали помогать чужеземцам с другой стороны Длинного пролива, но собственный манор для дьюка всегда оставался на первом месте. Если отряд воинов (между прочим, экипированный великолепно по здешним меркам) уничтожили неизвестные враги, то ему следовало об этом знать. И в подробностях.

– Никого нет, – мрачно откликнулся Рауль.

Карзани между тем яростно шипел, пока лекарь обрабатывал вздувшиеся волдыри и убирал остатки кожи.

– Всех убили? – удивился Харальд, в его голосе проскользнули нотки беспокойства.

Перебить группу хорошо подготовленных солдат, конных и оружных, это, знаете ли… навевало на неприятные мысли.

– Кто? – жестко спросил дьюк, отбросив условности. Не время для учтивых манер.

Брат графа тяжело на него взглянул и с явной неохотой ответил:

– Дуэгарцы.

Наступила оглушающая тишина. Упоминание зловещих последователей темной стороны Искусства вызвало оторопь. Харальд не ожидал, что в деле замешаны дэс-валион. До глухой провинции мирного королевства обычно только докатывались отголоски гремевших где-то далеко во внешнем мире грозных событий. И сегодня вдруг они очутились в эпицентре того, о чем привыкли лишь догадываться по слухам.

Дьюк нервно провел рукой по затылку, родной Хломдорг вдруг показался хлипким и беззащитным, а Заррия тесной, чтобы куда-то бежать.

– Это вторжение? – угрюмо выдохнул он.

В голове творился сумбур, проскакивали мысли, в основном связанные с экстренным отъездом в гости к дальним родственникам на побережье. Только глупец захочет участвовать в авантюре, где замешаны темные.

Против Дуэгара не осмеливались идти даже Блистательные. А обитателей небесного града никто не мог заподозрить в отсутствии разума.

– Нет, – поспешил успокоить его граф. Несмотря на ранение, Карзани моментально отметил нервную реакцию дьюка на сообщение брата. – Это один отряд. И я даю вам гарантию, что он действует без одобрения великих семей. Это инициатива исключительно одной юной особы, которая взяла на себя слишком многое.

– Да, войны можете не опасаться, – поддакнул Рауль, догадавшись, что сболтнул лишнего, но удержаться от ядовитого укола не смог: – Никто не придет захватывать ваш прекрасный замок. Не беспокойтесь.

Проскользнувшую насмешку не смог бы не заметить и более рассеянный человек. А Харальд никогда не жаловался на отсутствие наблюдательности. Он рассерженно засопел. Пришлые нравились ему все меньше и меньше. В конце концов, король далеко, а дьюк здесь, как и его земли.

– Мой брат глуп, – спокойно сказал Карзани. – Прошу простить его.

Рауль возмущенно вскинулся, готовый возразить, но под тяжелым взглядом старшего родственника осекся, насупился и отвернулся.

Дьюк ничего не сказал на проявленный гонор со стороны младшего чужака, его волновало другое.

– Вы нашли того, кого искали? – осведомился он и не замедлил уточнить: – Дуэгарцы тоже хотели его захватить?

Граф поневоле страдальчески скривился, в памяти всплыло начало боя в лесу. Яростная контратака озверевшей ведьмы едва не стоила ему жизни. А ведь отец говорил: жрецы клялись, что против жезла не выстоит ни один маг. Правильно, что темных опасаются в мире.

Вспомнив перипетии магического поединка, Карзани прикусил губу. В какой-то момент божественное оружие стало словно само по себе. Оно управляло, создавало чары и наполняло их силой, а человек превратился в придаток. Именно поэтому его чуть не сожгло, жезл принялся действовать, не оглядываясь на состояние того, кто его держал.

Хорошо еще, что удалось отделаться ожогами на руках, имелись все основания полагать, что мерзкая палка остановилась бы только после смерти носителя.

– Вор ушел. Но думаю, мы знаем куда, – сказал граф.

– Пауль Гренвир, – вставил дьюк. – Вы знаете, какая у него репутация?

– Знаем, – снова влез Рауль.

Харальд пожал плечами.

– Дело ваше. Лично я предпочел не тревожить старика все эти

годы, хотя знал, что он поселился на моих землях. Хочу, знаете ли, прожить отмеренные мне богами годы тихо и спокойно, а не загибаясь от какой-нибудь алхимической отравы.

Рауль растянул рот в презрительной улыбке.

– Силы алхимика преувеличены. Он всего лишь старик, живущий в одиночестве на отшибе.

– Старик, живущий, по слухам, уже пару сотен лет, – нравоучительно заметил дьюк, но дальше спорить не стал.

Ему вдруг остро захотелось побыстрее спровадить нежеланных гостей со двора и вернуться к обычной жизни. Дуэгары, похищенные реликвии, магические схватки, священное оружие, южане, королевские указы – все это вселяло тревогу, несло беспокойство и обещало неприятности.

Нет, пусть с этим разбирается кто-то другой. Кому нравится эта возня. Харальду это даром не нужно.

– Я дам вам сопровождающих, десять дружинников, – сказал дьюк и, предрекая возможные возражения, быстро добавил: – Больше не могу, извините. У меня ярмарка, пришло много народу, надо следить за порядком.

Карзани кивнул, принимая объяснение, хотя догадывался, что оное лишь повод не залезать излишне глубоко в надвигающиеся проблемы. Мог и вовсе отказать, да только бумаги с королевской волей никуда не исчезли.

– В качестве жеста доброй воли могу сказать, что в городе сейчас находится ученик Пауля Гренвира, – добавил Харальд, пытаясь сгладить нежелание предоставить больше людей. – Мой кастелян сообщил, что мальчишка хочет продать оружие и коней.

Граф и Руаль быстро переглянулись.

Глава 18

Проселочная дорога убегала из-под ног. Слева колосились золотистые крестьянские поля, справа темнели зеленым холмы с кустарниками. Над горизонтом весело поднималось красное солнце. Страшный ельник остался далеко позади.

Лошадей браконьеров найти так и не удалось, пришлось уходить пешим ходом. Ума не приложу, как выбрался из леса. Наверно, правильно говорят – дуракам везет.

А еще к ситуации очень подходила пословица: пошли за шерстью – вернулись стрижеными. Вместо сокровищ из зачарованной башни удалые охотники нашли свою кончину на проклятой поляне. Я тоже там чуть не умер. И потом еще несколько раз.

Спрашивается, за каким чертом вообще поперлись туда?

И непонятная стычка не выходит из головы. Да какая стычка, настоящее сражение. Два отряда ожесточенно бились друг с другом, не на жизнь, а на смерть. Яростно, остервенело, едва ли не с ненавистью. Что-то подсказывало, пленных там не брали. Резали как скот, безжалостно добивая.

Приплюсовать к этому магов – и становится совсем неуютно. Интуиция подсказывала, что мне не повезло стать свидетелем какой-то очень серьезной разборки на общегосударственном уровне.

Такое дерьмо обычно идентифицируют как необъявленные войны. А где они, там и всякого рода тайные операции, диверсионные захваты, покушения, похищения и еще не пойми что.

В подобных делах свидетелей предпочитали не оставлять.

Я споткнулся, нога влетела в нору суслика, и едва не покатился кубарем по земле.

– Да вашу мать! – выругался вслух, проверяя, не вывихнул ли стопу.

Вроде норма, побаливает, но не критично, идти смогу.

Остро захотелось взвыть в голос. Именно взвыть, не заплакать. Жалуясь на судьбу и проклиная собственную беспечность. Спрашивается, чего не сиделось в городе? Понесло идиота искать приключений на задницу, захотел колдовскую башню посмотреть. Посмотрел. Принимай поздравления и аплодисменты. Кретин…

Печенкой чую, аукнется мне еще эта авантюра.

И кольцо дурацкое все никак не хочет сниматься, как влитое сидит, ни туда ни сюда. Хоть палец отрубай, чтобы избавиться от

железяки.

Подумав об отрезанных конечностях, я поморщился. Хрен им на рыло, не собираюсь заниматься членовредительством. Надо что-то придумать. Мыло там найти или кузнеца.

Напоминание о перстне автоматически вызвало в памяти эпизод с незнакомой девчонкой. Теперь уже ясно, что она принадлежала к зловещим владыкам знаменитого Дуэгара, города-государства темных магов.

Она с кем-то сражалась в лесу. И судя по разгромленному ельнику, битва вышла на славу.

И кольцо привело меня прямиком к ней, что поневоле заставляло задуматься.

Как там призрак назвался? Что-то на «м»… Мартин… Мастер… А, точно – Мерил. Мерил дэс'Сарион. Так он представился. Поболтал, а затем вручил за каким-то чертом мне это сволочное кольцо, типа вот вам подарок, вы мне очень понравились.

Скучно засранцу, вот и решил сделать так, чтобы и я не скучал. Лови презент, мальчик, развлекайся.

Я с ужасом похолодел. Это что же получается, он меня в свой род записал?! Род дуэгарских аристократов?! Плохо дело. Они такого нежелательного «родственничка» вряд ли примут. Скорее под нож пустят, чтобы другим неповадно было.

Ну и ну, удружил призрак, нечего сказать. Подложил свинью размером с небольшой небоскреб. Надменная темная знать ни за что не признает родство, захотят избавиться, грохнут, и концы в воду.

По крайней мере, такой следовал логичный вывод, основываясь на знаниях, доступных о дэс-валион.

И девка, похоже, сразу это поняла. Как там Мерил сказал: «Нарекаю тебя Эриком дэс'Сарион». А баба та, видимо, как раз из этой семьи. Неслучайно перстень меня привел именно к ней. Опознал, значит.

Волшебная вещица думала, что ведет к близкой родне, а вместо этого чуть не отправила на закланье. Искры заклятья на кончиках пальцев девчонки так и заплясали. Еще секунда, и от меня осталась бы только хорошо прожаренная тушка. Вовремя сообразил выхватить призрачный меч.

Я с остервенением принялся крутить кольцо, пытаясь его снять. Нет уж, мне таких подарков и даром не надо. Пусть кто-нибудь другой его носит.

Бесполезно, не снимается, от слова совсем. Видимо, какая-то разновидность магии. Интересно, алхимик сможет помочь?

Вспомнив о мастере, я засопел. Вот же дерьмо! Я так и не

удосужился продать его микстуры для повышения «мужской силы». Думал оставить торговлю зельями для потенции на потом, очень уж смущала предлагаемая продукция на продажу. Даже не знаю, как подходить к такому вопросу.

Спросишь у стражника: вам не нужен местный аналог виагры, а он тебе в бубен – и никакой статус ученика алхимика не поможет. И вполне справедливо. Какой дурак будет вслух сомневаться в возможности стояка у мужика? Это надо совсем мозгов не иметь.

И лошади с оружием остались в городе. Кастелян замка вроде собирался приобрести все скопом, но подойти должен только сегодня. Поговорить, обсудить цену…

Перед глазами всплыли фигуры двух арбалетчиков в начищенных кирасах, что столкнулись со мной. Один сдох точно, ему молнией грудь пробило навылет, дыра огромная, размером с кулак. А вот второй запросто мог выжить. Следовательно, опознать мою скромную особу в дальнейшем.

В ельнике, конечно, было темно, но не всегда, магия била так, что работала не хуже супермощных прожекторов. Иногда ночь и вовсе превращалась в день.

Короче, увидеть меня могли многие. Пусть и в теории.

Возникал закономерный вопрос: не опасно ли в данный момент возвращаться в Хломдорг? Дьюк Харальд вроде выступал на стороне воинов в блестящих кирасах. Или нет? Именно к нему они недавно заявились в гости целым отрядом.

Дуэгарцы точно с ним не заодно. Точнее, он с ними не будет иметь общих дел. Остережется.

Я поймал себя на том, что сижу на обочине прямо на земле и задумчиво покусываю травинку. Солнце окончательно встало, начало припекать, день начался, и предстояло что-то решать.

Плюнуть на все и бежать? Как вариант. Куда глаза глядят, забыв обо всем на свете. Правда, неизвестно, как далеко удастся в этом случае уйти. Если вдруг все же снарядят погоню, то найдут в два счета. Без знаний местности долго скрываться не получится.

Разве что на древний погост забраться и схорониться в одном из курганов. Там точно не найдут.

«Угу, – тут же сам себе мысленно возразил, – люди, может, и не найдут, а вот ожившие мертвяки на пару с остатками старой магии запросто. Там же и схарчат, не отходя от места».

Нет, на кладбище прятаться последнее дело. Как и в какой-нибудь деревне. Мигом выдадут чужака. А то и сами схватят.

Уйти в лес? С моими познаниями в области выживания, думаю, будет проблематично продержаться долго в окружении дикой природы. Тоже слопают, но на этот раз уже звери.

Не пойдет. Глупо и опасно.

Как ни в чем не бывало вернуться в Хломдорг? А если начнут приставать с расспросами, с каменной физиономией все отрицать.

Хорошо бы, да только, боюсь, не поможет. Здесь не Земля начала двадцать первого века, о презумпции невиновности слыхом не слыхивали, а право молчать легко заменялось пытками.

И прятаться за авторитетом Гренвира не выйдет. В деле замешаны силы ничуть не слабее Старца из башни. Вон, как здорово покуролесили в ельнике. Что-то сомневаюсь, что алхимик в смешном балахоне волшебника сможет натворить нечто подобное.

Мигом схватят и призрачного меча не испугаются.

Или нет? И я недооцениваю старика?

И девка эта все никак не желала оставлять в покое. Появилось стойкое ощущение, что она обязательно постарается меня выследить. И не чтобы разговоры по душам разговаривать, а дознаться, откуда бродяжка-сирота достал родовое кольцо ее семьи. А как узнает, прибьет и спасибо не скажет.

Я в очередной раз попытался стянуть перстень. Не поддавался, подлюка. Гребаная магия семейных заклятий.

Ладно, без паники, надо успокоиться и подумать.

Пускаться в бегство не выход, ехать в город тоже, остается одно – обратно к учителю. В принципе, пока это единственно доступный вариант. Жалко, конечно, коней и оружие, да своя жизнь дороже. Хрен с ними, с деньгами. Может, староста сам продаст. А выручку поделим потом.

Да, скорее всего, попадет от старикана за непроданные порошки. Зато не потерял, вон лежат в дорожной котомке. Придумаю что-нибудь в качестве оправдания.

Покупателей не нашлось, заезжие конкуренты с аналогичным товаром, у населения средств едва на еду. Ну или пообещаю потом сгонять в замок и толкнуть все оптом тому же кастеляну или командиру стражников. А уж они пусть после сами продают кому хотят. Им же выгодней.

Я рассеянно вытащил изо рта травинку, неторопливо покатал между пальцев, все так же глядя за горизонт в тяжелых раздумьях о дальнейших действиях.

Тепло в груди зародилось неожиданно, прокатилось легкой волной по телу и закончилось в кончиках пальцев.

Травинка в руках начала стремительно изменяться, обращая растительность в полупрозрачную кристаллическую структуру неестественного происхождения. Раз – и вместо свернутого

листочка появилась стеклянная палочка.

На этом трансформация не остановилась. Твердая поверхность вытянутого кристаллика быстро покрывалась мелкими черными точками. Их число росло, они объединялись в темные пятна.

В следующую секунду стекло пошло трещинами и стало быстро осыпаться на землю зернистым прахом.

Метаморфоза заняла буквально пару мгновений. Вдох-выдох – и от травинки ничего не осталось. Исчезла, обратилась в пыль, растворяясь в рыхлой грязи придорожной обочины.

– Вот вам и фокус-покус, – ошарашенно пробормотал я и потер большим и указательным пальцем, растирая остатки порошкообразного вещества.

Разыгравшееся воображение живо нарисовало, как целые поля зеленой травы исчезают, обращаясь в черную пыль.

Искра горела мощно и ярко. Магический источник внутри меня… до сих пор не могу поверить в его существование. Он напоминал второе сердце, бьющееся в унисон с настоящим.

Откуда-то пришло понимание, что обладающие достаточно сильными искрами маги могут выжить, даже если их реальное сердце пронзить сталью.

Магия – она была способна на многое, в том числе на весьма нехорошее.

Поежился. Стало неуютно, демонстрация силы дара алхимика неосознанно вызвала страх. И вместе с тем пришло любопытство. А на живую ткань тоже будет так же действовать? И нельзя ли его использовать в качестве оружия?

Это уже заговорила половинка Эри. Беспризорный сирота с детства привык защищать себя сам и в первую очередь думать о защите.

Не так уж и глупо, если подумать. Особенно если вспомнить о прошлой жизни пацана на улице.

Si vis pacem, para bellum – хочешь мира – готовься к войне.

Никто не будет о тебе заботиться, кроме тебя самого. И защищать тоже. Хочешь быть сильным и независимым – будь добр соответствовать. А иначе все это лишь болтовня, и любой нищий, умеющий обращаться с ножом, станет причиной твоей безвременной кончины.

Определенно, надо возвращаться к Гренвиру. Учиться, учиться и еще раз учиться.

Надеюсь, мнение насчет важности собственной персоны окажется ложным и никто не припрется в башню алхимика требовать мою голову. А если и припрется, то вряд ли старик пойдет на уступки. И дело даже не во мне. Из вредности упрется,

старый хрыч.

Вот самому отправить на погибель – запросто. Отдать кому-то – хрен там. Характер не тот, знаю я его.

Значит, решено, отправляемся назад, не заходя в город. Возможно, там никто меня и не ждал (кстати, скорее всего, так и есть, у противоборствующих сторон и так забот хватало с лихвой, эвон какую разборку учинили с множеством трупов), но перестраховаться стоило. На всякий случай.

Сразу как-то полегчало. Кошмары ночного забега по ельнику, смерть браконьеров, горящий лес, магия, дерущиеся солдаты – все отступило на второй план.

Хватит накручивать себя. В конце концов, может, меня никто и не видел. Да и вообще, кому я тут нужен. У местных сейчас другая проблема – дуэгарская ведьма в сопровождении воинского отряда без присмотра шляется по окрестностям. Дьюк наизнанку должен вывернуться, а найти проказницу. Наверное… Все-таки это его земли, а темные – чужаки. Право хозяина защищать свои владения, иначе какой же он хозяин?

В точности своих рассуждений я, разумеется, сомневался. Но куда деваться? Это куда лучше, чем думать, что на тебя самого устроила охоту взбешенная самка собаки из числа темных магов.

Склочный и вредный чародей сейчас для меня единственный шанс. Ведь несмотря ни на что, он оставался моим мастером.

Забавный парадокс, слышать подобное утверждение от того, кто только что заявлял, что надеяться можно лишь на себя. Но так вот и бывает в реальной жизни. Нет категоричных истин, нет деления на черное и белое, есть лишь твое восприятие мира и кем ты хочешь в нем стать.

Что-то меня потянуло на философию. С этим надо завязывать. До дома путь неблизкий, стоит не отвлекаться и поторапливаться.

* * *

Дорога до башни старого алхимика заняла весь день и большую часть ночи. Спал на земле, укутавшись в плащ, очень кстати приобретенный на ярмарке.

Пробирался в основном полями, стараясь не светиться на оживленном тракте. В одной небольшой деревеньке купил у крестьян тощую курицу за пять медных монеток. Знал, что опасно, но жрать хотелось так, что живот прилипал к позвоночнику.

Ничего, обошлось. Никто меня не хватал и не спешил тащить

к местному феодалу. Ни о каких конных разъездах, ловящих кого-либо, народ тоже не слышал.

Я все больше склонялся к мысли, что сам себя накрутил и напридумывал черт знает что. Никто меня не искал, да и вообще не видел на той проклятой поляне. Арбалетчики, наверное, пали в сражении, а девчонка уже давно навострила лыжи куда подальше, стараясь не нагнетать конфликт с местной властью.

В какой-то момент мелькнула идея плюнуть на все и поворотить назад. Кони и оружие стоили немалых денег, а на старосту надежды мало. Кто его знает, как поведет себя, узнав о моей пропаже. Возьмет и сдаст все добро дьюку Харальду, наплетя сказки о залетных разбойниках.

Так я рассуждал, лежа на спине и глядя на ночные звезды. Запеченная в глине курица мирно покоилась в животе, вызывая чувство умиротворения. Мир казался добрым и приветливым.

Зато утром, рядом с погасшим костром в окружении сырости и холода, чувство тревоги и страха нахлынуло со свежей силой. Спал плохо, снились какие-то кошмары, в основном связанные с собственной гибелью.

Причем убивали меня все: и дуэгарская колдунья с удивительными волосами, почему-то меняющими цвет с черного на белый, и целая армия арбалетчиков успевала сделать из меня подобие подушечки для иголок, и неизвестный маг, поджаривающий мою тушку радужным пламенем, и воины в темных доспехах, рубящие меня в мелкую капусту, и дьюк, приказывающий повесить подозрительного ученика алхимика-отшельника, и даже сам старый алхимик, вознамерившийся пустить меня на заготовку редких ингредиентов.

Дурдом, короче. Так что ни о каком возвращении не могло идти и речи. Жить хотелось аж жуть.

Остаток пути прошел без значительных происшествий. К воротам ограды подошел ближе к обеду. Калитка стояла раскрытой настежь, из-за забора доносилось странное бормотание.

Я осторожно заглянул через створку и увидел Гренвира. Старик в своей неизменной синей хламиде, покрытой непонятными письменами, стоял посреди двора и разглядывал какого-то человека.

Высокий, одет как средней руки горожанин, худой, с невыразительным лицом.

Я сначала не понял, что показалось в нем странным. Потом дошло. Он совершенно не двигался. Замер истуканом на одном месте и, кажется, даже не моргал.

Надо понимать, что ни один нормальный человек не будет

себя так вести. За исключением разве что солдат на карауле. И то жизни в них заметно больше, чем в этой статуе.

У эксцентричного алхимика и гости такие же – чудаковатые.

– Здрасьте, – поздоровался я, переступая через порог.

Гренвир лишь бросил на меня беглый взгляд и вновь повернулся к незнакомцу. Чего он там разглядывает, интересно?

– Вижу, вы заняты, пожалуй, не буду отвлекать, – я бочком попытался обойти странную парочку. – Просто хотел сказать, что продать порошки в этот раз не вышло, в следующий раз возьму в два раза больше.

Моя попытка прошмыгнуть ко входу в башню не увенчалась успехом, тонкие, но при этом удивительно сильные пальцы в последний миг успели схватить меня за шиворот.

– Это что такое? – спросил меня Гренвир, тыча в остолбеневшего человека.

Я удивился. В смысле? Это он меня спрашивает? Совсем старикан спятил?

– Эм-м… человек вроде, – неуверенно брякнул я, не зная точно, что отвечать.

Что за ерунда? Мне-то откуда знать?

– Вот то-то и оно, что вроде, – как-то меланхолично протянул алхимик и уточнил: – Это хазул.

Признаться честно, понятнее не стало. Что еще интереснее, моему раннему появлению старик нисколько не удивился.

– Кто это? – послушно спросил я, потому что очевидно, что чародей ждал этого вопроса.

– Правильно сказать – что это? – нравоучительно заметил он и без особого пиетета ткнул пальцем незнакомца прямо в лоб.

Тот не шелохнулся. Все так же стоял истуканом и не двигался. Право слово, как сломавшийся робот, зависший на программе ожидания дальнейших команд.

– Давненько я не встречал подобных созданий, – флегматично поделился Пауль Гренвир.

– А это кто такой? – спросил я и тут же поправился: – Что это такое?

Поверить в то, что человек ненастоящий, было сложно. Выглядел он до жути натуралистично. Разве что не шевелился совсем. Вот это и выделяло его из обычных людей.

– Голем? – предположил я.

Алхимик небрежно кивнул, затем подумал и отрицательно покачал головой. Угу, прямо кладезь полезной информации.

– Помнишь нашего друга сверху? – осведомился он и кивнул в направлении четвертого этажа башни.

Я закивал. Плененного божка еще долго не забуду. Как,

впрочем, вероятно, и он меня. Хе-хе, у нас с ним взаимное неприятие.

– Его тело, вместилище, выращивалось отдельно. Плотский сосуд, чтобы в дальнейшем поместить в него сознание, – принялся объяснять старик. – Вроде и живое существо, и в то же время нет. Наличие духа вместилища в этом случае определяет уровень разумности. Големы полностью неживые. У них разума вообще нет. А вот в нем, – палец еще раз ткнулся в незнакомца, на этот раз в район груди. – И того и другого помаленьку. Выращенная оболочка, наделенная зачатками разума при помощи специальных чар.

Вот это новости. Я подошел к человеку (или как его называть?) и принялся внимательно вглядываться в его лицо.

– Он не живой? – опешил я. – Совсем?

Голос мой сочился недоверием. Может, мужика просто загипнотизировали? Странности в поведении не повод считать кого-то бездушной куклой. Или как? Все-таки в этом мире магия играла большую роль.

– Совсем, – передразнил меня Гренвир и вдруг совершенно неожиданно рассмеялся колючим смехом.

От его ржания, походившего на карканье ворона, у меня мороз пробежал по коже. Выглядел алхимик отчего-то очень злым и одновременно веселым. Словно узнал нечто плохое и в то же время почему-то забавное.

Совсем слетел с катушек, старый, подумалось с легкой грустью мне. Идея вернуться обратно уже не казалась такой уж хорошей. Общество спятившего волшебника, что может быть хуже?

– К вам его кто-то послал? Враги? – пробухтел я, на всякий случай делая шаг назад.

В наличие врагов у зловредного старикана верилось легко. Думаю, у него целая вереница недругов, длиной с морскую милю. Другой вопрос, вряд ли его волновали подобные мелочи. На такого где залезешь, там и слезешь. И добро еще, если целым.

Гренвир насупил брови, на тонких синеватых губах продолжала блуждать злая улыбка.

– Кто же его знает? – он беспечно пожал плечами.

– А может, это гонец? – я критическим взглядом еще раз оглядел непонятного посланца. – Вы его обыскали? Может, письмо какое в кармане лежит?

Старик оглянулся на меня и почему-то посмотрел очень и очень подозрительно. Я развел руками.

– Я первый раз его вижу, – поспешил откреститься я, пока у старикана не возникло всякого рода конспирологических идей

насчет моей связи с гостем.

Алхимик еще раз с недоверием оглядел меня и быстро, едва заметно касаясь одежды существа, довольно профессионально обыскал его.

– Ничего нет, – вынес он вердикт спустя несколько секунд. – Пара серебряных монеток, и всё.

Волшебник вдруг остановился и принюхался, уставившись вновь на меня. Точнее, на мою руку.

Проклятое кольцо.

– А это откуда? – алхимик протянул руку и схватил мою кисть.

Приподнял, чтобы удобнее видеть, и повернул перстнем на свет.

– Дуэгарская работа, – моментально определил он. – Чую их магию. Где взял?

Пронзительный взгляд глубоко запавших глаз вонзился не хуже острой стрелы. Я сбивчиво рассказал о позапрошлой ночи. О встрече в харчевне с браконьерами, о Блуждающей башне, о призраке, о битве магов и воинов. Всё выложил.

Холодный взгляд голодной рептилии на морщинистом лице гипнотизировал, подавлял волю, заставляя говорить правду.

Я как раз дошел до места, где выбирался из мрачного ельника, когда из-за забора прилетел звук топота множества копыт. К башне быстро приближался отряд всадников.

– Это они. Должно быть, выследили, гады, – засопел я.

Гренвир вытянул подбородок и неспешно изрек:

– Что-то я сомневаюсь, что причина появления крупного отряда солдат – мелкий безмозглый мальчишка.

Мне бы обидеться, да куда там, кошмар позапрошлой ночи молниеносно всплыл в памяти. Второй раз проходить через этот дурдом категорически не хотелось.

– Спрячемся внутри? – предложил я, готовый бежать внутрь башни. – Забаррикадируемся, глядишь отобьемся.

Я с надеждой взглянул на старика, он ответил мне недоуменным взглядом.

– Зачем? – сказал он. – Если кто-то хочет меня убить – милости просим.

И преспокойно шагнул к воротам. Поколебавшись, я встал за его левым плечом.

Глава 19

– Пойду один, попробую поговорить, может, он здесь ни при чем, – предупредил граф, неловко выбираясь из седла, обмотанные повязками руки мешали с привычной сноровкой обращаться с конем. – Ждите здесь и ничего не предпринимайте без приказа.

Рауль протестующе открыл рот, но под требовательным взглядом брата со щелчком захлопнул обратно. Обиженно засопел и отвернулся.

Позади столпился отряд. Тридцать латников южан и десять дружинников Харальда. На этот раз Карзани решил взять с собой всех, кто остался после битвы в лесу. Погоня подходила к финалу, оставлять кого-то в замке негостеприимного дьюка не имело смысла.

Граф приблизился к частоколу, помедлил, створка калитки светилась узкой полоской просвета. Открыто, заходи не хочу. Но, несмотря на это, властитель замка Разенвальд входить сразу не стал. Деликатно постучал рукоятью кинжала по деревянным створкам, почему-то уверенный, что хозяева его сразу услышат. Так и случилось.

– Входи, гость, – раздался из-за ограды старческий глас с легкой хрипотцой.

Граф вздохнул, мысленно осенил себя ограждающим от злых сил знамением и толкнул дверь. Калитка распахнулась без звука. Он вошел внутрь и почти сразу остановился.

Посреди двора возвышался седовласый алхимик-затворник. Мантия цвета морской волны исписана непонятными знаками, как древние летописи, костистое лицо испещрено морщинами, как кора столетнего дуба, кожа желтоватая, похожая на пергамент.

Знаменитый чародей стоял спокойно, скрестив руки на груди. Темные выразительные глаза смотрели строго и цепко.

Позади громоздилась башня. Массивная, широкая, тяжеловесная, в четыре этажа, она производила двойственное впечатление. Вроде и развалина, каких поискать, с рытвинами и шероховатостями на стенах. И в то же время ощущалась в ней некая непреклонная крепость. Бей из осадных орудий хоть до скончания века – будет стоять, не шелохнется.

За левым плечом алхимика обнаружился мальчишка неопределенных лет. То ли пятнадцать, то ли семнадцать, не поймешь. Невысокого росточка, узкоплечий, у него был какой-то взлохмаченный вид. Должно быть, потерявшийся ученик. Они его

в городе искали, а он уже здесь. Шустрый пострел. Никому не сказал, взял и сбежал назад, оставив деревенских самих управляться с продажей добычи.

Вспомнив о трофейных лошадях и небольшой горке оружия, что привезли селяне на ярмарку, граф поневоле поджал губы.

Староста близлежащей деревеньки поведал им об обстоятельствах появления топоров и коней, и это озадачило слушателей. Никто не мог поверить, что хлипкий на вид мальчишка в одиночку расправился с целой бандой мародеров. Такое и взрослому воину не по плечу, куда уж худощавому постреленку.

Недоверчиво хмурились, пока дьюк любезно не указал на личность героя. Недоверия сразу же поубавилось. На что способен ученик Пауля Гренвира, никто толком сказать не мог, потому оставили разбирательство на потом.

В любом случае с мальчишкой надо оставаться настороже, отметил про себя граф.

А в самом центре двора находился тот, кого они выслеживали вот уже несколько дней. Нескладный мужчина неопределенных лет стоял смирно, лицом вполоборота к воротам.

Значит, пришли по адресу, похищение свитка и вправду организовал старый отшельник. Просто удивительно и зачем ему так рисковать? Что не сиделось в своей глуши? Ведь не мог не понимать, к чему это все приведет и какие силы придут в движение, стремясь вернуть украденное обратно.

– Приветствую достопочтимого мастера Гренвира, – с достоинством поклонился Карзани.

Старик ответил небрежным кивком.

– С чем прибыли? – бросил он и повел бровью, указывая на забор, откуда доносилось конское ржание.

Граф запнулся, не зная, как точно строить разговор дальше. Зримое подтверждение причастности к краже, торчащее прямо посреди двора, ломало рисунок привычного поведения.

Почему виновник громкого преступления не потрудился упрятать вора внутрь башни? Оставил на самом видном месте как ни в чем не бывало. Будто ничего не боится, заранее насмехаясь над загонщиками.

Мол, смотрите: да – это сделал я, и все равно вы ничего мне не сделаете.

Рука сама дернулась проверить жезл, спрятанный до поры до времени под камзол. Невозмутимость старика смущала, вызывала опасения и заставляла действовать осторожно.

Но построив дальнейший ход беседы с кружевами обмолвок и словесных ловушек, Карзани понял, что они еще долго тут смогут

болтать, не подходя к основной теме встречи. Алхимик будет издеваться и сыпать насмешками.

Решил не ждать и сразу ударить в лоб.

– Зачем ты, многомудрый старец, похитил Нимуранский свиток? – спросил он, глядя старику прямо в глаза. – Разве не знаешь, к чему это может привести?

И вот тут граф искренне удивился. Глаза Пауля Гренвира изумленно распахнулись и вспыхнули.

Неужели промашка? Не знал? Тогда что здесь делает вор? Почему пришел именно сюда?

Старик облизал губы и вдруг покосился жадным взглядом на вора, словно мысленно уже разделывал его на куски. Он сразу догадался, куда клонит гость. Сложил два и два и сделал логичный вывод о принадлежности первого непрошеного визитера.

– Так вы не знали? – уточнил граф, хотя и так было видно, что алхимик не в курсе последних событий. – А что он здесь делает?

Рука Карзани приподнялась и указала на незнакомца.

– Это хазул, – пояснил волшебник рассеянным тоном, его взгляд буквально жег застывшего безмолвным столбом человека.

– Кто? – переспросил граф.

Алхимик отмахнулся, вместо него слово взял мальчишка.

– Магическое создание, – проронил он и уставился неприязненным взглядом на гостя.

Карзани про себя вздохнул. Что первый, что второй не отличались особой доброжелательностью. Видимо, скверный нрав передался от учителя к ученику.

– Хотите сказать, что он сам к вам пришел? – осведомился граф, желая хоть как-то прояснить ситуацию.

До приезда к башне имелись только подозрения, что в деле замешан чародей-отшельник, и вроде они полностью подтвердились зримым наличием вора во дворе обители оного. Однако дальнейшее поведение совсем не вписывалось в привычные рамки происходящего. Алхимик не вел себя как виновный. Скорее наоборот, не понимал, что происходит.

– Так значит, оно украло Нимуранский свиток? – уточнил старик в расписанной колдовскими знаками синей хламиде, полностью проигнорировав прозвучавший ранее вопрос.

Карзани ничего не оставалось, как кивнуть.

– Как любопытно, – протянул, почти промурлыкал Гренвир.

И вдруг совершенно внезапно для всех окружающих резко ударил по вору ребром ладони, с одного удара отделив голову от туловища.

Брызнула кровь. И не просто брызнула, а взметнулась вверх настоящим фонтаном, чудом не попав на стоящих рядом алхимика и подмастерья.

Граф разинул от изумления рот. Не от сделанного сумасшедшим стариком, умудрившимся голой рукой снести человеку башку одним взмахом, а от того, что обезглавленное тело осталось стоять прямо, и не думая падать.

– Что за… – потрясенный Карзани рванул воротник камзола и тут же зашипел от боли, обожженные пальцы не желали слушаться.

В ту же секунду послышались громкие крики. В ворота сзади что-то громко ухнуло, деревянные створки не выдержали и распахнулись. Во двор полноводной рекой хлынули закованные в сталь солдаты, что-то крича и потрясая оружием. Первым несся Рауль, храбро сжимая в руках сверкающий меч.

Граф в мгновение ока понял, что происходит. Кровь брызнула так высоко, что взлетела над краем частокола. Его люди увидели это и недолго думая бросились на выручку, думая, что господина убивают.

Карзани предостерегающе закричал, пытаясь остановить атаку.

Поздно. Солдаты уже вломились внутрь и увидели целую и невредимую фигуру властителя замка Разенвальд, лишь пробежав несколько метров. Они честно попытались притормозить, но старец из башни уже начал действовать, отражая внезапное нападение.

Дальнейшее запомнилось какими-то рваными урывками, поделенными на ужасающие фрагменты. Все происходило очень быстро.

Граф мог быть жестким и даже жестоким, и совсем не чурался пролить лишний раз кровь, но даже ему стало дурно от увиденного зрелища.

От алхимика по земле протянулись извилистые линии черноты, на ходу распадаясь на более мелкие нити на манер расходящейся сетки.

Солдаты уже делали последние шаги, пытаясь остановиться, когда утоптанный двор вздыбился лесом темных шипов. Острые, тонкие, отливающие мраком, они вонзились в людей, как ударившие снизу копья.

Послышались крики ужаса. Страх удушающей волной прокатился по отряду бывалых рубак.

Черные как смоль жгуты били снизу-вверх, насквозь пронзая облаченных в крепкую броню воинов. Закаленная сталь рвалась как бумага, не оставляя солдатам ни единого шанса.

Тем, кто не добрался до забора, тоже не повезло. Чернота скакнула дальше, проползая по земле бурой змеей, ныряя под частокол и вырываясь в воздух уже где-то за воротами.

Вскоре оттуда тоже прилетела порция воплей умирающих людей.

Магия алхимика с Истинным даром показала свою смертоносность.

Два удара сердца – и четыре десятка воинов, облаченных в латы, шлемы и кольчуги, закончили жизнь нанизанными на острые пики, выраставшие прямо из-под земли. Их словно посадили на кол, но сделали это почти мгновенно и не разбирая, где прокалывать тело.

Остро запахло сырым железом – запах крови буквально затопил небольшой дворик башни.

Граф схватился за Радужный жезл и рванул божественное оружие наружу, не обращая внимания на боль в обожженных руках.

И застыл, пораженный, что ничего не происходит. Жезл молчал, не откликаясь на призыв дать силы носителю. Он будто превратился в обыкновенную палку, украшенную малой россыпью драгоценных самоцветов.

Карзани повернулся к Гренвиру. Алхимик стоял во все той же небрежной позе, его руки покоились скрещенными на груди. Лицо чародея пересекала насмешливая улыбка, больше похожая на волчий оскал.

– Я позволил себе отрезать вашу игрушку от внешнего управления, – любезно проинформировал он. Голос старика сочился ядом ехидства.

Граф неосознанно дернулся, собираясь схватиться за меч. Алхимик предостерегающе покачал указательным пальцем.

– Не советую, – изрек он.

И Карзани обессиленно опустил руки. Без магической помощи бороться против монстра, способного за несколько мгновений убить столько вооруженных солдат, бесполезно.

Он покосился направо, надеясь, что божественное провидение или удача спасли Рауля от участи остальных воинов.

Брат висел, пронзенный черным копьем, вырастающим из земли, как и другие. Глаза его глядели в никуда, грудь не вздымалась. Черный шип пробил его насквозь, войдя в районе бедра и выйдя через ключицу, едва не задев голову.

Горечь и ярость поселились в груди Карзани. Хотелось рвать и метать, грызть зубами ненавистного чародея.

– Ты заплатишь за это, старик, – с ненавистью выдохнул он.

Гренвир ухмылялся.

– Знаешь, сколько раз мне говорили нечто подобное за всю мою долгую жизнь, южанин? – зло рассмеялся алхимик. – Догадываешься, что потом случилось с ними со всеми?

Истинный маг на деле подтверждал свою репутацию. Слухи не врали. Недаром с ним опасались связываться даже Блистательные и жрецы из Шасцу-Насхар. Древняя тварь в человечьем обличье оказалась именно тем, кем описывали ее в преданиях: кровожадным чудовищем без страха и совести.

Никто из солдат ничего не успел понять, как оказался мертв. Тела повисели на острых стержнях пару мгновений, а затем принялись покрываться черной коркой, становясь твердыми, как камень.

Алхимик сделал пасс рукой, и трупы осыпались на землю антрацитовым водопадом обломков.

– Не повторяй их ошибок, глупец. Езжай домой и забудь обо всем, что здесь случилось, – прозвучали слова.

Граф не понимал, почему до сих пор жив. Причуда могущественного волшебника? Решил отпустить?

– Я здесь за свитком и не уйду без него, – свирепо прорычал Карзани, шаря по эфесу бесполезной рапиры.

– Ах да, Нимуранский свиток, – протянул алхимик и невозмутимо повернулся к обезглавленному туловищу, до сих пор стоящему на ногах. – Посмотрим, посмотрим, что несет внутри себя наш нежданный гость.

Гренвир повел рукой, делая рубящий жест, и тело хазула распалось на две ровные половинки. Водопадом рухнула кровь, следом посыпалась багровая требуха. Внутренности магического создания походили на человеческие, но имелись и наглядные отличия. В частности, внутренние органы почему-то отдавали темно-фиолетовым и выглядели слишком твердыми на вид. Как куски сырой глины.

Старик наклонился и без трепета принялся рыться в отвратительной массе, без всякой брезгливости и смущения.

– Нет здесь ничего, – вздохнул старец из башни. В его голосе отчетливо проскользнули нотки сожаления.

– А если бы свиток нашелся, забрал бы себе? – с вызовом спросил граф.

– Конечно, – и не подумал отпираться Гренвир. – Если нашел, почему бы не взять? Все-таки Нимуранский свиток редкая для нашего мира вещица. В хозяйстве всегда пригодится. Жаль, что не я послал хазула в твой замок, южанин.

Граф пытался найти на лице волшебника признаки притворства и не находил их. Он не врал. Похоже, отшельник и впрямь никак не связан с кражей. А значит, их пустили по

ложному следу, намеренно отправили вора сюда, не без основания думая, что охотники ринутся следом.

Все выглядело закономерно. Кто, как не могущественный алхимик, мог создать подобное существо? Неизвестный похититель, скорее всего, даже просчитал реакцию старого чародея на вторжение в собственный дом, что это явно задержит преследователей надолго, если не навсегда, оставив гнить кости в сырой земле рядом с башней.

– Я могу уйти? – Карзани повел плечами, готовый встретить смерть, если чародей передумает.

Гренвир отмахнулся.

– Можешь. Расскажешь другим, что здесь случилось, чтобы урок усвоили впрок.

Граф вдруг понял, что тот с самого начала не планировал его убивать. Не исключено, что хитрый старик поступал так и раньше. Отпускал одного выжившего с наказом донести до других буйных голов, как алхимик расправляется со своими врагами.

Так и рождались легенды. А иначе откуда бы появлялись зловещие слухи?

Карзани сделал осторожный шаг назад, потом еще один. Волшебник все еще ковырялся носком сапога в требухе убитого вора, задумчиво хмурил брови, совершенно потеряв всякий интерес к последнему выжившему из многочисленного отряда солдат.

Стараясь не смотреть на то, что осталось от тел, граф проскользнул за ворота, взял ближайшего коня и, вскочив в седло, дал шенкеля, стараясь побыстрее убраться от кошмарной башни, где несколько минут назад всего один человек устроил настоящую – бойню.

Скакал долго, до самого вечера. Сползая с седла на постоялом дворе, Карзани случайно дотронулся до Радужного посоха и с радостным удивлением понял, что святое оружие вновь его слышит.

* * *

Светопреставление в лесу, вырванные с корнем могучие ели, разодранные в клочья стволы, сверкающие зарницы на кромке неба – все это ерунда по сравнению с тем, что устроил старикан.

Когда через ворота ворвалась орава закованных в железо амбалов, что-то громогласно орущих, вздымающих в воздух мечи и щиты, я, честно говоря, думал – всё. Приехали. Сейчас нас будут резать, как цыплят. Точнее, рубить крест-накрест, внахлест

и через колено. Короче, растопчут и не заметят, мимоходом снеся башку и заодно порубив на мелкие ломти.

На самом деле это очень страшно, когда на тебя бежит толпа вооруженного до зубов народа, размахивая остро заточенной сталью. Чувствуешь себя маленьким, беззащитным и, что особенно важно – до крайности уязвимым.

В общем, увидев все это безобразие, я инстинктивно подался назад, намереваясь влететь в дверной проем входа в башню и по возможности успеть захлопнуть за собой дверь.

Однако тут в дело вступил Пауль Гренвир, и стало понятно, что его не зря боялись очень многие, и каким именно образом ему удалось прожить так долго, имея столько врагов.

Все произошло невероятно быстро. Почти мгновенно.

Раз – к нам вламывается группа латников, с явным желанием порубить тут все живое в капусту.

Два – вся эта орущая рать оказывается на острых образованиях, выстреливших из-под земли. Будто бабочек насадили на иголки.

Жуть. Меньше чем за три секунды мой так называемый учитель умудрился прикончить полноценный боевой отряд воинов.

Хуже того, трупы почти сразу также стали чернеть, обращаясь в подобие темного кварца. Гренвир лишь взмахнул рукой, и все рухнуло вниз дождем битых осколков.

Выглядело все это ужасно. И вместе с тем невероятно завораживало. Алхимик так легко и непринужденно разделался с неприятелем, что я еще долго стоял с отвисшей челюстью, не зная, как реагировать на подобное проявление силы.

– Чего встал? Быстро за лопатой. Двор не уберет себя сам, – из состояния шока меня вывело ворчание старика.

Когда последний выживший (а скорее отпущенный восвояси милостью чародея) исчез за воротами, откуда вскоре донесся стук копыт уезжающей лошади, Гренвир вновь нацепил на себя маску вечно недовольного всем на свете старикана.

Теперь-то я понимал, что его обычное поведение всего лишь одна из масок. Не знаю, кем он являлся на самом деле, но уж точно не заурядным отшельником, кому повезло открыть способ продления жизни.

– Что такое Нимуранский свиток? – осмелился спросить я, прежде чем приступать к уборке.

Осознание того, что придется убирать останки мертвецов (пусть и превращенных в черные кристаллы), не вызывало особого вдохновения.

Алхимик остановился и как-то подозрительно на меня

уставился. Что еще? Устроит новый допрос? Вроде все рассказал, ничего не утаивал.

– Еще как утаивал, – вдруг заявил старик.

Я моргнул. В голове заметались панические мысли. Он умеет проникать в разум! Он читает мои мысли!

Раздался каркающий смех. Волшебник хохотал, держась за живот обеими руками.

– Ха-ха, да, я умею читать мысли! – сообщил он и снова засмеялся, как ненормальный.

Я суматошно пытался придумать, как бы закрыть свое сознание. Так напрягся и перепугался, что последовал новый взрыв хохота, напоминающего скрежет наждачной бумаги.

– Бестолковый мальчишка, да будет тебе известно, что проникать в мозг разумного могут лишь боги, и только у алтаря во время обряда полного посвящения. Таким образом они проверяют чистоту помыслов своих избранников. Больше никто в мире не умеет этого делать. Даже самые могучие маги не могут контролировать людей, – объяснил старик, когда ему надоело смеяться.

Делать ему больше нечего, как издеваться надо мной. Старый хрыч.

– А узнать, о чем ты думаешь, не составляет особого труда, достаточно внимательно следить за лицом. Твоя физиономия для меня, как открытая книга.

Ну да, мог бы и сам догадаться. Покер-фейс я строить никогда не умел.

– Так что за свиток и почему за ним охотятся чуть ли не целые армии? – вновь спросил я, оттягивая момент похода за лопатой как можно дольше. Да и любопытно же.

Гренвир помедлил, еще раз оглядел поле боя с горками битого черного кварца и медленно проронил:

– Нимуранский свиток – это древняя реликвия времен эпохи зарождения мироздания.

Сказал и замолк. Внутри меня поднялось раздражение. Что за дурная привычка, обрывать рассказ на полуслове? Сказал «а», так будь добр говорить и «б». Но вместо того, чтобы возмутиться, я задал другой вопрос:

– Отправляя сюда получеловека-полуголема, вас хотели подставить? – я уже в общих чертах догадался о произошедшей истории.

Так ловко обезглавленный хазул выступил в роли вора пресловутого свитка. За ним отправили погоню, которая в конечном итоге привела к нам. Такое не происходило просто так. За случившимся чувствовался чей-то замысел.

– Зачем подставить? Хазул выполнял приказ и сделал это отлично, – невозмутимо ответил Гренвир.

Я вообще запутался. Выполнял приказ? А как же «давненько не встречал подобных созданий»? Сам же заявлял, что понятия не имеет о том, откуда взялось существо. И тому южанину на это чуть ли не прямо намекал, говоря, что первый раз слышит о похищенном свитке.

– Так это что же получается… – я не закончил, рука сама потянулась почесать затылок, придавая мыслительной активности ускорение.

– Что создал его я, и это правда, – как ни в чем не бывало признался алхимик и жестом фокусника вытащил из просторных рукавов компактный тубус из светло-зеленого материала.

Ошарашенный, я моргнул и распахнул от удивления рот.

Ничего себе старый дает. Театр одного актера, блин. Здорово сыграл непонимание. Я и сам ему поверил. Видать, за столетия отлично научился притворству. Всех провел.

– Ну а теперь твоя очередь, – совершенно неожиданно Гренвир надвинулся на меня, худая рука ловко схватила меня за шею и притянула к мрачному лицу чародея: – Рассказывай всё. Кто ты и откуда? Или ты думал, что я не учую твою чужеродную сущность еще во время лечения?

Я обомлел.

Глава 20

Хочешь повеселить судьбу – возомни себя самым умным. Она не замедлит уронить тебя на грешную землю и с удовольствием повозить мордой в грязи.

Пока я изучал этот мир, Пауль Гренвир – алхимик и чародей, изучал меня, непонятное существо, явившееся в его дом в образе потерявшегося ученика.

Как выяснилось, он почти моментально распознал в теле Эри присутствие инородной сущности, пока лечил тому рану в черепе. Думал, подослали приятели божка, выручать последнего из плена. Потом понял, что природа чужака иная и не похожа на обычных посланников с «другой стороны». Оттенки ауры и эфирный след отличались от божественных сил.

Несколько мгновений тогда меня отделяло от смерти. Алхимик признался, что уже поднимал руку, чтобы убить непонятное создание, как вдруг увидел признаки старого сознания Эри, слившегося с моим.

Не стоит подозревать черствого затворника в сентиментальности. Ему и в самом деле было наплевать на однажды подобранного бродяжку, не оправдавшего надежд. Просто на первый план вышла натура исследователя, которая присутствует у каждого мага, серьезно занимающегося Искусством.

Он решил понаблюдать за мной, изучая непонятные процессы слияния двух разных личностей, объединенных причудливым образом в едином сосуде.

Короче, использовал в качестве подопытного кролика. Что совершенно нормально для того, кто посвятил жизнь разного рода экспериментам и изысканиям.

Я даже не обиделся, понимая, что наивно ждать чего-то другого от старикана.

Дальше началась история уже меня самого. Надо отдать алхимику должное, слушал он внимательно, не перебивал, не задавал уточняющих вопросов, не кривил харю в недоверчивых гримасах.

Выслушал, посидел, подумал, утрясая услышанное, и уже потом принялся за расспросы. Особенно его заинтересовал гребень для волос, коим я укололся перед беспамятством. Последнее воспоминание из родного мира – старинная безделушка, привезенная Димкой из путешествия.

– Истинная вещь, – категоричным тоном заявил Гренвир, выслушав мои слегка путаные объяснения.

– Что? – я растерянно уставился на старика.

Не знаю уж почему, но выкладывая о себе и об обстоятельствах своего появления здесь, я почему-то думал, что теперь, когда правда раскрылась, могучий чародей сможет вернуть меня домой.

Именно поэтому я ничего не скрывал. Говорил честно, как есть, стараясь припомнить малейшие детали. В простоте своей полагал, что волшебник захочет помочь. Не сразу сообразил, перед кем исповедаюсь.

Что поделать, каждый попавший в беду инстинктивно хватается за любую соломинку, невзирая на то что она тонка и эфемерна.

– Тебя перенесла сюда очень сильная магия. В этом не может быть никаких сомнений. Обычный предмет ее ни за что не удержит.

– Что еще за Истинные вещи? – идея вернуться обратно не покидала меня.

Тем более в памяти всплыла Блуждающая башня с ее бесконечным залом, уставленным зеркалами, ведущими в другие миры. Если есть возможность смотреть на другую сторону, то, значит, и перейти можно? Или как?

– Зачарованные артефакты большой силы. Сотворить такие под силу только Истинному магу. Он наделяет предмет особыми свойствами, делясь в ходе создания своим личным даром. Это очень сложный и трудоемкий процесс. И невероятно опасный. Малейшая ошибка, и чародей не только лишится дара, но и жизни, – Гренвир помедлил и задумчиво добавил: – Зато результат обычно превосходит всякие ожидания. – Еще одна пауза. – Если все делать правильно.

Отлично. Выходит, Диман умудрился где-то откопать хреновину, насквозь пропитанную древней магией, и не нашел ничего лучшего, как притащить ее домой.

То, что друг никак не мог знать о наличии нежелательных эффектов, меня в тот момент волновало мало. Злость на приятеля вспыхнула с новой силой. Если бы не этот дуралей, сидел бы я сейчас в своей уютной квартирке и глушил вискарь, глядя, как стройная девчонка из эскорта медленно раздевается под неторопливую музыку.

А вместо этого стою посреди двора, заваленного битыми осколками из окаменевших мертвецов. Где, спрашивается, справедливость?

– Блуждающая башня, кстати, тоже, скорее всего, относится к Истинным вещам, – неторопливо обронил алхимик, его взгляд невидяще скользил по бревенчатому частоколу, старик о чем-то

усиленно размышлял.

Затем начались новые расспросы. Я полагал, что чародею будет интересно узнать о всяких технологиях, и пыжился, рассказывая о самолетах, компьютерах, атомных электростанциях, зданиях, упирающихся в облака, и обо всем, что по идее должно выглядеть удивительным для человека средневековья.

Ага, как бы не так. Все достижения технологической цивилизации на старика не произвели особого впечатления. Послушал, покивал, кое-где похмыкал. А потом принялся пытать насчет расчески-заколки. Как выглядела, какого размера, имелись ли какие-то надписи, символы, на ощупь холодная или теплая, тяжелая или нет. Его интересовало буквально все, вплоть до количества зубчиков. Под конец потребовал нарисовать на земле хотя бы примерный рисунок.

Как мог, я изобразил проклятый гребень, умеющий забрасывать разум людей в другие миры. Гренвир долго вглядывался в получившийся рисунок.

– Первый раз вижу, – констатировал он спустя какое-то время.

Я хотел язвительно указать, как же он мог его видеть раньше, если тот обретался на Земле, но быстро прикусил язык. На ум опять пришла Блуждающая башня и диковинный зал с зеркалами.

– А вы не можете меня… – окончание повисло в воздухе.

Старик мазнул по моему светившемуся надеждой лицу безразличным взглядом и равнодушно бросил:

– Нет. Я не обладаю способностью открывать тропы между мирами.

Я сник. А чего еще ждал? Что волшебник щелкнет пальцем – и ты окажешься дома? Наивный чукотский юноша.

Старик внимательно оглядел понурого ученика и приказал:

– Принимайся за дело. Двор надо убрать.

И преспокойно направился в башню. Перед этим зачем-то подхватив один из кусков черного кристаллического образования.

Надо сказать, реакция на мою историю с его стороны по-настоящему изумляла. Как будто каждый день узнает, что в теле подмастерья поселился гость из другого мира. Отнесся не просто спокойно, а едва ли не флегматично. Типа: занятная сказочка, а теперь брысь за лопатой, мне некогда.

Во старикан дает. Подобной невозмутимости можно лишь позавидовать. Кто другой на его месте уже ходил бы на ушах, требуя все новых и новых подробностей. А этому хоть бы хны. Узнал, что не подослан специально врагами (при допросе так сверлил взглядом, выискивая ложь и малейшие признаки

неискренности, что едва до икоты не довел, изверг) и успокоился.

Обалдеть не встать. Видать, за две сотни лет уже устал удивляться. Старый пень…

Я направился за ворота, прилетавшее из-за забора конское ржание говорило, что наши безвременно погибшие гости оставили после себя целый табун лошадей, оказавшихся в один миг бесхозными.

– Блин, фига себе, – увидев, сколько парнокопытных со спутанными ногами шляется неподалеку от башни, я прибалдел.

Два десятка? Три? Бери больше. Не меньше сорока коняшек. И довольно хороших. Рослые, ухоженные, не чета забитым крестьянским клячам.

– Кастеляну придется прилично раскошелиться, – пробормотал я и принялся ловить животных.

Сделать это оказалось нетрудно, поводья многих цеплялись за луки седел соседних, а у половины, как указывалось выше, оказались спутаны ноги. Небольшой табун при всем желании не мог разбрестись или убежать.

Встал ребром вопрос: что с ними делать? Держать в башне физически невозможно. Факт. Отпускать на волю жалко. Это сколько же деньжищ буквально на ветер выбросим?

Жаба душила, не позволяя идти на поводу малодушного порыва избавиться от неудобной ноши. В конце концов, меркантильность взяла верх над ленью. Предупредив Гренвира насчет недолгой отлучки, я погнал лошадей в деревню.

Перед этим побросал на землю переметные сумки почивших всадников, аккуратно сложил у забора рядом с сарайчиком. Давала о себе знать бережливость Эри.

Договориться с крестьянами удалось без проблем. Удивились, конечно, чего это я без старосты вернулся с ярмарки, но жажда наживы и здесь перевесила любые вопросы. За уже известные десять процентов согласились приглядеть за четвероногими до их перевода в состояние блестящих серебряных монеток.

Правда, кровопийцы потребовали заранее оплатить корм для животных. Пришлось раскошелиться. Благо деньги еще оставались с продажи хлама, изъятого у мародеров.

Возвратился. Первым делом перетряхнул дорожные мешки солдат. Ничего особенного, привычная повседневная мелочь, не стоящая много. Перебрал, что-то более или менее приличное рассовал по другим сумкам. Улов так себе, на среднюю троечку.

Пока всем этим занимался, в голове творился сумбур. Совершенно непонятно поведение старика. Узнал о моей иномировой природе и… ничего. Оставил все как есть, не потрудившись хоть как-то отреагировать.

Убираясь во дворе и загребая лопатой хрустящие обломки черного кварца-гранита, я не переставал искать причины столь необычного поведения. Неужели и впрямь наплевать? Ну, тогда алхимик обладал незаурядным чувством пофигизма.

Слов нет, одни матерные выражения.

Закончив с уборкой, направился в башню. Настало время обеда, подкрепиться после трудов праведных не помешает.

Жрать было нечего. Гренвир умотал наверх вместе с драгоценным свитком, прямиком на четвертый этаж, заперся и носа не казал, оставив меня одного. Стоило бы удивиться подобной доверчивости (кто знает, что я тут натворю без присмотра), но интуиция подсказывала, что любое враждебное действие будет незамедлительно замечено.

Старикан отвлечется от своих непонятных дел, спустится вниз и, скорее всего, оторвет «беспокойному хулигану» голову. Чтобы, значит, не мешал глупыми выходками проводить зловещие эксперименты.

– М-да, вот уж точно незаурядная личность, – пробубнил я себе под нос.

Есть хотелось неимоверно. Купленная у крестьян курица, зажаренная в глине, благополучно забылась. Желудок требовал новой порции топлива.

К счастью, одна из кладовых осталась незапертой, в отличие от погреба-подвала, где хранился основной запас продуктов. Ну да нам много не надо, обойдемся тем, что есть.

Поставил на огонь котелок, налил воды, туда же сыпанул соли и положил несколько кусочков мяса. Дождался, пока закипит, и бросил пару горстей пшеничной крупы и мелко толченной ароматной травы, выступившей в роли специй. Будем варить кашу. А точнее, похлебку.

Хлеб тоже нашелся. Целый каравай. Правда, немного засохший, но вполне годный в употребление. Кваса и морса не обнаружилось, пришлось брать пузатую бутыль вина в плетеной сетке и разбавлять колодезной водой.

Очень быстро по кухне-столовой разнесся аромат свежей похлебки. Чуть слюной не захлебнулся, пока помешивал и ждал окончания готовки.

Венчала обед пара свежих яблок. Получилось более чем сносно. Сам не заметил, как деревянная ложка заскребла по дну котелка. В общем, поел отлично, на твердую пять.

Помыв посуду, задумался: что дальше? Гренвир все так же сидел в лаборатории, занимаясь не пойми чем.

После недолгого раздумья поднялся в библиотеку. Отнес книги, что брал с собой в поездку, плюс заодно хотел узнать

поподробнее о Нимуранском свитке. Определение «древней реликвии времен эпохи становления мироздания» давало слишком смутные ассоциации для нормального понимания, что это за штука и с чем ее едят. А главное, почему так много народу за ней охотится?

Старик, конечно, тот еще хитрец, ловко провел аристократа. Разыграл спектакль и пустил по ложному следу. Намеренно оставил в живых, чтобы придать истории большей достоверности, а сам преспокойно пошел разбираться с добычей.

– Итак, как найти информацию в библиотеке без каталога? – я замер на пороге третьего этажа башни, до меня вдруг дошло, что без посторонней помощи найти искомые сведения будет сложновато.

Полки буквально ломились от книг, стеллажи стояли, образуя два незавершенных полукруга, направленных навстречу друг другу. Это если смотреть с одной стороны. От небольшого столика проекция видения совершенно менялась. Создавалось впечатление, словно стойки расставляли в хлам бухие грузчики, как придется.

– А поисковой программы здесь нет, – я почесал затылок.

Читать корешки всех фолиантов подряд? Так никакого времени не хватит. И как определить по названию полезность того или иного тома? Сильно сомневаюсь, что встречу надпись наподобие: «От А до Я о Нимуранском свитке. История создания, предназначение и функциональные параметры».

Вот же… А проблема и впрямь выглядела серьезной. Дитя информационного века, блин, привык к автоматизации и компьютеризации. Набрал, что нужно, и прыгаешь с комфортом по выскочившим ссылкам.

А тут? Вручную лопатить всю эту кучу книг? Нереально.

Надо что-то придумать, пораскинуть мозгами и…

Я замер, идея возникла спонтанно. Ну точно, если старик давно уже планировал стащить треклятый свиток, то, скорее всего, изучал про него материалы. Логично? Вроде да. Следовательно, книги с интересующей информацией должны находиться где-то неподалеку от столика, самого удобного места для чтения.

Вряд ли Гренвир куда-то далеко убирал тяжеленные фолианты. Зачем? Никакой особой системы с классификацией по темам он в библиотеке не вел. Книги лежали как придется, без всякого порядка.

Он, скорее всего, знал, что и где находится, особенно нечто важное, однако унифицированной систематизацией тут и не пахло.

– Так, так, так, – зачастил я и двинулся к столику.

Будем искать самые менее запыленные фолианты, тома, гримуары, манускрипты и трактаты.

И что же вы думаете? Угадал! Почти сразу же на-ткнулся на книгу толщиной с гроссбух, где чуть ли не на первых страницах упоминался пресловутый Нимуранский свиток.

Бинго! Иногда мне везет.

Книга выглядела солидно. Толстая, большая, по уголкам серебряные вставки, для запирания защелка, к счастью, без реального замка. Страницы плотные, немного шершавые, иногда встречались цветные иллюстрации, чернила сочные, еще не выцвели – читалось легко.

За два часа узнал довольно много и в то же время донельзя мало. Дело в том, что истинное предназначение свитка никто толком не знал. За исключением первосвященников Шасцу-Насхар. Именно из святого города в свое время реликвию перевезли в Южное королевство.

Жрецы и некий аристократический род (впоследствии основавший королевскую династию) много лет назад заключили так называемый Договор Крови. Взамен на помощь в получении престола, знатное семейство брало на себя обязательство по хранению и защите священной реликвии.

Почему ее не спрятали где-нибудь в божественном городе, непонятно. Как и то, зачем ее вообще куда-то перевозили.

Однако упоминался один любопытный факт. Примерно за десять лет до подписания договора Нимуранский свиток пытались укрыть в некоем месте под названием «Утес милосердия».

Как выяснилось впоследствии, Утес представлял собой неприступную крепость. С гарнизоном в тысячу мечей и прикрепленным отрядом паладинов, служивших как темным, так и светлым богам (удивительная кооперация).

Впрочем, крепость осталась неприступной недолго. Одна из экспедиций дэс-валион случайно наткнулась на твердыню святош. А так как указанные территории находились вдалеке от владений святого города, то темные предположили, что имеют дело с расширением зоны влияния Шасцу-Насхар.

Дуэгарцам, понятное дело, не понравились попытки проводить экспансию в направлении их земель, и они без долгих слов атаковали жреческую цитадель. Вломили так, что от крепости по окончании сражения не осталось камня на камне.

Всех паладинов и солдат перебили (не без серьезных потерь со своей стороны, но куда деваться, наглых вторженцев следовало уничтожить), а в святой город отправили послание с советом не

лезть куда не надо и вообще сидеть тише воды ниже травы, если не хотят получить в гости взбешенных темных магов.

Первосвященники почесали репу, покумекали, да и отправили на юг делегацию, которой удалось договориться с одним знатным семейством, на тот момент еще не носившим титул королевского.

Занятная история, если подумать. И совершенно непонятная. Нигде толком не объяснялось, почему Нимуранский свиток не заперли в одном из храмов Шасцу-Насхар. Уверен, там бы он оставался в большей безопасности. Да еще под присмотром богов.

Что касается самого свитка и что в нем, собственно говоря, написано, то тут версии разнились. Кто-то говорил, что там накарябаны истинные имена всех богов, и что, зная их, можно подчинить себе весь божественный пантеон. Кто-то уверенно заявлял, что в свитке находится инструкция, как спровоцировать конец света. Причем бабахнет не только человеческий мир, но и обитель божественных сущностей. Ну а кто-то утверждал, что в нем начертано имя самого Изначального, создателя всего мироздания. Дескать, стоит только прочитать имя вслух, как он вернется обратно и устроит последний суд. И богам, и людям.

На мой взгляд, последние два варианта не особо отличалась друг от друга. В том смысле, что исход один – всем карачун.

– Дело ясное, что дело темное, – никакой конкретики в книге не содержалось.

Расплывчатые теории, туманные предположения, слухи и домыслы. Ожидал нечто большее.

Пока что ясно одно – за свитком охотились серьезные силы. Претендентов хоть отбавляй: южане, у кого, собственно, стащили магический артефакт-реликвию, первосвященники из святого города, уже, наверное, снарядившие армию паладинов на поиски украденной святыни, великие семьи Дуэгара, жаждущие завладеть магической вещицей огромной мощи, и еще черт знает кто.

А старик преспокойно заперся на четвертом этаже и в ус не дует. Хладнокровия и самообладания у Гренвира, похоже, хватит на сотню человек. Это же надо быть настолько сдержанным в таких обстоятельствах. Лично я бы уже давно ударился в панику.

Кстати, вполне возможно, что и пора. Как-никак я погряз в этом деле по уши. Если начнется заварушка (а так, скорее всего, и случится), попаду под раздачу вместе с отмороженным двухсотлетним чародеем.

Дела… может, и правда пора вставать на лыжи? Когда несколько армий припрутся осаждать башню, здесь станет крайне неуютно.

– Читаешь? – раздалось от двери библиотеки.

Я вздрогнул и едва не уронил книгу с колен. Как он, блин, в своем балахоне умудряется всегда так незаметно подкрадываться? Ниндзя-стайл, блин.

– Так вы же ничего не говорили, – оправдался я, осторожно закрывая массивный фолиант и водружая его на столик.

– Пошли со мной, – Гренвир развернулся и, не глядя, идет ли ученик следом, направился по винтовой лестнице вверх.

Черт, он что, уже спускался вниз? Или только вышел из лаборатории? Ходит как призрак, впору колокольчик на шею вешать.

Подумал и сам про себя посмеялся. Ага, позволит старый хмырь помечать себя таким образом, раскатай губу. Скорее сам нацепит что-нибудь звенящее на «бестолкового мальчишку» – я мысленно передразнил старого ворчуна, – чтобы тот не сидел без дела.

– Зачем вам свиток? – не удержался и все же спросил я, пока мы неспешно поднимались наверх.

Вместо ответа Гренвир достал откуда-то из рукавов кусок черного кристалла, он его подобрал во дворе, перед тем как приказал там убрать.

– Это все, что осталось от Рауля Карзани, родного брата графа Карзани, – сообщил он.

Я припомнил предводителя латников в изящном камзоле, черные шипы пронзили его одним из первых.

– Мало кто знает, что их прабабку в ночь перед свадьбой силой взял король, ослепленный ее красотой.

Замечательно. Еще одна «прелесть» средневековья. Монарх насилует девицу, а наутро преспокойно отдает ее в жены вассалу. И это еще не упоминая всякие правила первой ночи.

– Она ничего не сказала мужу. Так и уехала в замок Разенвальд. А спустя положенные девять месяцев родился мальчик, – алхимик резко остановился и повернулся ко мне. – Понимаешь, что это значит?

Я пожал плечами.

– Что в роду Карзани есть королевская кровь? – предположил я, не слишком уверенный в правильности ответа.

Взгляд волшебник потеплел.

– Правильно, – сказал он и похвалил: – Быстро соображаешь, молодец.

По-моему, это первая похвала из его уст в мой адрес. И не только в мой, но и Эри. Раньше за ним такого не замечалось.

Восхождение возобновилось.

– Для проведения ритуала необходимы редкие

ингредиенты, – размеренным тоном продолжил Гренвир. – И я собрал почти все. За исключением двух составляющих.

Мы дошли до четвертого этажа. Проскрипел ключ, замок щелкнул, дверь распахнулась в зал лаборатории.

– Одна из них – кровь представителя южного королевского дома, – в худой ладони качнулся черный кристалл. – А другая – кровь дуэгарского аристократа.

Алхимик медленно развернулся.

– Сначала я планировал заманить в башню девчонку дэс'Сарион, но потом подвернулась возможность получше, – мрачные глаза чародея жгли стылым морозом.

Я вдруг понял, о какой подвернувшейся возможности он говорит. Злосчастный перстень формально сделал меня одним из дэс-валион, благородным из темной знати.

А значит… я попытался отшатнуться назад, но сухая рука выстрелила вперед и схватила меня за горло.

– Куда же ты, – почти ласково проронил Пауль Гренвир. – Ритуал еще не закончен. И так уж случилось, что тебе предстоит сыграть в нем решающую роль.

Больше ничего не говоря и не обращая внимания на сопротивление, он легко потащил меня в лабораторию, где на каменных плитах сине-зеленым огнем горела огромная пентаграмма.

Глава 21

Лежу на полу, в кожу с силой впивается тонкая бечевка, перехватывая руки и ноги. На лице свежая ссадина, медленно наливается здоровый синяк. Попытка сопротивления в стремлении вырваться и сбежать оказалась пресечена очень жестко. Старик не рассусоливал, стукнул бывшего ученика по башке и сноровисто связал, бросив кулем за пределами пентаграммы.

Для своего возраста старый хрыч выказывал невероятные физические кондиции. Седовласый качок, поднял не напрягаясь, как пушинку. А по внешнему виду и не скажешь.

Ох, и сильный, зараза. Стальные клешни и мертвая хватка. Жалкие трепыхания пресеклись без усилий. Я воспринимал себя пойманным кукушонком. Только сейчас вдруг дошло, насколько старик силен. Именно силен, физической силой. Создавалось впечатление, что и подкову без труда разогнет, а то и сломает играючи.

– Ничего у тебя не получится, – раздался откуда-то сбоку писклявый голосок.

Я заерзал, разворачиваясь. Угу, конструкцию с плененным божком не убрали из зала, только отодвинули к стенке. Что, в принципе, объяснимо, запаришься вытаскивать эту бандуру через дверь, а потом еще и спускать вниз по винтовой лестнице.

Аквариум стоял, все так же изобилуя колбочками, трубочками и другой алхимической машинерией.

Уродливая тушка жабы-переростка почти наполовину залезла на край заполненного зеленоватой водой бачка и свешивалась наружу. Выпуклые глазки внимательно следили за действиями волшебника, из растянутого лягушечьего рта изредка вылетали ехидные реплики, в основном выражающие сомнения в умственных способностях чародея.

Понимал, что тому сейчас отвлекаться нельзя, вот и отрывался по полной. Наказывать болью Гренвир не станет, слишком занят.

– На старости лет все мозги растерял, – не унималась неугомонная эфирная сущность. – Нет, чтобы нагнать в башню сисястых молодых девок да елозить по ним туда-сюда, так зачем-то удумал побыстрее отправиться в небеса.

Пауза. Алхимик полностью игнорировал ядовитые фразы, что-то поправляя в рисунке на каменных плитах.

– Или у тебя с этим делом проблемы? – продолжал божок. – Так для этого зелья всякие имеются, поднимут и мертвого на раз-

два. А если не знаешь рецепты, так я тебе подскажу.

Неприкрытая издевка осталась без ответа, упав в вязкую тишину.

– Девка сочная, румяная, губы сладкие, как спелые вишни, соски красные, задорно торчат, а грудь ладная и упругая, в ладонь сама так и просится, – изгалялся наглец. – Неужто неохота навалиться на такую и потешить дружка? Или правда у тебя там давно уже все отсохло?

Молчание, реакции ноль.

– Ну, это неудивительно, сколько лет уже прожил. Между ног, наверное, давно ничего не осталось.

Голосок наливался желчью, а волшебнику хоть бы хны, знай малюет что-то на полу да расставляет кристаллы и свечи в нужных местах. Кажется, именно безразличие бесило божка больше всего. Постепенно его голос становился все более высоким и, как следствие, более противным. Мне уже самому захотелось, чтобы мелкая тварь поскорее замолкла. Ясно же, что старика не вывести из себя. Он сейчас напоминал автомат, запрограммированный на определенные действия, и отвлекаться на посторонние вещи ни в коем случае не собирался.

– Да заткнись ты уже! – яростно прошипел я, не выдержав давления на барабанные перепонки, кажется, паршивец перешел в диапазон ультразвука.

– А-а, очнулся наконец, – повернул башку ко мне, что почти сливалась с телом, Йогар-гал.

Я хотел сказать, что не терял сознания, да мысленно плюнул. Спорить с этим крайне желчным существом не хотелось. Возьмет и переключится на меня вместо старикана. Будет плеваться ядом, пока не издохнет.

– Что тут происходит? Ты знаешь? – не давая опомниться плененному божку, быстро спросил я.

Он сидел в заклинательном зале с самого начала, может, в курсе, что за дичь здесь творилась. Слабая надежда, но лучше, чем валяться безмолвной тушкой, ожидая, пока тебя поволокут на алтарь для жертвоприношения.

Слова бывшего учителя и наставника (тут самое время ставить кавычки, учитывая осведомленность Гренвира о сущности изменившегося подмастерья с самого прихода во двор башни раненым) не выходили из головы.

Кровь дуэгарского аристократа необходима для ритуала. Один из основных компонентов, чтоб его. Когда слышишь нечто подобное, то воображение живо откликается, рисуя самые мрачные картины ближайшего будущего.

Перерезанная кривым церемониальным кинжалом глотка над

глубоким сосудом, украшенным таинственными письменами. Вонзенный в грудь клинок под песнопения на мертвом языке. Вскрытое брюхо и вынутые наружу кишки, дабы выложить загадочным узором. И еще куча всякого дерьма, о котором и думать не хочется.

Судя по всему, меня готовили на роль жертвенного барашка.

Оккультист чертов, лучше бы и впрямь трахал юных крестьянок. Интересно все-таки, на кой хрен ему Нимуранский свиток? Что он с ним собрался делать? И о каком конкретном ритуале шла речь?

– А ты что же, не знаешь? – издевательским тоном откликнулся Йогар-гал. – Ты же вроде у него в любимчиках ходишь. Самый преданный ученик. Исполнительный, послушный, сообразительный. Прямо сердце не нарадуется.

Вот ведь вредная скотина, и тут издевается, явно пародируя старика, что если и мог сказать нечто подобное, то только с сарказмом. Обычно ограничивался простым – бестолковый мальчишка.

– Я бы на твоем месте не слишком хорохорился, – мрачно буркнул я. – Как думаешь, кем он займется после того, как закончит со мной?

Заткнулся. Сообразил поганка, что шишки еловые будут сыпаться не только на меня одного. Со стороны аквариума послышалось недовольное бульканье.

Между тем Гренвир закончил выставлять атрибуты по периметру пентаграммы и принялся во внутреннем круге выписывать некие знаки, отдаленно похожие на скандинавские руны.

Ишь, как пыхтит, едва язык от усердия не высовывает, отрыжка беременного осла.

Очень сильно захотелось попрыгать на всех этих закорючках, с удовольствием стирая, чтобы по новой пришлось малевать. И заодно полюбоваться на пунцовую от злости морщинистую физиономию. Уверен, в отличие от безобидных словесных подколок, испорченная мазня на каменных плитах его разозлит очень сильно.

Что же он задумал? И при чем тут свиток?

– Эй, морда, – я повернул голову к божку, в шее что-то предательски хрустнуло.

Блин, еще самоубиться сейчас не хватало. Впрочем, может, так даже лучше, хоть напоследок нагажу вредному старикашке. Или нет? И статус живого не так важен, главное кровь? Недостаточно данных.

– Чего тебе? – недовольно пробурчал Йогар-гал, несмотря на

ситуацию, общаться со старым врагом он упорно не желал. Видимо, все никак не мог забыть проделку с подписью на том злосчастном договоре. Хе-хе, здорово я его тогда провел.

– Ты что-нибудь слышал о Нимуранском свитке? – осведомился я, не слишком надеясь на внятный ответ. Скорее уж на поток грязных ругательств, с пожеланием провалиться в тартарары и никогда не попадаться ему на пути.

Но совершенно неожиданно божок замолк и вытаращился на меня, как на некое диво-дивное. Он явно не ожидал услышать это название. Неужели не видел? Алхимик не светил тубусом с древней реликвией?

– Откуда ты… – начал было Йогар-гал, заткнулся и перевел совершенно дикий взгляд на ползающего в кругу пентаграммы Гренвира.

До сущности дошло, что предстоял не заурядный ритуал, призванный укрепить его клетку или для чего-то похожего. А что дело гораздо серьезнее.

– Квха… квха… – божок вдруг закашлялся и едва не перевалился за край стеклянной емкости, маленькое тельце подалось вперед, пытаясь разглядеть, чего это там волшебник конкретно малевал на полу.

– Не свались, придурок, – мрачно посоветовал я и проникновенно добавил: – Обратно засунуть тебя будет некому.

Специфика тварного вместилища не позволяла пленнику слишком долго находиться вне пределов домика-канистры. Сдохнет через несколько минут. При этом вовсе не получит свободу, как можно подумать (иначе давно бы уже выпрыгнул из «бассейна»), а останется гнить в мертвой туше, пока последняя полностью не разложится. Прямо скажем, малоприятная участь. Мой собеседник тоже это понимал, поэтому живо подался назад, ныряя в спасительную – влагу.

Я дал ему пару мгновений, чтобы прийти в себя, затем настойчиво повторил вопрос про свиток. Волшебника не боялся, тот и не думал нам мешать свободно общаться, занятый своими писульками.

Страха почему-то не было. В схожих обстоятельствах полагалось выть, трястись и скулить, с ужасом ожидая смерти. Вместо этого я чувствовал себя довольно спокойно, в том смысле, что не паниковал и не впадал в испуганное оцепенение, а размышлял, анализируя ситуацию, пытаясь понять, как выбраться из всего этого дерьма.

– Чего молчишь, образина? – поддел я божка, так и не дождавшись внятного отклика, одно бессвязное бормотание на непонятном наречии. Ругался, что ли, болезный?

Вот он, в отличие от меня, сейчас выглядел если и не испуганным, то как-то близко к этому. Ошарашенным, шокированным, устрашенным, немного растерянным и точно оробевшим. Не ожидал паршивец такого размаха от пленителя.

Что же все-таки делает свиток? Для чего предназначен? И какого ляда с ним собирается сотворить Пауль Гренвир? Печенкой чую, не для запуска фейерверка.

– Эй! Ты там совсем с катушек съехал или еще нет? – не отступал я, лелея надежду добиться хоть чего-нибудь вразумительного.

Интуиция подсказывала, что лезть с вопросами к алхимику бесполезно. И времени нет отвечать, и, судя по безразличию во взгляде, для него Эри уже списан в утиль. Смотрел как на необходимый ингредиент для эксперимента, а не как на живого человека.

Это, кстати, в отличие от всего, вызывало дрожь, заставив передернуть плечами. Когда на тебя глядят как на бездушную вещь, это страшнее всего. Значит, жалеть не будут, потому что уже не воспринимают живым.

– Он не осмелится… это невозможно… – сквозь неясное бормотание прорвались отдельные фразы со смыслом.

Божок натурально паниковал, в жабьих глазах плескался настоящий ужас. Раньше, даже будучи вытащенным и плененным, он смотрел на алхимика с едва заметным превосходством, мол, наиграется смертный, да все равно рано или поздно заточению придет конец, божественная сущность вернется обратно. Теперь же Йогар-гал таращился на старика боязливо, с трепетом и непониманием. Чем-то он его сильно испугал.

Нет, мне положительно необходимо узнать о Нимуранском свитке побольше. А то все знают, один я лежу и чувствую себя ничего не понимающим дураком.

– Если ты мне ничего не скажешь, я тебе твой аквариум разобью, рыбка ты пупырчатая, – с чувством выдохнул я, злясь на идиотское положение, в которое попал.

В самом деле, что, этой жабе трудно, что ли, объяснить? Вылез опять на край бортика и пялится буркалами на возню чародея. Последний, в свою очередь, не переставая чертил знаки, символы и еще не пойми что, старательно поправляя каждую завитушку.

Не знаю, то ли угроза подействовала, то ли божок сам вспомнил, что рядом присутствует еще один пленник, яро заинтересованный в прекращении ритуала, однако он наконец соизволил повернуть ко мне лобастую голову.

«Я помогу тебе, а ты мне. Волшебник не должен закончить

обряд», – мысль-образ проявилась столь четко, словно слова были произнесены вслух.

Я аж дернулся от неожиданности. Телепат чертов.

Ответное послание сформулировать не успел, Гренвир внезапно поднялся на ноги (едва не вскочил, прыткий пенсионер) и ринулся к стене башни, только мантия зашуршала.

Постоял, покачиваясь из стороны в сторону, не знаю почему, но лично мне в этот момент стало по-настоящему жутко. Выпростал из длинных рукавов узкие ладони и упал вперед, прижимаясь телом к неровной каменной кладке.

Что за?..

Показалось, будто от фигуры в синей мантии разбежались волны прерывистой ряби, как от теплого воздуха, тут же мелькнула яркая искорка, следом проскочил импульс энергии с характерной вспышкой синего цвета.

Руки чародея погрузились в камень, словно в обычный кисель. Я аж крякнул от удивления. А затем началось такое, что только и оставалось вертеть головой, поражаясь происходящему.

По серой поверхности стены пошли волны, возникали внизу и стремительно рвались наверх, растекаясь на манер густой патоки. Свод задрожал, потерял четкие очертания, сначала став полупрозрачным, как мутное стекло, а после и вовсе – истаивая, как дым.

Я пригляделся к необычному чуду и сам же себя поправил: нет, не как дым, крыша не исчезала, она становилась пластичной и как бы втягивалась внутрь стены, стекая вниз на манер нагретого воска.

Ну ни хрена себе фокусы! Я разинул от изумления рот, челюсть банально отвисла, возможности алхимика с каждым разом поражали все больше. Моргнуть не успел, а вместо потолка над головой расстилалось ночное небо. Лун не видать (затмение? бывает двойное?), зато звезды горели ослепительным светом, ярко и завораживающе.

Обалдеть не встать! Невероятно!

Стоило отдать старикану должное, он каждый раз умудрялся демонстрировать такое, отчего ум заходил за разум, хотя вроде и должен уже привыкнуть к всяким магическим штучкам.

Верхушка башни исчезла, четвертый этаж лишился потолка, крыша растворилась и стекла прямо в стену.

– Ущипните меня, – прошептал я, обалдевший от всего увиденного.

Божок тоже безмолвствовал, правда, вряд ли находясь под впечатлением демонстрации мощи волшебника (небось видал что-нибудь и покруче, божественная сущность как-никак), лишь

злобно зыркал на силуэт в синем плаще, порываясь вытянуться подальше.

Гренвир, слегка пошатываясь, отвалил от стены и вновь направился к центру пентаграммы. Надеяться, что старик ослаб, не приходилось, с каждым шагом его движения становились все увереннее, возвращаясь к прежнему ритму.

Похоже, заклинание (или что это было?) отняло не так много сил, как хотелось невольным зрителям. Быстро восстановился, гад.

– Слышь, пучеглазый, – я вновь обернулся к соратнику по несчастью. – Чего застыл? Скажи что-нибудь.

Божок покосился на меня выпуклым глазом, я все думал выпытать у него насчет свитка. Однако дальнейшее общение прервалось самым радикальным образом, пол подо мной зашевелился.

Что за хрень?!

Хоп – и меня вздернуло вверх, черные гибкие лианы подхватили мое связанное тело и легко перенесли поближе к алхимику, аккуратно поддерживая в воздухе, пока тот небрежным взмахами резал веревки.

Нежели освободит? Ага, раскатай губу.

Дернул освобожденной рукой, пытаясь сохранить равновесие, щупальца тут же вцепились в запястье, не давая пошевелиться. То же произошло с остальными конечностями. Я как бы повис, распятый на четырех изгибающихся антрацитово-черных отростках, вырастающих прямо из каменных плит.

Что за магия такая?

– Может, поговорим? – несмело предложил я Гренвиру.

Тот не обратил на реплику никакого внимания, из просторных рукавов появился давешний тубус-пенал из светло-зеленого материала. Свиток! Чтоб его создателям до конца жизни икалось!

Я машинально зажмурился, почему-то подумав, что сейчас меня будут резать на предмет извлечения крови. Потом вспомнил, что для снятия запирающей печати нужна кровь южного королевского дома, и осторожно приоткрыл один глаз.

Так и есть. В другой руке старика лежал кусок темного кварца, все, что осталось от брательника графа, не сумевшего уберечь реликвию от воровства.

Отпирать будет, догадался я об очевидном. И приготовился созерцать магическую иллюминацию. Сейчас чародей как грянет слова волшбы, как шандарахнет кристаллом о свиток, как завоет слова могучего заклинания…

Не угадал. Все получилось скучнее и банальнее. Старик

поднес ко рту кусок кварца и что-то прошептал над ним. Камешек осыпался мелким крошевом, которое Гренвир щедро посыпал на тубус, еще что-то приговаривая.

Раздался еле заметный щелчок, круглая коробочка дернулась и раскрылась.

– Не-ее-еeет!!! – дикий вопль потряс заклинательный зал.

Я дернулся от неожиданности и суматошно завертел головой. Источник крика, как и ожидалось, обнаружился в приставленной к стене ванне. Долбаный Йогар-гал орал, как оглашенный, уставившись на вскрытый контейнер Нимуранского свитка.

Самое поразительное, что отчаянный вой спятившего божка совсем не произвел впечатления на чародея. Он преспокойно отбросил верхнюю половинку тубуса за пределы пентаграммы и принялся извлекать из овального углубления содержимое второй половинки.

Я вытянул шею, интересно же. Тонкие длинные пальцы старика небрежно вытянули на свет небольшой рулончик плотной бумаги.

Хм-м, гляди-ка, и впрямь свиток. В том смысле, что вполне могло оказаться невесть что. Называться по-одному, а выглядеть совершенно по-другому. Зачарованная вещь как-никак. А тут название полностью соотносилось с формой.

Долго разглядывать старинную реликвию не удалось, ни разворачивать, ни читать, ни что-то делать с ней алхимик не стал, ловко спрятал в рукав и повернулся ко мне. Глубоко посаженные глаза тяжело уставились в мою переносицу. И я понял – всё, шутки кончились, сейчас начнется самое худшее.

Взмах длинной рукой, меня развернуло в воздухе, снизу выросли еще несколько тонких отростков, вонзаясь острием в зафиксированные руки. Укол. Мимолетная боль. И закапала кровь.

Моя кровь.

Сначала отдельные капли, потом тонкий ручеек, кровь заполняла желобки на каменном полу, растекаясь по выщербленным канавкам.

Вспышка. Падающую на камни кровь охватило синим огнем, вычерчивая на плитах замысловатую фигуру, заключенную внутри основной пентаграммы. Гренвир сделал торопливый шаг назад, выходя наружу и тем самым оставляя меня одного в центре зала.

Сейчас произойдет что-то крайне паршивое, как-то равнодушно подумал я, судорожно пытаясь освободиться от крепкого хвата ожившего обсидиана.

Не вышло, крепко держали, не вырваться.

Чувствовал себя распятым Христом, истекающим кровью на перекладине невидимого креста.

– Да я же не дуэгарец! – завопил я, не выдержав творящегося безумия. – Ничего не получится!

Может, проймет? Проняло, только не так, как хотелось бы.

– Надев перстень, ты им стал. Слышал когда-нибудь о метафизическом символизме? – соизволил разомкнуть уста чародей.

– Это же бред!!! – заорал я с отчаянием обреченного.

Гренвир покачал головой.

– Нет, все уже получилось. Видишь синее пламя? Окажись на твоем месте простой человек, оно бы не зажглось.

Я тупо уставился на вовсю полыхающий огонь, почти полностью сложившийся в замысловатый символ. Разум отказывался верить в реальность происходящего.

– Осталось немного, – успокаивающе проронил старик, странным образом поводя ладонями перед собой. – Не волнуйся, ты умрешь легко. Жаль, что не сможешь увидеть, как откроется первая ступень.

Какая еще, в задницу, первая ступень?! Не хочу никаких ступеней! Хочу домой! На Землю, в комфортную квартиру на девятом этаж! И чтоб Эллочка в черном кружевном белье! И чтоб мартини с оливками! И чтоб…

– А-а-аа!!! – Боль вдруг нахлынула порывом резкого ветра, пронеслась, оставляя ощущение прошедшего через тело электрического разряда.

Ублюдок и здесь соврал. Легкая смерть, как же. Это походило на приливы и отливы, болезненные удары то накатывали, то отступали, заставляя тело биться в припадке. Короткие промежутки покоя длиною в несколько секунд воспринимались подлинной благодатью.

Непонятно откуда проклюнувшимся колдовским взором я увидел, как ко мне протянулись нити магической энергии, заключая в плотный кокон. И пришло понимание, что еще немного, и настанет конец. Я умру не от потери крови, кокон вытянет из меня жизненные соки, оставив висеть пустую оболочку мертвого тела.

Не хочу! Яркой звездой во мне вспыхнула злость. Умирать не хотелось так сильно, что невидимые обычному человеческому глазу липкие нити испуганно колыхнулись назад.

Я открыл глаза и увидел Гренвира. Оказалось, он стоял на вершине одного из лучей пентаграммы, вытянув в руках уже развернутый свиток. Кажется, он его читал, как сквозь вату доносились слова незнакомого языка.

В зале сгустился мрак, лишь звезды наверху и горящий синий огонь освещали последний этаж чародейской башни.

Я сделал усилие, представляя, как режу магические веревки. В ту же секунду в моем сознании возник образ призванного меча, с дымчатой сталью волнистого лезвия и черным металлом на рукояти.

Призрачный клинок заиграл хищной красотой совершенного оружия, переливаясь бордовым и алым.

Что-то почувствовав, алхимик отвлекся от манускрипта и посмотрел на меня, следом раздался торжествующий крик очнувшегося Йогар-гала.

Я осознал себя стоящим в центре большой пентаграммы, абсолютно свободным и переполненным силой, мою правую руку оттягивал призрачный меч.

Глаза Гренвира удивленно расширились.

Глава 22

С невнятным криком я скакнул вперед, удерживая перед собой меч острием вперед. Понимал, промедлю секунду – и пышущий злобой алхимик настругает из бывшего ученичка поленницу дров.

Фехтовальщик из меня аховый, знал, что надо рубить и колоть. Таким незамысловатым набором ограничивались мои познания в сфере владения холодным оружием. Ну и махать еще немного умел. Тут главное – себе что-нибудь не отрезать жизненно важное, стараясь держать блестящее лезвие подальше от собственной тушки. А так основная цель довольно проста – попасть по врагу.

Вот с этим и возникли проблемы.

Добраться до скалящегося волшебника с одного прыжка не удалось. Поганец с какой-то ленцой приподнял правую руку (левая удерживала свиток) и резко повел кистью вниз.

На моем пути вспыхнула ослепительная решетка, сотканная из пучков белого света. Или паутина, трудно понять. В любом случае, летя в эту штуку, я как-то живо представил, что сейчас в ней завязну и опять не смогу шевельнуться.

Однако этого не произошло, клинок легко рассек висящую в воздухе магическую конструкцию, только обрывки полупрозрачных нитей брызнули в стороны.

Пожалуй, впервые физиономия Гренвира украсилась выражением озадаченности. Когда я освободился, он удивился, но вроде не очень сильно, а вот сейчас выглядел действительно ошарашенным.

Не ожидал, падлюка, что призрачный меч разорвет его творение.

Надо отдать старику должное, застывать столбом, изображая памятник изумлению, он не стал. Я уже почти до него дотянулся, уже почти ощущал давление на рукоять, представляя, как вспарываю брюхо бывшему наставнику, как тот вдруг ловко качнулся вбок, уходя от моего разящего выпада.

Хоп. Поворот – и вот уже навстречу мне летит ребро морщинистой ладони, метя в район шеи.

Каратист хренов… Почему-то не возникало сомнений, если попадет, то сломает мне шею, перешибет как тростинку.

Я испуганно отшатнулся назад, не глядя махнул перед собой клинком, вынуждая в свою очередь противника уворачиваться. Следом пригнулся, избегая встречи с выстрелившей вперед сухопарой рукой, нацелившейся на этот раз мне прямо в голову.

Еще один удар наугад, лишь бы отогнать взбесившегося пенсионера-ушуиста.

Как, черт возьми, он умудрялся так быстро двигаться в своем мешковатом балахоне? Прыгал, как молодой козлик, давая фору иным профессиональным бойцам. И все это удерживая в одной руке свиток и старательно следя, чтобы рисунок на полу не повредился.

Наверное, из-за этого снова не рисковал использовать магию, боялся, зараза, что его драгоценная пентаграмма будет нарушена.

Хм-м, а это идея. Достать шустрого старикана так и не удавалось, сколько ни махал мечом, тогда почему бы не помешать ему другим способом? Например, с удовольствием потоптавшись на дурацких рисунках. Авось что-нибудь сотру важное. Что и сделал, логично предположив, что терять мне в общем-то нечего.

Точнее, попытался сделать, мою задумку алхимик раскусил на раз, завертелся юлой, взорвался шквалом ударов и выпадов, вынуждая пятиться задом подальше от центра зала.

Нет, ну это просто уже невозможно. Где он так драться научился, скажите на милость? Я с зачарованным клинком и отступаю, а этот доморощенный Брюс Ли рвет меня буквально голыми руками.

Уточнение – одной рукой, в другой все так же зажат свиток.

Я взмок. Вроде прошло меньше минуты, а упарился так, будто весь день ведрами воду таскал на четвертый этаж. А у Гренвира и капельки пота не видать, морда сухая, лишь приняла крайне сосредоточенное выражение.

Сначала я не понял, что помогало мне практически на равных биться с озверевшим волшебником (конечно, сильно сказано – на равных, не убил пока и ладно, ни о каком равенстве говорить не приходилось, старик полностью доминировал, давил, и давил сильно), но вскоре сообразил, что силы мне давал подарок божка. Он-то меня и освободил из хвата магического кокона.

Каким-то странным образом призрачный меч не только порвал оковы, но и впитал всю мощь, что разлилась вокруг после освобождения. Плетение лопнуло и высвободило энергию, которую на манер хорошего пылесоса всосало в себя эфирное оружие.

Именно благодаря ему я еще держался, а не лежал на полу со сломанной шеей. Меч помогал, подсказывал, вливая силу через рукоять, придавая ускорение и серьезно увеличивая выносливость.

Без него я давно бы уже сдох, больно уж разница в боевых навыках оказалась несоразмерна между бывшими учителем и учеником.

И все равно дисбаланс оставался. Не подавляющим, отдавая победу более сильному сразу без боя, но и не таким, что можно надеяться выйти из зала живым.

Гренвир твердо нацелился прикончить меня и принялся осуществлять задуманное на практике с упорством механического бура. Стало ясно, что еще минута-другая, и поединок будет закончен. Надо срочно что-то делать. Вопрос только, что? В голову ничего не приходило.

В какой-то момент мы принялись двигаться по окружности, старик теснил, стараясь прижать прыткого подмастерья к стене, чтобы одним ударом завершить схватку. Я в свою очередь скользил назад, в основном уворачиваясь от мелькавшей перед глазами худощавой конечности, воспринимаемой сейчас не иначе как рассерженной змеей.

Достать верткого старика уже не пытался, отмахивался наугад, опасаясь, что ловкий пенсионер каким-нибудь хитрым приемом ударит по кисти и выбьет мое единственное средство обороны.

Незаметно в мышцах поселилась усталость, двигаться становилось все тяжелее, дыхание сбилось, по лбу градом катился пот.

Вдруг что-то ударило в плечо сзади, тело качнуло, и только после этого вспыхнула боль. Боковым зрением заметил, как из стены выскочил длинный шип, вонзился в плечо и нырнул обратно. Еще два метили в грудь и бедро, к счастью, именно в этот миг я сделал шаг, оказавшись вне досягаемости от ожившей поверхности неровных камней.

Гренвир стоял, приложив к стене руку. Проклятье! Магичит, паршивец. Я резво прыгнул вперед, надеясь поймать его на контратаке.

Не вышло. Алхимик проворно качнулся маятником, уходя из зоны поражения клинком. Чтобы спустя секунды тут же самому перейти в наступление, пытаясь если и не завладеть оружием, то хотя бы сместить фокус атаки против себя.

– Сволочь! – с ненавистью выдохнул я, уже порядком запарившись.

Бойкой резвости старика можно лишь позавидовать. Такая прыть не у всех молодых, не то что разменявшего вторую сотню лет.

Алхимик молчал, не реагируя на оскорбление. Молча давил, стремясь поскорее закончить стычку.

– Безгармарааааа! – заорал вдруг позабытый за последними хлопотами божок.

Так уж получилось, что, кружась напротив друг друга, мы

подошли слишком близко к его обиталищу. Аквариум очутился за моей спиной в паре метров, около трех с половиной оставалось до плавно скользящего по каменным плитам Гренвира.

Волшебник вздрогнул, левая рука инстинктивно дернулась вверх, трогая лицо. Я как последний кретин проворонил удачно подвернувшуюся возможность и, вместо того чтобы врезать по синей фигуре, усыпанной письменами, остановился, не понимая, что происходит.

Что поделать, воин из меня тот еще.

Оказалось, Йогар-гал решил не оставаться в стороне от схватки и поучаствовать в общем веселье. А так как ограничения по нахождению в аквариуме никуда не делись, то пришлось иномировой сущности использовать что есть по рукой.

Короче говоря, он плюнул в алхимика. Смачно так плюнул. Да что там, харкнул от души, точнехонько попав тому в харю. Вот последний и тормознул, вытирая с лица сгусток прилетевших слюней и соплей.

– Ах ты, мелкая тварь! – Невозмутимая холодность дала трещину, волшебник не выдержал и громко выругался, поминая всех родственников божка до седьмого колена.

Неудивительно, думаю, вряд ли до этого на Пауля Гренвира кто-нибудь вообще плевал. А тут сразу такой харчок и прямо в морду, взбесит и более сдержанного, куда уж там хладнокровию.

Послышалось радостное хихиканье. Йогар-гал веселился от удачного попадания.

Я опомнился и ударил наотмашь, пытаясь достать отвлекшегося противника. Поздно, он быстро пришел в себя и без лишней суеты легко увернулся, о вспышке злости напоминали лишь мрачно сузившиеся глаза и гневно раздувающиеся ноздри прямого носа.

М-да, ступил, сразу надо было бить, а не хлопать ушами. Боюсь, второго случая не подвернется. Вон как ловко сместился, опять прижимая меня к стене бесконечными выпадами, но теперь вынуждая идти не в сторону конструкции с клеткой божка, а в противоположном от нее направлении.

До сих пор не пойму, как ему удается так драться, используя всего одну руку. Ладно еще свиток отчего-то не отпускает, иначе, наверно, давно бы уже победил.

Черт! Больно! Немного отвлекся и закономерно схлопотал по мордасам. Удар вышел скользящим, вовремя успел дернуть головой вправо, но все равно ощутимо. Шустрый, падлюка.

– Ямахаарараа! – нечто невразумительное взвыл божок, попытавшись повторить давешний подвиг.

Смачный плевок врезался мне прямо в лодыжку. Ну что за

гадство? Промазал, растяпа! По губам Гренвира скользнула насмешливая улыбка. Издевается, сволочь, и радуется, что не ему прилетело.

– Ах ты, мелкая дрянь! – настала моя очередь возмущенно вопить.

Лучше бы сидел в своем корыте и никуда не вылезал, чем так пытаясь помочь.

Бух, кисть обожгло, пальцы сами разжались, отпуская рукоять призрачного меча. Удивительно, как он вообще так долго просуществовал, видимо неплохо напитался энергией. Меч стукнулся о каменные плиты, подпрыгнул и растаял в воздухе.

Всё. Приехали. Сейчас меня будут убивать.

Алхимик сделал шаг вперед, приподнимая руку для завершающего удара, тонкие длинные пальцы сложились причудливым образом, напоминая клюв хищной птицы.

Позже я так и не смог толком сказать, что именно меня подтолкнуло сделать то, что я сделал. Может, страх подстегнул разум, может, сработал инстинкт выживания, может, пришло озарение свыше, черт его знает.

В общем, вместо того чтобы покорно ждать смерти, я зацепился взглядом за свиток в левой ладони Гренвира. Дальше рухнул вниз, становясь на колени, будто покоряясь судьбе, а сам выбросил правую руку вперед, хватаясь за сверток старинной бумаги.

Алхимик слишком поздно понял, что я хочу сделать. Среагировать он успел, да, безусловно, но недостаточно быстро, в том смысле, что мне удалось прикоснуться к зачарованной вещи. Мазнул кончиком пальца по краю, успев перед этим обратиться к искре своего магодара.

На древнем пожелтевшем пергаменте появилась маленькая черная точка.

Что тут началось… Старик буквально взвился в воздух и заорал нечто нечленораздельное. Морщинистое лицо исказила гримаса боли, словно это я не свиток пытался превратить в горстку пепла, а его самого.

Все еще стоя на коленях, я провел рукой по воздуху и с радостью ощутил появление исчезнувшего клинка.

Гренвир тряс рукой и что-то шептал над свитком, на краткий миг упустив поверженного ученика из поля зрения.

На этот раз я мешкать не стал, рубанул от души, метя в балахон чародея на уровне колен.

– А-аа-ааа!!! – заорал старик.

И рухнул подломленным деревом.

Мои глаза распахнулись, к горлу подкатил комок. Походу, я

отрубил ему ноги.

– Да-аа!!! Ха-ха-ха, – откуда-то издалека прилетел тоненький голосок торжествующего божка.

Я тяжело уперся в пол кулаками, пытаясь подняться. И почти сразу замер, не веря своим глазам. Вместо того чтобы сдохнуть, неугомонный алхимик перевернулся на живот, оперся на руки и живо пополз в мою сторону.

– А-аа-ааа!!! – теперь уже орал я, совершенно охреневший от уведенного.

Господи, да сдохнет он сегодня уже наконец или нет?! Что за дерьмо тут творится?!!

– Бей его! – утробной сиреной заорал Йогар-гал.

Легко ему, сидит в своей раковине и в ус не дует. Зритель-болельщик, чтоб его комары десять ночей подряд кусали.

Впрочем, здравое зерно в совете присутствовало. Я вскочил на ноги, замахнулся клинком и…

Гренвир играючи перехватил мелькнувшее лезвие, не обращая внимания на брызнувшую кровь. Пальцы ему почему-то не отсекло, лишь глубоко порезало.

Он зарычал и бросился на меня, каким-то чудом умудрившись сбить на пол. Правая рука протянулась вперед, хватая мертвой хваткой за горло.

– Голову ему руби! – не унималась жаба в зеленом аквариуме.

Нет, ну это уже ни в какие ворота. Как, спрашивается, я ему буду рубить голову, если меня самого прижали к каменным плитам и успешно принялись душить? Совсем охренел у себя на галерке?

Пыхтя и извиваясь, я пытался сбросить чародея, тот, в свою очередь, изо всех сил давил мне одной рукой на горло, левая почему-то все так же продолжала удерживать чертов свиток.

Свиток. Вот оно. Слабое место сбрендившего волшебника. Надо повторить трюк с трансформацией в пыль.

Как говорится, сказано – сделано. Уже чувствуя, как перед глазами плывут круги, а грудь сжимается в тисках от недостатка воздуха, я потянулся к старинному манускрипту, аккуратно свернутому в трубочку.

К несчастью, Гренвир вовремя разгадал мой маневр и отвел руку с драгоценной реликвией назад. Правда, для этого ему пришлось чуть ослабить хватку, чем я и воспользовался, уперев колено ему в пузо и сильно толкнув вперед.

Старик с совершенно безумным взглядом отлетел назад и почти мгновенно бросился обратно, пытаясь снова в меня вцепиться.

Но я уже не оплошал, пружинкой вскочил на ноги. Взмах,

удар, еще один, крест-накрест. Море брызжущей крови.

– Еще! Бей еще! – визжал Йогар-гал.

Обалдевший, залитый кровью с ног до головы, я поднимал и опускал клинок на истерзанное тело в синей хламиде. Но самое кошмарное, что оно все продолжало дергаться и, кажется даже, пыталось подняться на срубленных под колено обрубках.

Вроде я что-то орал, не помню. Бил со всей мочи, лишь бы кошмар закончился, а проклятое туловище алхимика перестало наконец шевелиться.

Понятия не имею, сколько продолжалось это безумие. Меня накрыло по полной и не отпускало до тех пор, пока тело в мантии не замерло в неподвижности, как и полагается добропорядочному мертвецу.

– Живучий, гад! – дрожащим голосом выдохнул я, тяжело опускаясь рядом.

– Голову ему отсеки! И вонзи клинок в грудь! – заорал божок, реагируя на смерть ненавистного пленителя.

И знаете что, я действительно так и сделал. После шустрого спринта безногого тела, едва не прикончившего меня, лучше перестраховаться, чем потом жалеть, отбиваясь от вновь ожившего трупа.

После всего произошедшего легко верилось в способность Гренвира восстать из мертвых, дабы прикончить «мерзкого мальчишку».

Я встал на подгибающихся ногах, приподнял меч и одним ударом отрубил седовласую морщинистую голову бывшего учителя.

Дзинь – только лезвие проскрежетало по каменным плитам, высекая искры.

Постоял, покачиваясь (устал, жуть, как до сих пор держался, непонятно), примерился и медленно погрузил призванное оружие в тело алхимика, давя изо всех сил на рукоять.

Долгую секунду ничего не происходило, а затем начались чудные метаморфозы, мертвец прямо на глазах стал рассыпаться. Я лишь икнул от изумления. Раз – и на полу горка праха в груде расползающегося по швам синего тряпья. Едва успел подхватить падающий клинок.

Стоило пальцам коснуться рифленой рукояти, как меня будто разрядом ударило. И пришла боль. Невыносимая, всесокрушающая, нестерпимая настолько, что разум объяло пожаром страданий. Казалось, каждая клеточка организма горит.

Не в силах выдержать и спасаясь от шока, сознание провалилось в глубокое забытье. Я отключился.

* * *

Пробуждение было ужасным. Никогда не чувствовал себя хуже. Голову сдавило стальными тисками, суставы ломило, мышцы превратились в желе, тело сотрясала дрожь, в животе что-то перекручивалось, явно намереваясь выйти наружу.

Я приподнялся на четвереньки, и меня тут же вырвало. Руки-ноги разъехались, грохнулся обратно, едва не угодив лицом в рвоту. Язык распух и еле ворочался.

Попытка приоткрыть один глаз далась с невероятным трудом. Судя по открывшемуся виду и ракурсу, я до сих пор находился в лаборатории на четвертом этаже, на том самом месте, где вырубился. Неподалеку лежали останки Пауля Гренвира, крыши все так же нет, сверху бьет солнце. Похоже, оно меня и разбудило. Иных причин приходить в себя при таком самочувствии нет, лучше уж дальше валяться в бессознанке, чем испытывать нечто похожее.

Что со мной произошло?

Мысли ворочались вяло и крайне неохотно. Остро хотелось вновь провалиться в забытье.

– А я уж думал, никогда не очнешься, – откуда-то сверху проворчал писклявый голос, как наждаком режущий по ушам.

О боги, эта мерзкая жаба все еще жива. Убейте меня.

– Чего разлегся? Немедленно вставай и освобождай меня! – никак не желал угомониться божок, надоевший до зубовного скрежета.

Как же он меня достал! Прикончу паршивца, как есть прикончу. Вот только поднимусь на ноги и сразу кинжалом прямо в уродскую морду ткну, авось повезет и подохнет.

Разумеется, пронзительные призывы остались с моей стороны без внимания. Я вдруг обнаружил, что каменные плиты на полу обладали крайне полезным свойством не нагреваться под солнечными лучами. Приятная прохлада холодила, давая небольшое успокоение гудящей голове.

– Эй, ты чего? Я же все еще связан. Поднимайся и ломай эти богопротивные механизмы. – Пауза. – Надеюсь, ты там не умер, – в голосе Йогар-гал, пожалуй, впервые проскользнули нотки искреннего беспокойства.

Не за меня, ясен пень, о себе волновался, мерзавец. Кто его выпустит на волю, если я умру? Он тут может годами сидеть, пока окутывающая аквариум алхимическая машинерия в связке с магическими плетениями не разрушатся.

– А я знаю, что с тобой случилось. Хочешь, расскажу? Надо признать, никогда не видел ничего подобного. И вообще не

думал, что такое возможно, – решив зайти с другой стороны, поведал божок.

Тут уж волей-неволей навостришь уши. Как-никак речь шла о собственном организме. То есть здоровье. Что-то мысли путаются, а вырубиться вновь так и не получалось. Только и оставалось, что лежать, наслаждаясь прохладой от пола.

Хм-м, а солнце бьет все ощутимее, видать время к обеду. В тенечек, что ли, отползти. Там и холодок, и света поменьше.

Подумал без особой охоты, любые движения в данный момент вызывали острое неприятие. Ползти разве что, и то очень и очень медленно.

– Будешь лежать дальше, рискуешь потом вовсе не встать, – не унимался упрямый уродец. – Тебе сейчас надо срочно провести коррекцию дара, иначе он сожжет тебя изнутри.

Коррекцию дара? О чем эта жаба толкует? Как же мне хреново, кто-нибудь пристрелите меня уже наконец.

– Я тебе серьезно говорю, мальчик. Если прямо сейчас не встанешь, то уже ближе к вечеру очень сильно пожалеешь об этом. И нынешние страдания покажутся лаской.

А вот это уже не на шутку испугало. Будет еще хуже? Тогда уж точно лучше сразу вниз башкой с башни, чтобы не мучиться.

С трудом, со стонами, придерживая голову одной рукой, а второй помогая телу приподняться, я кое-как принял сидячее положение, умудрившись каким-то образом прислониться к стене, как раз в теньке и подальше от солнца.

– Вот, молодец, – поощрительно пропищал Йогар-гал.

Я уже говорил, что ненавижу его мерзкий голосок?

– Выкладывай, мерзкая жаба, что со мной происходит? – едва слышно прошептал я, в изнеможении откидываясь назад.

– Тебе никто не говорил, что стоит вести себя вежливо с теми, кто, возможно, спасет тебе жизнь?

Он еще издевается.

– Аквариум разобью, – пригрозил я, в данный момент едва способный шевелиться.

Помогло, угроза худо-бедно сработала. Йогар-гал отлично видел, что в эту секунду «мальчик» не способен на активные действия, но кто знает, что случится чуть позже. Может, перед тем как умереть, и правда расколотит стеклянную емкость. Это не освободит пленника, только лишит воды, трубочки останутся, как и наложенные чары ограничения. И останется тогда лягушачья тушка мутанта медленно умирать на открытом воздухе, а как вместилище сдохнет, божок окажется запертым внутри разлагающихся останков, не в силах ни двигаться, ни говорить.

– Меч Шахода не просто убил твоего учителя, – принялась

рассказывать плененная сущность. – Он полностью выпил его дар. Дар Истинного мага.

Понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, о чем идет речь. Выходит, клинок не просто прикончил моего ненаглядного наставника, перед смертью оружие каким-то образом вытянуло из него способности.

– Как это случилось? – тяжело спросил я.

Йогар-гал беззаботно рассмеялся. Судя по всему, его забавляла сложившаяся ситуация.

– Алхимик не довел ритуал до конца. Первая ступень – связь заклинателя со свитком, так и не завершилась.

Угу, ясно теперь, почему Гренвир не выпускал свиток из рук, он тупо не мог этого сделать. И магию, наверное, именно поэтому не использовал на полную мощь, его самого окутывали чары незаконченного обряда.

– И что дальше? – задал вопрос я, уже догадываясь, что услышу в ответ.

– Собранная энергия прошла через клинок прямо в тебя, вызвав спонтанную реакцию отторжения, – любезно пояснил божок. – Чужой дар принялся бороться с твоей искрой, пытаясь ее загасить. И тебе стало плохо.

Плохо – это еще слабо сказано, думал, что вообще сдохну. Получается, клинок перекачал в меня силу старика, а организм не захотел ее принимать, и началось. Родной источник магии принялся с ожесточением бороться с пришельцем, пытаясь вытолкнуть его обратно, тот сопротивлялся и, судя по всему, понемногу одолевал, заодно влияя на здоровье носителя самым губительным образом. Как инфекция и антитела с отторжением чужеродных тканей.

– И что делать?

– Брать снова меч Шахода в руки и использовать его мощь. В противном случае еще до наступления ночи чужая искра выжжет тебя изнутри, – обрадовал Йогар-гал и не замедлил предупредить: – После призыва будет очень больно.

Я мрачно на него покосился, подумал и медленно провел рукой в воздухе, вызывая эфирный клинок.

Насчет боли он не соврал, она и правда была просто чудовищной.

Глава 23

Второе пробуждение оказалось полегче первого. Меня трясло, но не сильно, уже не в ознобе. Мутило, но без желания исторгать из себя внутренности. Голова побаливала, но не в стиле битья кувалдой по темечку.

Короче, самочувствие не из разряда пристрелите меня кто-нибудь поскорей, а что-то вроде водички бы попить, освежиться.

Пошатываясь сел, тупо оглядываясь вокруг. Ага, ночь на дворе. Сверху светят яркие звезды, видны кусочки взошедших лун. Прохладно.

За время моего отсутствия крыша так и не выползла обратно из стен. Жаль. Видать, уже и не выползет, после смерти алхимика.

– Пришел в себя? Наконец-то! – откуда-то сбоку раздался ворчливый голосок.

Я повернулся, ну конечно, мерзкий уродец все так же бултыхался в своей прозрачной канистре. Трубочки опутывали аквариум, а вот горелка уже не нагревала пузатую колбу, ничего не булькало и не шумело. Аппарат по вытягиванию божественной эссенции прекратил работать. Что в целом неудивительно, за ним же никто не следил.

– Вижу, у тебя получилось. Хотя, когда ты начал орать, думал, сдохнешь, – разоткровенничался Йогар-гал.

А я вдруг вспомнил, что произошло перед тем, как в очередной раз вырубился. Воспоминания нахлынули волной, захватывая разум в плотные объятия обреченной действительности.

Ни черта не вышло! Магический дар волшебника не получилось ни изгнать, ни погасить. Даже при помощи напитанного под завязку призрачного меча я не смог совладать с бушующим пожаром искры Истинной магии.

Сильно захотелось выругаться вслух. Что с наслаждением и сделал, кроя всех и вся, припоминая всю родословную злобного старикашки, не сумевшего сдохнуть тихо-мирно, умудрившегося даже после смерти подложить «любимому ученичку» такую свинью.

У-уу, мерзкая морда, нагадил-таки напоследок.

– Ты чего? – слегка удивленно спросил божок, не понимая, почему это я подпрыгиваю на месте, изрыгая самые грязные ругательства, которые знал, причем иногда переходя на совершенно незнакомый для него русский язык.

Великий и могучий хорошо помогал заполнить пробелы Эри в части выражения отношения к невзгодам.

– Твой поганый меч ни хрена не помог! – едва ли не проревел взбешенным буйволом я. – Он лишь выстроил плотину вокруг пылающего жара, но не погасил его полностью! И теперь где-то внутри горит огонь, только и жаждущий поскорее спалить меня к едрене-фене!

Я пылал негодованием, возмущенно уставившись на Йогар-гал. А этот мелкий поганец философски пожал тоненькими плечиками. Мол, подумаешь, никто гарантий не давал, и вообще, по всем вопросам обращайтесь в сервисный центр.

– Ты же сказал, он поможет! – обвиняюще рявкнул я.

– Ну так он и помог, ты же все еще жив, – рассудительно ответила плененная сущность.

От такого наглого съезжания с темы я аж задохнулся от негодования.

– Ненадолго! Эта дрянь потихоньку съедает меня изнутри! – завопил я в самых расстроенных чувствах. Умирать категорически не хотелось.

– А никто и не обещал долгих лет, – мерзко захихикала вредная жаба, плескаясь в мутной зеленой воде. – Скажи спасибо, что прожил лишний день.

Я скрипнул зубами, рука тяжело оперлась о холодный камень стены, помогая подняться.

– Знаешь, что я с тобой сейчас сделаю? – задал я риторический вопрос, медленно продвигаясь к конструкции с аквариумом посередине.

Видимо, Йогар-гал прочитал в моих глазах нечто крайне нехорошее в отношении собственного ближайшего будущего, потому быстро сдал назад и заискивающе заюлил:

– Так я же только рад, что ты жив. Сам подумай, умри ты, и кто меня из этой клетки вытащит?

Надо признать, определенная логика в его словах присутствовала. Оставаться здесь запертым еще на пару десятков лет божок определенно не собирался. При всех своих недостатках, Гренвир знал толк в колдовстве и делал запирающие заклятья на совесть. Вся башня могла развалиться, а чары не исчезнут, продолжая удерживать плененную сущность в тварном мире.

– Если ты думаешь, что после всего этого дерьма я тебя освобожу, то ты глубоко ошибаешься, – прошипел я, с ненавистью глядя в маленькие глазки.

Даже сейчас я чувствовал, как Истинный дар полыхает внутри меня огненным жаром, угрожая спалить в любое мгновение. Выстроенная преграда отнюдь не гарантировала защиту, лишь давала отсрочку.

– Как убрать эту дрянь? – спросил я, останавливаясь, слабость

в теле все еще давала о себе знать, пройдя с десяток шагов, взмок так, будто пробежал марафон на пяток километров.

Йогар-гал помедлил, косясь на мою замершую фигуру, затем дернул круглой башкой и виновато выдал:

– Не знаю.

Я сжал челюсть и упрямо двинулся вперед.

– Правда не знаю! – завопил божок, видимо подумав, что взбешенный ученик алхимика намеревается разнести его водное обиталище, тем самым убивая физическую оболочку и запирая его в медленно разлагающемся трупе на долгие годы, без возможности говорить, дышать и выполнять любые действия.

Стоило признать, крик прозвучал довольно искренне, в том плане, что актерской игры в нем не чувствовалось. Пленник действительно не имел понятия, как избавить человека от неприятного подарка.

– А кто знает? – спросил я, не слишком надеясь на ответ.

Похоже, то, что случилось со мной, не имело прецедентов в прошлом. И все из-за проклятого ритуала. Если я правильно понял, алхимик связал себя с Нимуранским свитком не просто какими-то чарами, он использовал для этого свой дар. Дар Истинного мага.

Вот почему призрачному клинку удалось забрать способность умирающего алхимика, дар находился как бы в подвешенном состоянии, и меч его выпил вместе с другой энергией.

Однако дальше начались трудности. Эфирное оружие не смогло переварить магический талант, потому что тот являлся совершенно иной субстанцией, нежели обычная энергия. И чтобы самому не разрушиться, клинок при первой возможности избавился от чужеродной силы, перелив ее в подходящий сосуд.

В кретина-подмастерья, кому не повезло оказаться не в том месте и не в то время. То бишь в меня.

– Ничего подобного мне раньше не приходилось наблюдать, – задумчиво проронил Йогар-гал, серьезно и без издевки. Неужели реально пытался вспомнить что-то похожее?

– Ну да, раньше не находилось полоумных придурков, решивших поиграться с древней реликвией, – проворчал я, прищурился и спросил: – Кстати, ты так и не сказал, для чего нужен Нимуранский свиток?

Божок моментально заткнулся, мелкие буркала принялись сверлить меня злобным взглядом.

Не скажет, догадался я. Будет молчать, как партизан на допросе, но не скажет ни слова. В крайнем случае соврет. Что особенно обидно, проверить как-либо правду я тупо не смогу. Эта отрыжка свиньи запросто может наплести мне с три короба, а я

ничего не пойму.

Он очень сильно боялся, что смертный узнает правду и… И что? Тоже захочет провести непонятный ритуал? Даже будучи свидетелем предыдущего? – Ну-у, не знаю. Как-то сильно сомневаюсь, что мне вновь захочется участвовать во всем этом дерьме, да еще находясь на месте безвременно почившего Старца из – башни.

Пауль Гренвир был опытным чародеем, прожившим на свете больше двух сотен лет. На его фоне Эри выглядел несмышленышем. Сопляком, мало понимающим в магии.

И тем не менее божок не хотел говорить правду. Опасался, гад, непонятно чего.

Взять бы его за шиворот да встряхнуть хорошенько, дать пинка, насадить на швабру да вместо половой тряпки использовать по назначению.

Заманчиво. Только что-то подсказывает, что даже столь радикальные методы допроса не сработают. Не расколется, мелкий поганец, будет молчать до последнего, вплоть до физического уничтожения вместилища.

– Свиток мне может помочь? – без обиняков спросил я.

Йогар-гал заколебался, но все же покачал пупырчатой мордой. Нет, значит. Врет? Черт его знает. Ни фига не понятно. Мимика на уродливой морде совершенно не походила на человеческую, не угадаешь.

– Ты знаешь, сколько у меня времени? Когда барьер рухнет?

Еще одна пауза. И еще одно покачивание лобастой башкой.

– Мне то неведомо, – скрипнул божок. – Тебе самому надо смотреть.

Самому смотреть? Куда смотреть? Что смотреть? Что эта жаба опять несет? Мне реально захотелось его хорошенько стукнуть. Речь шла о моей жизни, а он дурочку валяет. Забодал, в самом деле.

Под моим испепеляющим взором, полным искренней ярости, Йогар-гал запнулся, явно почувствовав себя не в своей тарелке. А ну как взбесившийся мальчишка и впрямь приведет угрозу в исполнение? И куковать ему тут до скончания века.

– Загляни внутрь себя, – принялся наставлять пленник недоросля-ученика. – Прикоснись к своему дару, ощути его. И уже через него попробуй дотянуться до воздвигнутой преграды вокруг пламени чужой магии.

Прозвучало вроде просто. Почти инструкция по пунктам.

Я медленно сполз по стенке, снова усевшись на пол. И попытался выполнить требуемое. Получилось не с первого раза, но получилось. Воздвигнутая стена воспринималась очень четко.

И как я этого раньше не замечал? Это же очевидно.

«Покрутившись» вокруг и «осмотрев» творение призрачного меча со всех сторон, я пришел к выводу, что преграда не прослужит долго.

Меч Шахода (как называл призванное оружие сам божок), пытаясь не пустить обратно внутрь себя дар алхимика, построил некое ограждение вокруг пылающего жара истинной магии.

И надо сразу подчеркнуть, я в этом процессе принимал участие постольку-поскольку. Не вырубился сразу, поддержал клинок в реальном мире нужное время и все, большего не требовалось. Остальное эфирное оружие сделало само.

– Ну что, чувствуешь? – Йогар-гал поерзал, устраиваясь поудобнее на краю аквариума.

– Да, – мрачно откликнулся я, прислоняясь гудящим затылком к прохладе неровной каменной кладки.

Тишина, уродец сопел, пыхтел, но держал паузу, не спеша лезть с расспросами. Догадался, что новости не радостные.

– Дней пять, может семь, – наконец сообщил я, отлипая от стены.

Оглядев себя, мимолетно подумалось, что не помешало бы помыться. Одежда залита кровью волшебника почти полностью. Засохшая бурая жижа щедро приправлена собственным потом и сверху припорошена пылью. Короче, полный трындец.

Правое плечо ноет. Колотая рана покрылась корочкой, но еще, естественно, не зажила. Проклятый старик с его уродской магией вырастающих невесть откуда острых шипов, чтоб ему на том свете икалось.

Рассеянный взгляд случайно уперся в груду останков алхимика. Синие тряпки расползшегося балахона лежали вперемешку с кусочками скелета и костной пылью. Больше ничего от Пауля Гренвира не осталось.

Неподалеку обнаружился треклятый свиток. Трубочка старинной бумаги лежала рядом с тем, что раньше было рукой двухсотлетнего чародея, а сейчас походила на сухую ломкую ветку странного серого цвета. Ну и гадость.

Я подполз к древней реликвии, протягивая к ней руку.

– Не-еет!!! – протяжным визгом заорал из своей банки Йогар-гал, стоило моим пальцам коснуться желтоватого пергамента.

– Теперь-то уж что, – проворчал я и, не обращая внимания на непрекращающиеся вопли, подхватил свернутый в трубочку короткий листок.

Развернул, тупо уставился в непонятные закорючки, почесал затылок. М-да, прямо китайская клинопись какая-то. Или, что скорее всего, мертвый язык.

Что любопытно, черное пятнышко бесследно исчезло. Процесс аннигиляции, как получилось с деревянной ложкой в харчевне и травинкой в поле, не пошел до конца. Уничтожить реликвию не так просто, как обычные предметы. Восстановился, зараза.

Я перевернул бумажку, убеждаясь, что с другой стороны ничего нет. Просто короткий текст, написанный непонятными значками.

К этому моменту Йогар-гал уже прекратил вопить, брызгая слюной, изрыгая потоки ругательств и грозя карами на беспутную голову «глупого мальчишки», не понимающего, куда он лезет своими грязными ручонками.

Сидел и скулил что-то невразумительное. Умаялся сердешный, поори-ка столько. Пучеглазые буркала вращались, жадно следя за каждым моим движением. Неужели и вправду думал, что я сейчас встану на вершину пентаграммы и начну нараспев читать заклинание, продолжая ритуал?

В голове вяло шевельнулась мысль немного потроллить ошалевшего божка, но очень уж лень напрягаться. Состояние здоровья еще далеко до обычного, слабость в мышцах никуда не делась, как и общая утомленность.

– Бред какой-то, – недовольно пробурчал я, откладывая свиток.

Йогар-гал что-то радостно закудахтал, полностью одобряя мои действия. Ну да, ему это как бальзам на душу. Чем-то его Нимуранский свиток до усрачки пугает. Вопрос: чем именно? Чего так боится божественная сущность? И что конкретно хотел при помощи него сделать Пауль Гренвир? Старик не походил на человека, кто будет тратить время на всякую ерунду.

– Бред, бред, – закивал божок, радостно поблескивая злобными глазками.

У-уу… морда, я взял лежащий на одной из начертанной на полу рун потухший кристалл и вяло кинул в направлении аквариума.

Промазал, точнее просто не докинул. Жаль.

– Ты всегда можешь попробовать выстроить барьер воли, мальчик, – неуклюжую попытку навредить емкости с зеленоватой водой Йогар-гал предпочел проигнорировать. – Таким образом ты сможешь продлить время существования основной преграды на пути пламени истинной магии.

– Что это? – помимо воли заинтересовался я.

– Но для этого нужна строгая самодисциплина и концентрация разума, – не отвлекаясь продолжал рассказывать пленник.

– Думаешь, вшивая медитация мне поможет? – со скепсисом изогнул брови я, вновь отодвигаясь подальше от останков мертвого алхимика.

Прибраться бы здесь. И с крышей непонятно что делать, точнее с ее полным отсутствием. Пойдет дождь, тут все затопит нафиг и по лестнице вниз потечет.

– Не знаю, что ты имеешь в виду, – насупился мой единственный собеседник.

А я в это время усиленно размышлял на предмет оставшейся энергии в призрачном клинке. Положим, хапнуть эфирное оружие успело немало, но говорить об океанах энергии явно не приходилось. На сколько подзарядок преграды у него хватит сил?

И ключевой вопрос – что делать потом? Ждать, пока сволочной дар сожжет изнутри? Так себе перспектива.

– Ладно, я пошел.

Я встал и пошатываясь направился к выходу. Йогар-гал обомлел, попытавшись что-то вякнуть вдогонку, но я не стал его слушать, молча проследовал к лестнице.

Темно, хоть глаза выколи. Пришлось притормозить, пробираясь вниз едва ли не ощупью. Ничего, дорога знакомая, не навернулся. На третьем этаже раздобыл факел, сразу стало повеселей.

Первым делом вышел во двор. Колодец, полное ведро воды. Умывание. Одежду сбросил там же, кое-как пожамкал, отстирывая грязь и кровь. Получилось не очень. Да и черт с ним. Старые шмотки сохранились в каморке, аккуратно сложенные в сундуке. Рвань, конечно, но куда лучше этого убожества.

Сунуть голову в ведро, полное колодезной воды, – непередаваемое ощущение. Сразу пришла легкость и ясность. Боль отступила, взбодрив организм. Для закрепления эффекта следующее ведро опрокинул на себя целиком.

Заорал, разумеется, куда уж без этого. Зато вся слабость моментально исчезла.

– Ух, хорошо, – на манер моржей в зимние купания, обхватил и протер плечи, дрыгая руками и ногами.

Метнулся обратно, быстренько надел старую одежду и рванул на первый этаж.

Кухня, кухонька родная. А что у нас на обед? Или скорее на поздний ужин? Выбор предоставлялся обильный, благо замки на кладовых сбивались на раз-два тяжелой сковородкой из чугуна (или из чего эта бандура, тяжелая зараза, такой и убить недолго).

Подумав и поразмыслив, решил не пороть горячку, подойдя к делу основательно. Первый порыв хватать свисающие с притолок связки кровяной колбасы, другой рукой отламывая куски от

крупных кругов сыра, и жрать, жрать, жрать, набивая брюхо, был отметен прочь.

Нет, будем действовать умней. С чувством, с толком, с расстановкой.

Короче, варить куриный суп с бульоном. То, что надо сейчас для ослабленного организма.

Ну а дальше по всем известному рецепту. Готовить я в прошлой жизни не очень умел, но уж столь простое блюдо знал, как сделать. Нашел подходящий котелок, поставил на огонь воду, забросил туда половину куриной тушки из ледяного погреба.

Нормально. Пойдет. Не для турнира шеф-поваров стараюсь.

Снова вышел во двор и еще раз ополоснулся. Пока бодрость не покинула тело, сходил в библиотеку, взял несколько книг, где на корешках имелись названия, подходящие по смыслу проблемы.

«Магическое познание. Путь к вершинам» за авторством Зархгара Верунди. «Искусство. Размышления о мастерстве» – Крол Мазгард, посвященный третьей ступени Иннуратской Академии Высшей Магии. И «Я – маг», – автобиографический очерк знаменитого путешественника-чародея из Парящего града Моона Кулари.

Пока лазил по библиотеке, мясо доспело. Накромсал в котелок моркови, лука, картофеля и еще каких-то трав, посолил, сыпанул чутка специй и оставил вариться на среднем огне. Сам уселся рядом, помешивал варево большой ложкой, напоминающей половник, одновременно с этим листая найденные книги. Чуть поодаль лежало «Введение в алхимию. Общие положения».

Вскоре по кухне поплыл одуряющий аромат свежего куриного бульона. Слюнки аж потекли. Стало труднее сосредоточиться. Выручила привычка выделения нужных сведений из массива данных, свойственная любым рожденным в век информационных технологий.

Углубляться в толстенные тома нет необходимости, то, что нужно, должно быть примерно в начале. Так и получилось. О магическом даре и его особенностях у людей расписывалось довольно подробно, начиная от методов выявления на ранних стадиях созревания у детей и заканчивая дальнейшим развитием в период взросления.

И ни слова о передаче Истинного дара другому человеку. Вообще ни одного упоминания. Будто раньше ничего похожего никогда не случалось.

Может, так и есть?

Я задумался. Если так, то мне труба. Продержусь еще пару недель, максимум три, повезет – месяц, и это при самых лучших

раскладах. Потом сдохну. Сожгет меня изнутри эта дрянь и имени не спросит.

В теории оставался вариант с наполнением меча Шахода энергией по новой. Он мне будет ставить заплатки, пока не найду выход из положения.

Однако возникал вопрос: где взять столько маго-энергии? Это не заготовка дров и не таскание воды из колодца. Так просто ее не добыть.

Разве что начать охоту на магов, с целью извлечения нужного ресурса.

Угу, а они будут стоять смирно, покорно ожидая, пока ты их пырнешь своей ковырялкой. Раскатай губу. Скорее уж меня самого настругают на ломти или поджарят задницу при выполнении этого «квеста».

Есть менее болезненные способы покончить жизнь самоубийством, чем лезть на обладателя магическим даром. Терять мне, конечно, нечего, но и приближать конец идиотским поведением тоже не стоит. Да и при этом маги штучный товар, где найдешь их в необходимом количестве?

Стоило трезво смотреть на вещи, охотник на чародеев из меня получится аховый. Прибьют и не заметят.

Нет, надо придумать нечто другое. Нечто более действенное и менее рисковое.

Я убрал с огня котелок, поставил прямо на стол, подложив для устойчивости по бокам пару дощечек, и принялся хлебать свежий суп деревянной ложкой, закусывая краюхой слегка черствого хлеба. Курицу вытащил чуть позднее.

Хорошо. Просто отлично.

Пока ел, не переставал напряженно морщить лоб, ища пути выхода из смертоубийственной ситуации.

Может, пойти на переговоры с той девкой? Психованная которая, любительница швырять шаровые молнии. Судя по всему, дуэгарцы весьма сведущи в магии, возможно, подскажет, что делать.

М-да, идея в целом неплохая, но есть одна загвоздка – девка совсем бешеная и, скорее всего, при встрече первым делом захочет прикончить «нежданного родственничка».

Зато есть чем заплатить. Судя по всему, вся эта развеселая толпа, что устроила битву в лесу, давно уже искала Нимуранский свиток. Ставлю медяк против золотой марки, за него многие захотят щедро заплатить. И необязательно деньгами, услуги и одолжения тоже подойдут.

Логично? Вроде да. Другой вопрос, кто заставит противоположную сторону выполнять условия сделки? Заключить

договор на крови? Ага, как я на свиной недавно. Или еще найдут способ обвести вокруг пальца. Зачем платить, если можно обмануть? Да еще сопливому мальчишке.

Не-е, не пойдет, слишком опасно. Инстинкты беспризорного сироты подсказывали, что заполучив драгоценный свиток, мне быстренько перережут глотку и выбросят в грязную канаву.

Подумав о подобной кончине, я злобно ощерился, внутри словно шерсть встала дыбом. Хрена им лысого, а не моя жизнь. Еще чего не хватало.

Тут я резко осекся, с улицы внезапно прилетел неясный шум. Чтоб меня. Похоже, в башню пожаловали очередные гости.

Глава 24

По мере приближения к цели все сильнее возрастало чувство тревоги. Сначала Алия не поняла, с чем это связано, списывая предчувствие на счет возможных проблем со старым алхимиком, но чем ближе становилась башня, тем явственнее проявлялась истинная причина возникшего беспокойства.

Эманации смерти.

Они буквально витали вокруг бочкообразного строения. Особенно остро это ощущалось перед воротами.

Дуэгарская ведьма предостерегающе подняла руку, приказывая кавалькаде остановиться.

– Что? – затянутая в кольчужную перчатку рука Витольда инстинктивно опустилась на рукоять тяжелого полуторного меча, напряженный взгляд принялся обшаривать окрестности в поисках скрытой угрозы.

Одновременно с этим капитан стражи попытался проехать вперед, готовый прикрыть грудью хозяйку.

Со стороны Алии послышалось раздраженное шипение, не ко времени проявленная забота вызвала у госпожи недовольство.

– Никому не двигаться, – бросила она, сузившимися глазами обшаривая площадку перед наглухо запертыми воротами.

Совсем недавно здесь погибло много людей. Причем практически одновременно. Она это прекрасно чувствовала.

Помедлив, Алия ловко сползла с коня и опустилась на корточки, внимательно изучая невысокий ворс плотной травы. Искомые предметы нашлись весьма быстро. Граненые кристаллические образования матового черного цвета. По округе их валялась целая россыпь, скрытая между стеблями сочной растительности.

Дэс-валион подняла один кусочек, маленький камешек тускло блеснул на открытой ладони.

– Госпожа, – раздался голос воина, находящегося в арьергарде. – Вон там, смотрите!

Пришлось выпрямляться и делать несколько шагов в указанном направлении. Неподалеку обнаружилась кучка такого же непонятного темного кварца. А за ним еще одна, и еще.

Алия вздрогнула. Каким-то образом она вдруг поняла, что видит перед собой. Рука сама разжалась, выбрасывая кристаллический обломок обратно в траву. Стало вдруг трудно дышать. Никогда прежде ей не приходилось видеть ничего похожего. И несмотря на весь опыт темной колдуньи, это на нее почему-то оказало гнетущее впечатление.

– Что это? – с интересом спросил Витольд, разворачивая лошадь так, чтобы одновременно держать под контролем вход во двор башни и получить возможность рассмотреть непонятные холмики из черных кристаллов.

– Трупы, – спокойно ответила Алия, мысленно встряхиваясь и беря себя в руки. Нельзя показывать солдатам, насколько ее поразило то, во что могут превратиться обычные человеческие тела.

Капитан стражи переменился в лице. Невзирая на годы близости к различным проявлениям магии, он все-таки оставался простым человеком. И мысль, что нечто может вот так же обратить его самого в груду битого стеклянного черного щебня, вызывало подспудное беспокойство.

– Магия алхимика, – объяснила дуэгарская ведьма и бросила напряженный взгляд на возвышавшуюся неподалеку башню.

Казавшееся раньше неуклюжим и скучным строение неожиданно стало выглядеть угрожающим, словно внутри притаилась смертельная опасность.

Солдаты потащили из ножен оружие, заскрежетал металл, полоски остро наточенной стали сверкнули в лучах восходящего солнца.

Просканировав частокол и ворота на предмет магических ловушек, Алия дала разрешающий знак. Двое воинов спешились и, держа наготове мечи, скользнули через ограду. Небольшая возня, и створки медленно распахнулись.

Неспешно ступая, кавалькада проследовала во двор. Впереди двигалась юная чародейка, в напряжении ожидая магического удара. Судя по всему, Пауль Гренвир не жаждал общаться с нежданными визитерами, прибегая для избавления от них к весьма радикальным мерам.

Алия догадывалась, чьи тела они только что увидели в столь необычном состоянии, и ей это совсем не понравилось.

Как-то буднично скрипнула дверь башни. Воины подтянулись, готовые броситься на врага. В широком проеме возникла щуплая фигурка давешнего мальчишки.

– Стоять! – тихо бросила она, подозревая скрытый подвох.

Витольд с подчиненными послушно замерли, образовав полукруг, вперед смотрели кончики остро заточенных мечей. На какой-то миг на дворе наступила звенящая тишина.

Ученик алхимика постоял на пороге немного, внимательно оглядел гостей и сделал короткий шаг, ступая на землю. Солдаты неосознанно напряглись. Не обращая на них внимания, белобрысый мальчишка спокойно обратился к Алии:

– В прошлую нашу встречу вы спрашивали, откуда у меня

перстень… – Тягучая пауза. – Я могу рассказать.

Худосочный, низкорослый и щуплый, он, нимало не смущаясь, смотрел прямо в глаза дуэгарской ведьмы, невозмутимо ожидая ответа. А вокруг в хищных позах застыли воины в темной броне с обнаженным оружием, всем видом показывая готовность рубить любого, на кого укажет хозяйка.

Что это? Храбрость или глупость? Алия еще не решила. Ясно одно – поведение ученика Старца из башни выглядело весьма необычно. За каменным спокойствием определенно что-то скрывалось. Он словно чувствовал за собой некое превосходство. И это, разумеется, настораживало, заставляя действовать осмотрительно.

– Говори, – властно велела молодая колдунья, будто делая одолжение вихрастому наглецу.

Мальчик снова помедлил, неторопливо скрестил руки на груди и бесстрастно изрек:

– Перстень мне передал Мерил дэс'Сарион.

Сначала Алия не поняла, о ком идет речь, а как осознала, возмущенно вскинулась.

– Лжешь! – яростно выдохнула она. – Не тебе, безродному, произносить своими грязными устами имя благородного Мерила! Как ты смеешь приплетать его к своей наглой афере?!

Казалось, еще секунда, и последует приказ изрубить мерзавца, посмевшего замарать имя одной из легенд рода дэс'Сарион.

Однако юнец оставался спокойным, где-то даже равнодушным.

– Кольцо не снимается, – безразлично буркнул он. – Призрак вашего родича передал его мне в Блуждающей башне. Кстати, именно там он пропал много лет назад, находясь в поисках утраченных знаний Искусства.

Сделанное уверенным тоном заявление вынудило повременить с наказанием мелкого негодяя. Алия знала подробности биографии Мерила, его и впрямь видели последний раз перед тем, как великий маг отправился искать знаменитую обитель запретных сил.

Таких подробностей не мог знать посторонний, даже будучи учеником старого мастера-алхимика. Информация не выходила за пределы узкого круга лиц причастных дуэгарцев, а книга, в которой об этом упоминалось, хранилась в библиотеке родового поместья, куда доступа чужакам нет.

Мелкий нахал попросту не мог знать того, о чем говорил так уверенно. Это заставило не спешить.

– Я хочу проверить, – категорично потребовала Алия, наконец

ощущая, как собственный перстень начинает реагировать на присутствие собрата.

До этого она так сильно погрузилась в состояние готовности к внезапному нападению старого алхимика, что просто не отреагировала на покалывание кольца, посчитав опасным сейчас отвлекаться.

И тем не менее перстень подавал четкие сигналы, что на пальце мальчишки находится не подделка.

Сделав знак воинам не двигаться, она быстро подошла к подмастерью Гренвира и взяла его за руку. Тот не стал ничего предпринимать, терпеливо дожидаясь окончания изучения. Через несколько секунд Алия отошла назад, вынужденно признав, что имеет дело с настоящим символом родной семьи. Выглядела она обескураженной.

– Где твой учитель? – снова встав рядом с Витольдом, спросила она спустя непродолжительное молчание.

Тишина. Мальчишка и не думал отвечать, вместо этого оглядел еще раз живописную композицию из замерших воинов в темных доспехах и сдержанно осведомился:

– Вы убедились, что я не вру?

Алия неохотно кивнула, но тут же резко бросила:

– То, что перстень не подделка, не доказывает твое сумасбродное заявление о принадлежности его Мерилу дэс'Сариону.

– А откуда я его еще мог взять? – развел руками ученика алхимика.

– Например, снять с трупа погибшего мага, – молниеносно откликнулась юная представительница дэс-валион.

Лицо мальчишки скривилось в скептической гримасе.

– Тогда магия кольца не дала бы мне его надеть, – совершенно справедливо возразил он.

Все верно, родовой перстень нельзя надеть просто так. Как и снять. Неужели и правда Мерил каким-то образом передал свой перстень этому бродяжке? Но зачем?!

– Я хочу знать всё, – твердо заявила Алия.

Эри с независимым видом пожал плечами и принялся рассказывать о посещении Блуждающей башни.

Слушали молча, лишь Алия иногда презрительно кривила губы, таким образом выражая сомнение в правдивости истории. Однако по окончании не спешила вновь обвинить во лжи, просто сказала:

– Занимательная байка. Такие по тавернам всякий сброд любит слушать под кружку крепкого эля.

И опять равнодушное пожатие плечами. Ученик старого

волшебника как бы говорил: не хочешь – не верь, дело твое, но я говорю правду.

– Где твой учитель? – второй раз спросила она, сверля напряженным взглядом мальчишку.

Тот снова ничего не ответил, вдруг замер, будто к чему-то прислушиваясь. В этот момент от башни совершенно неожиданно для дуэгарцев потянуло чем-то очень плохим. Трудно описать ощущение простыми словами, словно от серого строения пробежала волна чистого незамутненного зла.

Алия вздрогнула, в отличие от воинов, просто ощутивших присутствие опасности, она успела распознать в пронесшемся порыве следы божественной энергии.

В башне находилась потусторонняя сущность! Непонятно, светлая или темная, но совершенно точно не пылающая добром.

Солдаты дружно отшатнулись назад, ведьме пришлось приложить неимоверные усилия, чтобы не последовать их примеру.

– Вам надо уходить. Быстро! – затараторил мальчишка.

Его рука скользнула за спину, Алия автоматически приготовилась ударить боевой магией, но в худощавой ладони лежала компактный тубус из зеленоватого материала.

Неужели это…

– Я отдам вам Нимуранский свиток, – качнув реликвией перед носом ошарашенной магички, заявил юный стервец. – А вы взамен пообещаете меня не преследовать, идет?

Темные глаза требовательно уставились на девушку. Алия непонятно почему тупо кивнула, пораженная будничным появлением старинной реликвии в руках какого-то бродяжки, пусть и являющегося учеником знаменитого алхимика. В этих лохмотьях он никак не заслуживал этого статуса.

– Вам надо срочно уходить! – повторил он, сунул свиток в руки растерявшейся колдуньи и бесцеремонно подтолкнул ее к воротам.

Огорошенная так легко доставшимся сокровищем, за которым они охотились уже не одну неделю, она дала себя едва ли не вытолкать со двора. Воины безропотно последовали за ней, видя, что хозяйка не отдает других приказаний.

Уже садясь в седло и чувствуя, что жуть с явственными признаками божественного присутствия начинает все сильнее разгораться, Алия нашла в себе силы проверить переданный футляр, убеждаясь, что внутри лежит именно Нимуранский свиток, а не что-то еще.

Беглый взгляд по короткому тексту показал, что он действительно написан на эске, древнем языке первых разумных.

Значит, с высокой вероятностью свиток настоящий, написанный в старинные времена, специальным образом. В противном случае ни одна бумага не смогла бы выдержать на себе слова подлинного Эскурата.

Присутствие чего-то страшного с истоком божественных сил мешало сосредоточиться. Больно уж сильное ощущение, как бы не локальный прорыв. Слышала, такое возможно только в святом городе. И это пугало. Столкновение с одним из богов не обещало ничего хорошего, слишком свежи в памяти воспоминания о встрече с носителем Радужного жезла.

Внутри башни происходило непонятное, и от этого следовало держаться подальше.

– Уходим! Мы получили, что хотели! – повелительно выкрикнула она, разворачивая коня прочь от проклятой башни, где творилась какое-то безумие, с чем не хотелось связываться даже одной из дэс-валион.

Кавалькада всадников рванула по проселочной дороге, оставляя позади наливающуюся тьмой обитель алхимика.

* * *

– Уф, – я утер со лба пот. – Ускакала все-таки, зараза. Думал, так и будет на меня пялиться до самого вечера, не веря не единому слову. От горшка два вершка, а буркалами так и стреляет. Мелкая пигалица.

Я с чувством выполненного долга опустился на порог. Получилось. Кто бы сказал, не поверил, ан нет, прокатило.

Признаться честно, когда увидел в окно шарящихся у частокола людей в пластинчатой броне с темным отливом, то неслабо струхнул. Опознал драчунов из ельника. А вместе с ними ту девку.

Вот уж правда – помяни дьявола, и он тут как тут. Даже вздрогнул от неожиданности.

Соображал быстро, придумывая план на ходу. Самое сложное оказалось убедить божка организовать представление. Вредная сволочь никак не хотела соглашаться, аргументируя отказ нежеланием влезать в человеческие разборки.

Пришлось пригрозить, попутно объясняя расклад и напоминая, что собой представляют дуэгарцы. Эти ребята с богами не слишком дружили, и чего ожидать от них, непонятно. Особенно если увидят, что божок крепко связан.

Короче, догнал горемычный, что пряниками его кормить вряд ли будут. Скорее сотворят какую-нибудь пакость,

воспользовавшись моментом.

Дальше все как по нотам. Немного заболтал, удивляя уверенным поведением (знали бы, как у меня в это время тряслись поджилки), свернул с темы перстня, ошарашил появлением свитка и главное – его безвозмездной передачей в чужие руки (условное обещание не преследовать новоявленного «родственничка» не в счет, думаю, так легко от одной из великих семей не отделаться).

Изюминкой на торте выступил выброс энергии с характерным вкраплением божественных сил.

Меч Шахода имел одну очень важную особенность: он умел рубить не только материальные предметы, но и нити наложенных чар.

Я «прорубил» заклинание в нужных местах, давая возможность Йогар-галу получить чуть больше свободы. Чем он в полной мере и воспользовался, устроив неплохое шоу с ментальным воздействием и миниатюрной бурей в эфирном фоне.

Девку неслабо проняло. Мгновенно опознала, откуда ветер дует, и поспешила ретироваться. Видать, вспомнила недавнее поражение от графа с храмовым артефактом. На что я, в общем-то, и рассчитывал, обращаясь за помощью к пленному божку.

Зачем пошел дальше и отдал свиток?

Рассуждал я так, для чего эта штуковина, непонятно, как-то использовать сам не смогу, зато кристально ясно, что за ней идет довольно серьезная охота больших дядек и тетек, что не любят шутить и бьют наотмашь, не считаясь с потерями.

Оно мне надо, попадать под раздачу, да еще не пойми за что? Оставлять у себя столь опасный предмет будет полной глупостью. Рано или поздно обязательно достанут. Или те, или другие.

Выбросить куда-нибудь? Не вариант. Да и зачем, если есть способ получше. Передать одной из сторон, чтобы разбирались между собой.

Таким образом достигались две цели. Бешеная девка при деле и уже не так яростно жаждет добраться до моей головы. Меня оставляют в покое, и центр фокуса смещается на Дуэгар.

А там хоть трава не расти.

Печенкой чую, темным предстоят веселые денечки. Южане обязательно дознаются, у кого теперь свиток. Последуют законные претензии вернуть украденное. Подкрепленное солидным авторитетом конклавов первосвященников из города тысячи храмов – Шасцу-Насхар.

Уж не знаю, какая у них заварится буча, но подозреваю, будет весьма горячо. Может, и до открытой войны дойдет. Подобный

сценарий более чем возможен, учитывая важность похищенной древней реликвии.

В любом случае меня там точно не будет. Мне бы со своими проблемами разобраться, а не лезть в разборки жрецов, богов и магов.

Кстати, о богах, как там мой напарник поживает?

Я поднялся на четвертый этаж в лабораторию.

– Эй, ты живой? – спросил, подходя к аквариуму.

– Сам как думаешь? – Йогар-гал практически висел на краю стеклянной емкости и, кажется, задыхался, из двух дырочек, выполняющих роль носа, с тяжелым свистом вырывался воздух.

– Подыхать думаешь? – деловито осведомился я, оглядывая уродца. Сожалений в моем голосе не слышалось.

Уверен на сто десять процентов, повернись ситуация иначе, эта мерзкая жаба обязательно бы постаралась меня подставить. А даром всепрощения я не страдал.

– Нет, – недовольно буркнул божок.

Я взмахнул рукой, ладонь привычно ощутила тяжесть меча Шахода.

– Готов? – спросил я.

Йогар-гал настороженно на меня посмотрел, о чем-то подумал и неуклюже дернул лобастой башкой.

Ладно, будем считать, что кивнул.

– Еще увидимся, мальчик, – многообещающе протянул Йогар-гал, глядя мне прямо в глаза.

Я хмыкнул.

– И тебе не хворать, – отозвался я, вздымая над головой клинок. – Привет родне.

И ударил наискосок по конструкции с трубочками, одним взмахом разрушая и алхимическую машинерию и тельце запертой сущности. Точно по траектории, показанной самим пленником.

Раздался звон разбитого стекла, скрежет разрезаемого металла и негромкий всхлип. Всё. Больше никаких спецэффектов не последовало. Ослабленный недавним представлением, мой приятель отправился обратно домой буднично и без зрелищного шоу. Тихо-мирно издох, покидая тварную оболочку.

– Счастливого пути, – пожелал я и с чувством добавил: – Чтоб тебе ухабинами задницу растрясло.

Ну не любил я его, что поделать. Знал, что паршивец очень злопамятный, и, скорее всего, наши дорожки с ним еще пересекутся.

Пожалуй, и мне пора. Сначала в деревню, купить телегу и взять парочку лошадей. Заодно встретиться со старостой, чтобы завершить наши финансовые дела. Потом обратно, загрузиться

книгами, пробирками и всяким другим полезным алхимическим хламом.

Ну а после двину на северо-восток, в один из портов. Путь в Дуэгар по понятным причинам мне заказан, в Небесный град просто так не попасть, искать одиночек истинных магов – никакого времени не хватит. Остается один вариант – Хорс. Город торговцев, где кроме всего прочего проживает немало обладающих магическим даром и что самое главное – находится довольно внушительная библиотека.

Иного выбора нет. Если только не плюнуть на все и не сдаться, чтобы через недельку-другую попросту умереть.

Я встряхнулся, нет, умирать рановато, мы еще поживем. Обязательно найду способ совладать с Истинным даром. Опускать руки точно не буду.

А потом, кто знает, мир велик. К тому же не надо забывать про зал волшебных зеркал в Блуждающей башне. Ведь если можно смотреть в другие миры, то, возможно, есть способ туда попасть? И может, случится так, что однажды я все же увижу родную Землю, пусть и в образе бывшего уличного бродяжки, ученика Старца из башни, легендарного чародея по имени Пауль Гренвир.

Я взмахом руки убрал призрачный меч и неспешно направился к лестнице. Впереди ждал хлопотный день.